МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМАГОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА

IMAGOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES

Научно-практический журнал

2019 № 12

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68437 от 27 января 2017 г.)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИМАГОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА»

В.С. Киселев (Томск) – главный редактор
О.Б. Лебедева (Томск) – зам. главного редактора
Н.В. Хомук (Томск) – отв. секретарь
А.А. Казаков (Томск)
Н.Е. Никонова (Томск)
Е.Н. Пенская (Москва)
В.В. Абашев (Пермь)
К.В. Анисимов (Красноярск)
Л.А. Ходанен (Кемерово)
Р.Ю. Данилевский (Санкт-Петербург)
И.Ю. Виницкий (Калифорния, США)
В.Г. Щукин (Краков, Польша)
Сузи К. Франк (Берлин, Германия)
Рита Джулиани (Рим, Италия)
Антонелла д'Амелиа (Салерно, Италия)
Тимур Гузаиров (Тарту, Эстония)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL "IMAGOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES"

Vitaliy S. Kiselev (Tomsk) – Chairperson
Olga B. Lebedeva (Tomsk) – Deputy Chairperson
Nikolay V. Khomuk (Tomsk) – Executivt Editor
Alexey A. Kazakov (Tomsk)
Natalia Ye. Nikonova (Tomsk)
Elena N. Penskaya (Moscow)
Vladimir V. Abashev (Perm)
Kirill V. Anisimov (Krasnoyarsk)
Lyudmila A. Hodanen (Kemerovo)
Rostislav Yu. Danilevsky (St. Petersburg)
Ilya Yu. Vinitsky (California, USA)
Vasily G. Shchukin (Cracow, Poland)
Susi K. Frank (Berlin, Germany)
Rita Giuliani (Rome, Italy)
Antonella d'Amelia (Salerno, Italy)
Timur Guzairov (Tartu, Estonia)

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

© Томский государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

КОМПАРАТИВИСТИКА

Ди Филиппо М. Документы о российско-неаполитанских отношениях в Государственном архиве г. Неаполя: аннотированная опись. Часть 2 5
Березкина С.В. Переписка В.А. Жуковского с А.А. Воейковой периода заграничного путешествия (1827–1829) 23
Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера как памятник литературы и культуры романтизма 38
Жилякова Э.М. Образ «полевого цветка» в эстетике и творчестве раннего Ф.М. Достоевского (К проблеме: Ф.М. Достоевский и Оноре де Бальзак) 67

ИМАГОЛОГИЯ

Хомук Н.В. Барочная стратегия репрезентации «кавказского текста» в романе В.Т. Нарежного «Черный год, или Горские князья» 90
Сафронова Е.Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского 113
Новикова Е.Г. Французская проблематика романа Ф.М. Достоевского «Идиот» 142
Пенская Е.Н. Хлебников и Сухово-Кобылин. К проблеме текстологии русского космизма 158
Королева С.Б., Никола М.И. Концепт *Holy Russia* в романе Г. Уэллса «Джоанна и Питер»: диалог с Россией о национальной идее, святости и гениальности 181
Ковальчук Ю.А. Гетерообраз КНДР в современной прозе Республики Корея: имагологический аспект 208
Кондратьева О.Н. Стереотипный медиаобраз Сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) 222

РЕЦЕНЗИИ

Шаров К.С. Имагология в масштабах цивилизаций, или Трансформация концептов ‘мы’ и ‘они’ в глобализирующемся мире (Рецензия на книгу: Sassin W., Donskikh O., Gnes A., Komissarov S., Liu Depei. Evolutionary Environments. Homo Sapiens - an Endangered Species? Innsbruck: Studia Universitätsverlag, 2018. 362 p.) 237

Сведения об авторах 245

CONTENTS

COMPARATIVE STUDIES

Di Filippo M. Documents About the Russian–Neapolitan Relations in the State Archives of Naples: An Annotated List. Part 2 5
Berezkina S.V. Correspondence Between V.A. Zhukovsky and A.A. Voeykova During Her Foreign Trip (1827–1829) 23
Nikonova N.Ye. Correspondence Between V.A. Zhukovsky and F. Von Müller as a Monument to the Literature and Culture of Romanticism 38
Zhilyakova E.M. The Image of the "Wild Flower" in the Aesthetics and Early Works by F.M. Dostoevsky (To the Problem: F.M. Dostoevsky and Honore De Balzac) 67

IMAGOLOGY

Khomuk N.V. The Baroque Strategy of Representing the "Caucasian Text" in the Novel by V.T. Narezhny *Black Year, or The Mountain Princes* 90
Safronova E.Yu. The Germany's Image in F.M. Dostoevsky's Siberian Works 113
Novikova Ye.G. The "French" Theme in F.M. Dostoevsky's *The Idiot* 142
Penskaya E.N. Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin. On the Problem of the Textology of Russian Cosmism 158
Koroleva S.B., Nikola M.I. The Concept of Holy Russia in H.G. Wells's Novel *Joan and Peter*: A Dialogue with Russia About National Ideas, Holiness, and Genius 181
Kovalchuk Yu.A. The Hetero-Image of the Democratic People's Republic of Korea in the Contemporary Prose of the Republic of Korea: Imagological Approach 208
Kondratyeva O.N. The Stereotypical Media Image of the Siberian Region (Based on the Materials of the Russian Media of the 21st Century) 222

REVIEWS

Sharov K.S. Imagology on the Scale of Civilisations, or the Transformation of the Concepts 'We' and 'They' in the Globalising World (Book Review: Sassin, W. et al. (2018) *Evolutionary Environments. Homo Sapiens – an Endangered Species?* Innsbruck: Studia Universitätsverlag) 237

Information about the authors in Russian 245

КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 930.22
DOI: 10.17223/24099554/12/1

Марина ди Филиппо

ДОКУМЕНТЫ О РОССИЙСКО-НЕАПОЛИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ г. НЕАПОЛЯ: АННОТИРОВАННАЯ ОПИСЬ. ЧАСТЬ 2[1]

Статья посвящена описанию фондов и документов Государственного архива Неаполя, содержащих российские бумаги и отражающих развитие отношений между Российской империей и Неаполитанским королевством в XVIII-XIX веках. Корпус российских документов выявляется и описывается на основе содержания деловых писем и депеш, а также заголовков актов, меморандумов, трактатов и иных бумаг. Дается краткая информация по истории формирования каждого архивного фонда. Во второй части статьи предпринимается обзор личных и родовых фондов, а также фонда иезуитских дел.
Ключевые слова: *Государственный архив Неаполя, Королевство Неаполя и двух Сицилий, Российская империя, архивное описание*.

II. Архив Мареска ди Серракаприола

Родовой архив был передан Джованни Мареска Доннорсо герцогом Серракаприола в 1950 г. в иностранный фонд государственного архива г. Неаполя. Богатый документальный комплекс начинается с 1433 г. и состоит из 260 папок и томов архивов Мареска и Ревертера (ветвь семьи Серракаприола), включая значительное количество бумаг Антонино и его сына Николы. Имеется опубликованная опись фонда [1. С. 305–332]. Материал данного архива дополняет документы Министерства иностранных дел и помогает охарактеризовать

[1] Первая часть статьи опубликована в предыдущем номере журнала (2019. № 11. С. 5–38). – *Примеч. ред.*

очень широкую сеть отношений, которые поддерживал дипломат со значимыми личностями своего времени (папки: 112–160). Некоторые документы, представляющие исторический и литературный интерес, содержатся в папках 108 и 110: в частности, поэтические тексты по случаю, написанные малоизвестными представителями итальянской культуры в России, а также географические и исторические описания России и её народов. Очень важными с историко-культурной точки зрения являются официальные документы с автографом подписи Екатерины II, чью подлинность, тем не менее, еще предстоит проверить.

Ниже перечислены картоны с бумагами Антонино и Николы, которые были возвращены в Неаполь из Петербурга. Документы написаны на итальянском, русском, французском, латинском и немецком языках. Там, где это возможно, документы в реестре были указаны в хронологическом порядке, в других случаях была сохранена нумерация внутренних папок. Французская транскрипция русских имен дана без изменений, как в названиях бумаг герцога Серракаприола и в опубликованной описи фонда.

100 1626–1935 гг.: Акты рождения и крещения членов семьи Мареска и личные документы. 1750–1930 гг.: свидетельства, копии и акты о бракосочетании, ходатайства. 1822–1935 гг.: акты о смерти. 1721–890 гг.: контракты и брачные договоры. 1538–1904 гг.: завещания членов семьи Мареска.

100 Портрет герцога Серракаприола. Гравирован в 1820 г. Биография, озаглавленная «В памятных записках», с главными событиями жизни герцога Серракаприола. «Жизнь Никола Марески». Биография Александра Алексеевича Вяземского (рукопись на русском с машинописным переводом на французский язык). 1783–1817 гг.: паспорта, пропуски, разрешение на въезд, виды на жительство и отметки о смене почтовых лошадей (на русском языке). Разные бумаги по-польски. Гербовое свидетельство о проживании герцога Серракаприола. *Historia morbi* (история болезни) Николы Мареска. Челобитная к папе Григорию XVI с просьбой оказать финансовую и юридическую помощь в проведении месс в память покойного герцога Серракаприола в Петербурге. Челобитная получена 2 августа 1839 г. (документ написан на латыни). *Corp Diplomatique, Personnes de la*

Cour, Dames d'honneur, Chambellans (рукопись на французском и русском языках).

104 «Рыцарские ордена». Общее описание знаков отличий Константиновского ордена с 1762 г. по 1859 г. (Неаполь и Сицилия) 1787 г.: назначение Антонино Мареска, рыцаря Великого Креста Константинского ордена Святого Георгия, для заключения торгового договора. 1799 г: *Réglement pour le mode de réception de la noblesse del'Empire de Russie dans l'Ordre e de St. Jean de Jérusalem* (в печатном виде). 1801 г.: Александр I вновь утверждает графа Nicolas de Saltykoff (Николай Иванович Салтыков) в должности лейтенанта Великого Магистра (рукопись на французском языке). 1816 г.: *Назначение графа Стефана Апраксина на получение Великого Креста Константинского ордена Фердинандо IV*. 1859–1869 гг.: уставные учения и формулы клятвы, список, подтверждающий право на получение Константинского ордена. Разное о Иерусолимитанском ордене Мальты; духовные упражнения. Генеалогии Вяземского, Толстого, Апраксина, Познякова. Выдержки из *La Noblesse de Russie, publié par Nicolas Ikonnikov Paris*, 1953–1955 гг.

105 «Награды и занимаемые должности». 1730–1953 гг.: сообщения, номинации и военные награды. Средства противопожарной безопасности в театрах и в музыкальных и танцевальных академиях. 1785–1838 гг.: комедии.

108 «Стихи и тексты». Исторические рукописные тексты. Праздничные поэтические композиции в честь семьи Мареска, тексты бухгалтерского учета и геометрии, комедии, полька. *Depuis Jesus Christ:* тетрадь с рукописными историческими заметками о России, на французском и на русском языках. 1795 г.: *Carmen Honoribus Serenissime Dominæ Domina Anna Aleksandrowna Ducissa de Serracapriola, Nata Principessa de Wiazemskoy. (Стихи в честь Госпожи Анны Александровны герцогини Серракаприола, урожденной Вяземской), per Capellanus Pater Joannes de Dukla* (латынь, 10 стр.). 13 августа 1796 г.: *Carmen Pro Vigesimo Sexto Natalitio Die Serenissima Dominæ Annæ Aleksandrownæ Ducissæ de Serracapriola* (*Стихи к двадцать шестому дню рождения Госпожи Анны Александровны герцогини Серракаприола, урожденной Вяземской*). *Decantatum per Joannem de Dukla Capellanum domesticum*, (латынь, 11 стр.). *Wiaezemskojano. Ad Nurzinkam pro die 13 Augusti 1795* (латынь). *Систематическая*

арифметика Джованни Йеннес (Giovanni Jennes)*, профессора данного предмета в этой столице, Неаполь, 1804 г. О науке торговцев. Двойное меркантильное письмо Джованни Йеннес.* Посвящение и различные афоризмы Джакомо Фарины. (Giacomo Farina) 1808 г.: «Чтобы Александр принес народу мир, нарушенный Наполеоном». 1813 г.: *A la Philosophie,* сонет, посвященный Александру I, подписанный Лойлотом (Loeillot), Санкт-Петербург, 16 мая 1816 г.: *Тертуллианский одиннадцатисложник, посвященный Антонино Мареска Доннорсо Герцогу Серракаприола,* составленный Антонио Пиллером (Antonio Piller), канцлером Коллегии и профессором итальянской литературы в Благородном пансионе Московского университета (Сатирическое прошение с тройными рифмами) 16 мая 1816 г.: *Святому королевскому величеству* (*Sacra Real Maestà*)**.** Прошение в виде оды, написанное Антонио Пиллером Москва. 1816 г.: *Aux Belges at aux Bataves.* Стихи, посвященные Анне и Гийому «победителям Ватерлоо» (Анна Павловна – дочь Марии Фёдоровны, сестры Александра и жена Вильгельма Оранского), подписанная Лойлотом (Loeillot), Санкт-Петербург. 6 июня 1824 г.: ода по случаю рождения Алессандры Мареска Доннорсо ди Серракаприола, дочери Николы Мареска и Маргериты ди Сангро, крестницы Александра I, подписанная Якопо Радди. 28 декабря 1842 г.: две композиции в стихах Якопо Радди, посвященные семье герцога Серракаприола. Без даты: сонет Элизабетте, анонимный автор. Без даты: *Дорогому синьору Наполеону* (*Caro Sior Napoleon*), анонимная сатира в стихах. Без даты: Анакреонтика г-на Моретти. Без даты: *Aux Armées* (посвящение в стихах русским солдатам, отправляющимся на военную кампанию против Наполеона, в печатном виде). Без даты: *Благополучное возвращение Фердинандо IV* (*Il fausto ritorno di Ferdinando IV)* стихи герцога С. Арпино. Без даты: *La Surprise,* комедия**.** Без даты: *Polka par Jean de Serracapriola à ses cousines les Contesses Apraxin.*

109 «Миссии Антонино Мареска». Отчеты и военные бюллетени, царские приказы (на русском языке). Различные новости о политических событиях с 1772 г. по 1822 г. Печатные листы и рукописи на русском, итальянском, французском, немецком языках. Очень объемная папка. 1799 г.: военные бюллетени. Бюллетень российской армии касательно прусской кампании 1807 г. совместно с бароном Беннигсеном. 1799–1809 гг.: венские бюллетени. Военные бюллете-

ни 1812 г. против Наполеона. Бюллетени наполеоновского похода с 29 января по 5 февраля 1813 г. 1813 г.: доклады генерала Ртищева. 1813 г.: бюллетени генерала Голенищева-Кутузова. 1804–1814 гг.: различные приглашения на вечеринки и торжества. 1790–1813 гг.: трактаты об альянсе и мире с различными народами. 1790–1795 гг.: письма из Константинополя. 1795 г.: корреспонденция из Вены. 1795 г.: корреспонденция из Рима. *Etat en générai de la Marine Russe dans le Baltique en 1795.* 1799 г.: корреспонденция из Венеции. Письма к герцогу Серракаприола от генерала де Винса. Бумаги о торговле с Россией. 1804–1822 гг.: прокламации и призывы. 1799–1806 гг.: коммерческие дела Польши. 1799 г.: Бумаги Фиуме, Триеста и Корфу от консула Корфу Л. Граттальяно (Leonardo Grattagliano) маркизу Галло. *Etat de l'Espagne à la fin du 1810. Rapporte du Field-Maréchal Prince Italique Comte Souvorow Rimnisky de Taverne le 09.09.1799 à Sa Majesté Imperiale* (князь Италийский граф Суворов-Рымникский). Письма герцогу Серракаприола от Микеле Делициано, А. Куракина, Луиджи Биелли и др. *Exposé des maneuvres unites par Bonaparte pour égarer l'opinion publique en 1813.* 1812 г.: манифест Александра I по поводу вторжения Наполеона и нарушения границ России. Бюллетень нападения Наполеона и похода на Москву в «дымящихся руинах». *Ukaz au Sénat dirigeant.* Об эмбарго для английских судов. *Exposé des maneuvres unites par Bonaparte pour égarer l"opinion publique en 1813. Энциклика Папы Пия VII для епископов его провинций, узурпированных французами*, от 22.05.1808, подписана кардиналом Джулио Габриэлли. Визы и разрешение на проезд. Письмо короля Людовика XVIII герцогу Серракаприола 1803 г. (Через герцога Серракаприола король в изгнании получил убежище в Митаве и пенсию от Павла I). 1786–1813 гг.: разные документы на русском языке. Указ Екатерины II (на русском) о капитане Валенти. 22.09.1788: о мусульманах в провинции Оренбурга. Отчет о военной службе с 1786 г. по 1794 г. графа Джулио ди Пармы, убитого во время штурма в Праге. Документы, относящиеся к королевским подданным, проживающим в России. Контракт Александра Вяземского на аренду резиденции Мурзинка. Территориальные перераспределения и проблема татар после Кючук-Кайнарджийского мирного договора от 1774 г. Подписано: Александр Стахифф (рукопись на французском языке). Карло Пуньани дает советы

и правила поведения, подобающие хорошему дипломату, и описывает главных российских деятелей. Турин, 30.03.1783.

110 Регламенты, военные отчеты, выдержки из журналов, различные размышления. *La politique de Napoleon le Grand, devoilée par Bosti Bali,* tome II, St. Pétersbourg 1813 г. (78 стр.) *Réglement de service interieur pour l'Ecole Spéciale Militaire,* signé Bernard, Ministre Secretaire d'Etat de la Guerre, Paris le ler Mai 1838 г. (54 стр.) *Projet d'un Règlement pour la Colonisation Militaire de la Cavalerie Régulière,* не датирован, анонимный автор (40 стр.) *Origine des Barbaresques. Pour prévenir les déprédations, cruautés qu'ils exercent sur les Esclaves Chrétiens ...et avantages qui résulteroient, en executant le projet que l'auteur propose pour détruire leur Barbarie,* par M. P. B. de Boucher, St. Pétersbourg 1815 г. (рукопись, 41 стр.) (Г-н М. де Бушер был государственным советником, атташе Министерства торговли и внутренних дел, членом Вильнюсского университета и Императорского экономического общества Санкт-Петербурга). *Liste des fonctionnaires et des élèves du Corps des cadets nobles a St. Pétersbourg en date du 24 juin 1785.* Различные письма, адресованные герцогу Серракаприола. Вырезки из разных газет: *Gazette russe, Gazette officielle de Seville, Gazette de Londres, Gaiette de Vienne. Размышления о регулятивных принципах истинной и здравой политики государства*, не датировано, анонимный автор. *Catechisme civil,* не датировано, анонимный автор. *Réflexions sur les inconvéniens et les torts qui résulteroient pour l'ordre des Jesuites, si l'on assujetissoit leur écoles aux réglements de l'Université,* не датировано, анонимный автор. 8 апреля 1790 г.: копия письма из Константинополя о смерти визиря Хасана Паши и его преемниках. *Notitia de Praetensione Reipublicae Poloniae super Bona et Summas in Regno Neapolitano,* не датировано. *La Pologne avant le demembrement* (замечания о географически-военной структуре европейских стран: Польши, Норвегии, Шотландии, Швеции). Рукопись на латыни, подпись Станислава Богуш-Сестренцевича, Архиепископа-митрополита Могилёвского. *Истинная идея нынешнего состояния Польского Королевства. Завещание короля Швеции Магнуса. Traduction de la lettre de loussuf Pacha, Grand Vizir, Generalissime de l'Armée de la Sublime Porte au General Bonaparte, signé Kleber, General en Chef du Directoire Executif.* Коммерческие дела Турции. *Mémoire des Evêques Français adressée a Sa Majesté Imperiale Cathe-*

rine II Impératrice de toutes les Russies. Записки Российского и иностранного дипломатического корпуса. *Tableau Général de toutes les Troupes qui font partie de la Grande Armée. Protestation de l'ex-Impératrice Marie Louise (au Congrès de Vienne contre l'occupation du Trône de Frane par la dynastie des Bourbons). Précis historique sur la Separation des Eglises Grecque et Romaine* (о Микеле III и Флорентийском соборе). *Un voyage de Catherine II* (о путешествии по южным провинциям). 1811 г.: *Réflections sur l'invasion des Français en Russie,* подписанный Брике (Briquet), «бывшим военным, задействованным в торговле оружием». *Réflections sur l'entreprise des Français en Russie* (26 стр., воспоминания с фронта). *Note sur V.te D'Agoult* (он сопровождал Людовика XVIII при его изгнании в Россию). *Pour les très Augustes Majestés l'Empéreur Joseph III et l'Impératrice Catherine II, vers francisés par Joseph Cerretesi de' Pazzi, traducteur de l'Henriade dediée à la même Impératrice* (в печатном виде). 1811 г.: *Отчет о доходах и расходах военных и императорских в России. – Pièce adressée directement à S. M. I. dans temps de la Bataille de Leïpsik, signé par le C.te du Bourg* (план уничтожения наполеоновской армии). *Observation sur la Finlande dans ses rapports avec la Russie avec quelques aperçus sur les Principes de l'Administration intérieure de l'Empire en général* (26 листов). *Renseignements sur la Mer Noire,* janvier 1804 (24 листа). *Сборник исторических новостей о монгольских народах г-на Палласа* (105 листов). *Регламент полиции Российской империи. Персональный статус полиции.* Черновик перевода эпической поэмы «Россиада» М. Хераскова.

111 «Миссии Николы Мареска». Разное, связанное с его карьерой. Письма 1820-1860 гг.

112 «Письма членов семьи и других лиц». Письма к Антонио Мареска и ответы на них. 1773–1822 гг. письма «неизвестной» к Антонино; 1783–1809 гг. «письма Татищева, Стединка, Kalitscheff, Кочубея, Беклешова, Сухтелена, Руффо (кардинала), Поццо ди Борго, Аяла, Волконского, Розенцвейга, Rominzow, Sabloukoff, Спады, Gourieff, Ouvaroff, Clause, Чичагова, Kombourley, Charlotte, князя Белосельского, Бореля, Салтыкова, Козодавлева, D'Antichamps, Головнина, Ламберга, князя Александра Куракина, Разумовского, Maltezn, соглашение между маркизом Лукезини (Lucchesini), Талейраном и (неразборчиво), Witzmann, князем Голицыным, шведским графом Де

Бондом, графом Паниным, князем Долгоруким, графом Джорджио Мочениго, Armfeld, маркизом Паолуччи»[1].

113 1790–1861 гг.: письма членов семьи Мареска, сгруппированные под именем отправителя и упорядоченые в хронологическом порядке от буквы A до буквы F.

114 1799–1868 гг.: то же, от G до M.

115 1814–1868 гг.: то же, от N до O.

116 1788–1879 гг.: то же, от P до W.

117 1737–1889 гг.: письма, адресованные членам семьи Мареска, сгруппированные по отправителю и в хронологическом порядке, от A до F.

118 1707–1890 гг.: то же, от C до F. (В этом конверте есть некоторые письма, подписанные рукой Екатерины II).

119 1761–1889 гг.: то же, от G до K.

120 1787–1874 гг.: то же, письмо L.

121 1840–1890 гг.: то же, письмо L.

122 1787–1892 гг.: то же, от M до O.

123 1732–1864 гг.: то же, от P до R.

124 1782–1879 гг.: то же, от S до Y.

125–160 Копии писем семьи Мареска не в хронологическом, а в алфавитном порядке.

213 1783–1826 гг.: «Администрация». Счета и разное касательно долгов, написано на французском языке, а также ссылки на пребывание в России.

214 1783–1840 гг.: обменные письма, платежные обязательства и разное на русском языке.

215 1794–1822 гг.: документы на собственность Мурзинки и на петербургское жильё Антонино Мареска. Переписка с интендантами российского имущества. Заказы, пропуски и разрешения, предоставленные слугам. Залоги Апраксина и герцога Серракаприола. Вся папка целиком написана на русском языке.

252 1819–1829 гг.: *Судебные производства*. Различные акты семьи Мареска с Кафиеро, Аскарамуццино д'Авалос, Вяземским и др.

[1] Идентичность отправителей еще предстоит проверить, а также написание некоторых русских имен во французской транслитерации, которые были переписаны без проверки из печатного каталога фонда.

III. Архив Бурбонов

Архив включает в себя частные собрания семьи Бурбонов, вывезенные из Неаполя при падении королевства и вновь приобретенные итальянским государством в 1951 г. Документация, дополняющая «Архив королевского дома», из которого она была извлечена, органически связана с историей административной структуры и политикой неаполитанского государства. Структура архива была определена специальным секретариатом короля и делилась на бумаги «короля», «серии», «разделы» и «номера». Главные разделы архива: реестры переписки Бернардо Тануччи, бумаги Марии Каролины, Фердинандо IV, Франческо I, Фердинандо II, Франческо II, умаги Франческо II из ссылки в Гаете, книги и брошюры, разное.

Инвентарная опись была опубликована в двух томах [2, 3]. Стоит отметить обильную переписку князя Андрея Разумовского, посла России в Вене (1799–1814 гг.), которая была доставлена Франческо II графом де ла Липпом (Schaumburg-Lippe) из-за её «интимного и деликатного характера», чтобы возвратить в дом Бурбонов. Также следует упомянуть многие бумаги Антонино Мареска, герцога Серракаприола, связанные со всем циклом его дипломатической деятельности и его отношениями с неаполитанской королевской семьей. Наконец, некоторые документы собраны под заголовком: «Различные документы о происхождении христианства в России»[1].

1. *Бумаги королевы Марии Каролины*

IX-99 Письма императора Павла Петровича (1800–1801 гг.) Письма императрицы Марии Александровны (1801–1804–1805–1807–1814 гг.) Письма императора Александра Павловича (1801–1804–1805–1807–1814 гг.) Письмо от императрицы Елизаветы Петровны (13.05.1801).

XI-101 Смерть императора Павла I и доклад герцога Серракаприола о смерти царя (02.03.1801). Восхождение на престол Александра I. Мирный договор между российским и французским императорами (1801 г.). Выдержки из мирного договора между

[1] Документы были частично рассмотрены Риккардо Пиккио [4].

Наполеоном и императором России, 7 июля 1807 г., и между Наполеоном и королем Пруссии, 9 июля 1807 г. Переписка с российским императорским двором (1801 г. и 1806 г.). Письма из России Дмитрия Татищева от 1804–1805 гг. (Дмитрий Павлович Татищев был чрезвычайным посланником в Неаполе в 1802–1803 и 1805–1808 гг.) Письма императора Александра I 1804-1805 гг.: переписка с герцогом Серракаприола. *Суммы, которые королевское Казначейство должно получить от Его Величества Императора Всероссийского за счёт своего правительства* (1799–1805 гг.). Переписка с графом Андреем Разумовским, послом России в Вене (1799–1814 гг.).

XI-240 Политические вопросы: письмо от Марии Каролины императору всероссийскому Павлу I, обязывающее его содействовать установлению мира с Францией, которого неаполитанский двор намеревался добиться, 26.01.1801. Письма Марии Каролины императору Александру I, 22.02.1802, и императрице Марии Федоровне, 22.03.1802, чтобы уговорить не отправлять дислоцированные в Неаполе российские войска.

XI-241 «Война между Россией и Англией».

XI-281 «Различная переписка: письмо Татищева (17.02.1816 г.).»

XI-289 «Бумаги Чирчелло. Переписка герцога Серракаприола (12.24.1804 г. / 1805 г.). Переписка Д. Татищева и герцога Серракаприола (1805–1806 гг.)».

XIII-104 «Разные документы и бумаги, касающиеся деятельности маркиза Галло, отношений с Россией, с Клеменсом Меттернихом и с Уильямом Бентинком 1796–1813 гг.».

XVI-109 «Отношения англо-русские 1805-1808 гг. Дипломатические дела, связанные с маркизом Галло, 1794-1805 гг.».

XVI-110 «Различные приложения, также на русском языке 1722–1822 гг.».

2. *Бумаги короля Фердинанда IV (I)*

I-112 «Письма Татищева, Калищева, Беклешова, Волконского, Уварова, Разумовского, Паолуччи, май 1797 года – май 1798 г.».

VIII-208 «Переписка с Марией и Павлом, Всероссийскими Императорами 1791 г., 1806 г., 1816 г., 1820–23 гг.».

X-240 В сортировке.

X-241 Отношения с англо-русскими войсками и подготовка к новым военным действиям против Франции. Копии договоров с Францией и Россией, которые «произвели второе вторжение французов в Неаполитанское королевство», сентябрь 1805 г. Мнение Государственного совета о конвенции с русскими, 1805 г. Протокол предписаний о местоположениях и движениях англо-русских войск, пришедших в королевство, 1805-1806 гг. Конвенция заключенная маркизом ди Галло в Париже 21 сентября 1805 г. *Projet de Convention entre S.M. l'Empereur de Russie et S.M. Sicilienne,* 1805 г. *Краткая информация о поведении Его Величества короля Обеих Сицилий с июля 1805 года до объявления войны Россией Англии,* Палермо 07.02.1808. *Различные резолюции о скорейшем отступлении англо-русской армии от Королевства*, 1806 г. Письма Дмитрия Татищева к маркизу Чирчелло, 1805-1806 гг.

XI-271 «Доклад слушания, предоставленного герцогом Калабрийским посланникам России и Австрии, 9 февраля 1821 г.».

XII-281 «Письмо Татищева, 17 февраля 1816 г.».

XIV-289 «Бумаги Чирчелло. Корреспонденция герцога Серракаприола, с 24 декабря 1804 г. по 31 декабря 1805 г. Переписка Татищева и герцога Серракаприола с августа 1805 г. по январь 1806 г. Корреспонденция герцога Серракаприола с 17 января 1806 г. по 9 января 1821 г.».

XVII-315 «Копия письма Фердинанда IV императору России, в котором он благодарит Александра I за миссию уполномоченного на Корфу графа Джорджо Мочениго, и поручает ему возвращение Неаполитанского королевства, 22 апреля 1814 г. Письмо Александра I, императора Всероссийского, с поздравлениями по поводу конца правления Мюрата, 26 октября 1815 г., и ответ короля, 6 декабря 1815 г.».

XIX-319 «Документы герцога Серракаприола. Указания Фердинанда IV Антоинино Мареска герцогу Серракаприола, полномочному представителю России, из Казерты, 23 января 1783 г.».

XIX-320 «Письма Марии Каролины герцогу Серракаприола, 1788, 1791–1794 гг.».

XIX-321/328 «Письма Марии Каролины герцогу Серракаприола 1799–1814 гг.».

XIX-329 «Черновики отчетных докладов герцога Серракаприола, адресованных Марии Каролине, 1791, 1793, 1794 гг.».

XIX-330/339 «Черновики отчетных докладов герцога Серракаприола, адресованных Марии Каролине 1795-1814 гг.».

XIX-340 «Черновики отчетных докладов, адресованных Фердинандо IV, 1792-1795 гг.».

XIX-341 «Черновики отчетных докладов, адресованных Фердинандо IV, 1806 г. – май 1814 г.».

XIX-342 «Дополнение ответов королю и королеве, 1798, 1799, 1800 гг.».

XIX-343 «Документы, приложенные к королевской переписке», 1812–1814 гг.

XIX-344 «Очень конфиденциальные доклады касательно двух имперских аудиенций в ноябре и декабре 1800 г. с двумя секретными докладами, адресованными генерал-капитану Актону».

XIX-345 «Документы, приложенные к королевской переписке, об установлении флорентийского мира, 1801-1806 гг.».

XIX-346 «Письма Фердинандо IV к герцогу Серракаприола, с 19 апреля 1791 г. по 25 октября 1814 г.».

XIX-347 То же, 1815-1820 гг.

XIX-348 «Письма герцога Калабрийского Франческо к герцогу Серракаприола, 1812-1820 гг.».

XIX-349 То же, 1820 г., 1821 г. и три из 1822 г.

XIX-350 «Копии писем герцога Серракаприола относительно переписки с королем и наследным принцем из Вены, 1814–1815 гг.».

XIX-351 «Инструкции короля для Николы Мареска, 18.12.1815, и специальные инструкции Антонино Мареска, герцога Серракаприола его сыну Николе – посланнику в Петербург – от 20 декабря 1815 г. (копия). Письма Антонио Мареска к сыну, 16 января 1816 г.».

3. *Бумаги короля Франческо I*

I-446 «Письмо Александра I, императора Всероссийского».

I-456 «Письма Александра I, императора Всероссийского, 1825 г., с ответами».

I-457 «Письма императора Николая I, императора Всероссийского, 1826 г., с ответами».

I-460 «Письма императора России, 1829 г., с ответами».

XI-586 «Переписка с двором России по случаю смерти Фердинандо I и царя Александра I, 1824-1825 гг.».

XVII-698 «Бумаги Медичи: переписка с графом Людольфом из Петербурга, 1825-1829 гг.».

XX-721 «Различные документы: торгово-судоходный договор, заключенный между императором России и королем Обеих Сицилий, 1787 в копии».

4. *Бумаги короля Фердинандо II*

II-795 «Письма Александры Фёдоровны, императрицы России, 1846–1857 гг.».

II-802 «Переписка с Николаем I, императором России, 1846–1852 гг. Письмо Александра II, императора России, 19 августа 1858 г.».

VIII-825 «Переписка с принцем Бутеры (неаполитанский посланник при петербургском дворе) из Парижа и Петербурга, 1834–1840 гг.».

IX-836 «Воспоминания о смерти императора Николая I, 1855 г.».

X-929 «Различные статьи о происхождении христианства на Руси». 1. *Происхождение христианства на Руси* (лист 481–483). 2. *История католицизма в России с XI века до Петра Великого* (лист 482–483). 3. *Католицизм в России от Петра Великого до царствования Николая* (лист 483–485). 4. Рукопись (2 листа) о кодексе семьи Албани, принадлежащем Бурбонам, тема которого – переговоры между Святым Престолом и Петром Великим о соединении двух Церквей (лист 493–494). 5. Рукопись (2 листа): *Сводная информация о новостях и документах, собранных в Королевском Кодексе под названием «Varia spectantia ad Moschoviam et Moscovitas»*, сборник 1710 г.

XV-1102 *Размышления доктора Джованни Пагано о здоровье Императора Всероссийского*, рукописная памятка (без даты).

5. *Бумаги короля Франческо II*

VII-I 151 «Переписка королевы Марии Софии Баварской (супруги короля Обеих Сицилий Франциска II) с Марией Алексан-

дровной, императрицей России (супругой императора Александра II), апрель и май 1865 г.».

IX-1159 «Переписка королевы с Петербургом».

6. *Бумаги короля Франческо II из Гаэты в изгнание*

XIX-1353 «Признание Королевства Италии различными государствами, включая Россию».

XIX-1370 «Дипломатическое представительство в Петербурге: политическая переписка с Дженнаро Капече Галеота герцог делла Реджина, сентябрь 1860 г. – июнь 1862 г. (Капече Галеота был чрезвычайным посланником и уполномоченным министром Королевства Обеих Сицилий с 1850 г. по 1862 г., т.е. до признания Королевства Италии Россией). Разные коммерческие дела, декабрь 1860-1862 гг.: дипломатическая переписка и дела нынешней администрации».

XIX-1373 «Дипломатическое представительство России в Риме: переписка с князем Александром Волконским, 1860–1862 гг. (Александр Никитич Волконский с 1860 г. по 1862 г. был чрезвычайным посланником в Королевстве Обеих Сицилий), копии писем Александра II».

XIX-1376 «Письма канцелярии, относящиеся к российскому двору, 1860–1862 гг.».

7. *Бумаги второго инвентаря Бурбонского архива: Бумаги короля Фердинанда IV*

294 Папка l. *Traité de commerce entre l'Empire de Russie et la Porte Ottomane conclu à Costantinople le 10 juin 1783*, в Императорской академии наук 1783 г., стр. 46, с типографскими заметками на русском языке; п. 24 *Convention between His Britannick Majesty and the Empress of Russia,* подписанный 25 марта 1793 г., London, E. Johnston, 1793 г., стр. 79; п. 112 *Treaty of defensive alliance between His Britannick Majesty and the Empress of Russia*, подписанный в Санкт-Петербурге 18 февраля 1795 г.. Тексты на французском и английском языке; п. 150 *Treaty of navigation and commerce between His Britannick Majesty and the Emperor of Russia*, подписанный в

Санкт-Петербурге, 10-21 февраля 1797 г., London, E. Johnston, 1797 г., стр. 26; п. 208, 219 *Договор альянса между Его Величеством королем Обеих Сицилий и Её Величеством императрицей Всероссийской*, Петербург, 29-18 декабря 1798 г., Палермо, Stamperia reale, стр.12, копии 2; п. 365, 391, 405 Разное. Россия; п. .423 *Обмен мнениями между Швецией и Россией из-за оккупации некоторых финских провинций*, Stockholm, P. Sohm, 1808 г., стр. 18; п. 497 *Correspondence with Russian and French governments, relative to ouvertures received from Erfurth. Presented by His Majesty's command to both Houses of Parliament,* 1809 г., без типографских заметок, стр. 24; п. 575 *Manifeste sur le commerce d'importation et d'exportation de l'empire de Russie pour l'année 1811*, St. Petersbourg, A. Pluchart et Comp., 1811 г., стр. 27.

325 п. 70 *Мирные договоры, заключенные между Их Императорскими Величествами: императором Франции, королем Италии, императором Всероссийским и королем Пруссии*, 7 июля 1807 г., Неаполь, Stamperia del Corriere di Napoli (Неаполитанский курьер), не датировано, стр. 4.

721 п. 75 *Короткий рассказ о поведении Его Величества короля Обеих Сицилий с июля 1805 г. сразу же после объявления Россией войны Англии*, 7 февраля 1808 г., Палермо, без типографских заметок, стр. 9. Текст на французском и итальянском языках.

8. *Бумаги короля Франческо I*

638 п. 63 *Трактат о союзе между Его Величеством королем Обеих Сицилий и Его Величеством императором Всероссийским*, Петербург, 29–18 декабря 1798 г., стр. 12.

723 п. 199 *Официальное объявление войны. Изложение того, что произошло между князем-регентом и министрами России, Пруссии и Австрии, и то, что командующий Пиньятелли предоставил устный протокол постоянному представительству 10 февраля 1821 г.*, без местонахождения, Р. Миранда, не датировано, стр. 1.

9. *Бумаги короля Франческо II*

1363 п. 161 *Documents relatifs au différend entre la Russie et la Cour de Rome*, Bruxelles, G. Vangutschovev, 1867, стр. 1.

10. *Книги и брошюры*

2057 *Декларация от 12 мая 1820 г., подписанная в Любляне полномочными представителями Австрии, Пруссии и России*, без типографских заметок, с. 3, копий 7. На итальянском и французском языках.

11. *Разное*

2528 п. 41 *Ответ от послов Австрии и России*, без типографских заметок.

IV. Иезуитские дела

Документы архива ордена иезуитов еще не были инвентаризированы из-за начального беспорядка, с которым они находились. Когда Орден запретили в 1767 г., документы были отданы Большому Архиву, но вернулись ему в 1804 г. после восстановления иезуитов в Неаполе. Когда иезуиты были вновь расформированы французским правительством в 1806 г., архив Ордена был, вероятно, конфискован. Впоследствии, в 1821 г. иезуиты снова были реабилитированы в Неаполе и снова требовали вернуть им конфискованные документы. В книге Й. Маццолени говорится о переписке между Святым Престолом и Россией, но не сообщается, как и когда переписка попала в Большой Архив.

Папки 1289–1478 «Документы, касающиеся изгнания иезуитов из королевства, а также имущества расформированной Компании и церквей, которые они покинули. Личные проблемы бывших иезуитов и иных верующих. «Встречи» хунты против злоупотреблений. Запросы на работу и пребенды. Переписка из Рима (18.03.1773) между Святым Престолом и Россией по вопросам, касающихся проживающих там иезуитов (1742–1776 гг.)».

V. Архив Джудиче Карэччоло

106 Статьи Климента VII Базилио, императору России, 1526. Различные документы, касающиеся Климента VII (рукопись на латыни).

VI. Архив Караччоло ди Торелла

3/14 Неаполь, 19.02.1810 Оригинальный пергамент. *Иоахим Наполеон Мюра назначает принца Тореллы, Джузеппе Караччиоло, чрезвычайным посланником и полномочным министром при императоре Всероссийском*.

VII. Архив Серра ди Джераче

Ливио Серра ди Джераче был членом неаполитанской геральдической комиссии и оставил многочисленные генеалогические манускрипты южных дворянских семейств. Среди них есть некоторые генеалогии русских семей, составленных, видимо, по просьбе заказчиков, состоявших с ним в родственных связях. «Инвентаризация – перечень приходских и муниципальных актов», «Различные документы. Семейный перечень и генеалогические обновления и разное».

9 «Семейные генеалогии этого ученого, занимающегося геральдическими исследованиями: Паскевич, Суваров, Демидо[ф], Меншиков, Брагатион (так!), Мещерский[1].

15 «Русские генеалогии».

Перевод с итальянского Ирины Новиковой

Литература

1. *Gentile A.* L'Archivio Maresca di Serracapriola nell'Archivio di Stato di Napoli // Rassegna degli Archivi di stato. 1961. № 3 (XXI). P. 305–332.

2. Archivio Borbone. Inventario sommario. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato // Archivi di Stato. 1961. Vol. 1. 304 p.

3. Archivio Borbone. Inventario. Napoli: Arte tipografica Napoli, 1972. Vol. 2. 377 p.

4. *Picchio R.* La Cristianità russa vista dal Regno di Napoli // Per Jan Ślaski. Scritti offerti da magiaristi, polonisti e slavisti italiani. Padova: Unipress, 2004. P. 353–359.

[1] Написание русских имен должно быть проверено: транскрипция дана согласно рукописному каталогу фонда.

DOCUMENTS ABOUT THE RUSSIAN-NEAPOLITAN RELATIONS IN THE STATE ARCHIVES OF NAPLES: AN ANNOTATED LIST. PART 2[1]

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 5–22. DOI: 10.17223/24099554/12/1

Marina di Filippo, University of Naples "L'Orientale" (Naples, Italy). E-mail: mdifilippo@unior.it

Keywords: State Archive of Naples, Kingdom of Naples and of the Two Sicilies, Russian Empire, archival description.

The article is devoted to the description of the funds and documents of the State Archive of Naples containing Russian papers and reflecting the development of relations between the Russian Empire and the Kingdom of Naples in the 18th and 19th centuries. The corpus of Russian documents is revealed and described on the basis of the content of business letters and dispatches, as well as the titles of acts, memorandums, treatises and other papers. A brief information on the history of the formation of each archival fund is given. The second part contains an overview of personal, patrimonial and Jesuit fund.

References

1. Gentile, A. (1961) L'Archivio Maresca di Serracapriola nell'Archivio di Stato di Napoli. *Rassegna degli Archivi di stato*. 3(XXI). pp. 305–332.

2. Archivio Borbone. (1961) *Inventario sommario*. Roma: Ist. Poligrafico e Zecca dello Stato – Archivi di Stato.

3. Archivio Borbone. (1972) *Inventario*. Vol. 2. Napoli: Arte tipografica Napoli.

4. Picchio, R. (2004) La Cristianità russa vista dal Regno di Napoli . In: Ślaski, J.P. *Scritti offerti da magiaristi, polonisti e slavisti italiani*. Padova: Unipress. pp. 353–359.

[1] The first part of the article is published in *Imagology and Comparative Studies*, 2019, 11, pp. 5–38). – *Ed.*

УДК 82.091 + 821.161.1
DOI: 10.17223/24099554/12/2

С.В. Березкина

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО С А.А. ВОЕЙКОВОЙ ПЕРИОДА ЗАГРАНИЧНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ (1827–1829)[1]

Статья представляет сведения о рукописном корпусе писем В.А. Жуковского к А.А. Воейковой за период ее заграничного путешествия и содержит публикацию автографов двух из них. Комментарий к этим письмам проясняет биографический и историко-культурный контекст их переписки, затрагивающий разность восприятия Жуковским и Воейковой французской общественной жизни и углубляющий представления о жизни императорского двора во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг.
Ключевые слова: *В.А. Жуковский, А.А. Воейкова, эпистолярий, проблемы текстологии, копии и автографы, биографический и культурно-исторический комментарий.*

Особое место в эпистолярном наследии В.А. Жуковского занимают его письма к Александре Андреевне Воейковой (1795–1829), урожд. Протасовой. Воейкова как женщина неподражаемого обаяния была прославлена многими современниками, первым из которых был Жуковский, беззаветно любивший младшую сестру своей музы Маши Протасовой (в замужестве Мойер; 1793–1823). Воспетая под именем Светлана в посвященной ей одноименной балладе (1813), а затем в балладе «Громобой» (1817), А.А. Воейкова, жена (с 1814) поэта, переводчика и журналиста А.Ф. Воейкова (1778–1839), украшает своим присутствием и воспоминания о Жуковском (например, К.К. Зейдлица), и его переписку. Ее образ приобрел особую рельеф-

[1] Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

ность и значительность благодаря трудам А.Н. Веселовского [1. С. 137–184] и, главным образом, Н.В. Соловьева [2].

Здоровье Воейковой по-особому заботило Жуковского, поскольку вся жизнь ее была омрачена тяжкими обстоятельствами неудачного брака (см.: [3, 4]). В 1827 г. у нее обнаружились признаки туберкулеза, и в августе она выехала для лечения за границу. О заграничной жизни Воейковой, вплоть до ее смерти в Пизе 14 (26) февраля 1829 г., а также о переписке за этот период с близкими, в частности с Жуковским, подробно рассказывалось в книге о ней Н.В. Соловьева [2. Т. 1. С. 149–259; Т. 2. С. 62–74]. Значительным дополнением к представлениям о контактах с ней в это время Жуковского служат публикации К.К. Зейдлица [5. С. 145–150] и М.Л. Гофмана [6. С. 248–249].

Последний раз Жуковский виделся с Воейковой в Берлине в сентябре 1827 г. [7. Т. 13. С. 293, 295–296], после чего она, вместе со всеми своими четырьмя детьми, отправилась на юг Франции, в Прованс. Видимо, при расставании между ними было условлено об интенсивной переписке, которая должна была скрасить положение больной. Переписка была затруднена длительными промежутками, поскольку на доставку послания только в одну сторону уходило около тридцати дней. В письмах Жуковский сообщал новости из жизни не только приятельского, но и придворного круга, посылал ей свои стихи и книжные новинки. Письма как Жуковского, так и Воейковой передавались для ознакомления узкому кругу друзей (главным образом, В.А. Перовскому и гр. П.В. Толстой), поэтому многие из них затерялись. Отголоски сведений о заграничной жизни Воейковой из ее несохранившихся писем звучат во многих письмах Жуковского к А.И. Тургеневу.

За период заграничного путешествия Воейковой сохранилось пятнадцать писем к ней Жуковского. Особая часть этой переписки – три последних, на французском языке, письма, сохранившиеся в подлинниках. Это были послания, в которых Жуковский прощался со своей любимой Сашей: первое получить она не успела, а два последующих адресовались уже умершей женщине (первое и второе письмо, привезенные из Италии Зейдлицем, были переданы Жуковскому, последнее же он не решился отправить, ожидая самого худшего, поэтому оно хранилось в бумагах поэта). Они передают ду-

шевные метания Жуковского, когда он, благословив ее в письме от 4 (16) февраля 1829 г., как некоего ангела, отправляться без страха и печали туда, где ее «ждут» (т. е. на небеса), потом, по-видимому, решил несколько смягчить свой порыв и начал писать другое письмо, от 19 февраля (3 марта) 1829 г., в котором пытался предостеречь ее от мысли о неизбежности перехода в мир иной. Наконец, 2 (14) марта 1829 г. Жуковский пишет третье письмо, с извинением за предыдущие, которые, как он справедливо полагал, могли взволновать больную (а она до самых последних дней пребывала в надежде на выздоровление), и с какими-то петербургскими новостями, приоткрывающими, что у него самого, в тот момент, еще теплилась надежда. Напряженный сюжет внутренних переживаний Жуковского и его убежденность в благостности того небесного мира, который ожидал Воейкову, объединяют три его французских письма к ней [8].

Другая часть писем к Воейковой за границу оказалась известна Н.В. Соловьеву благодаря копиям Александры Александровны Воейковой (1817–1893), дочери Светланы, по которым он и напечатал их в «Истории одной жизни» [РО ИРЛИ. № 22737; ссылку на копии см.: 2. Т. 2. С. 62]. Там, где Алдр. Алдр. Воейкова оставляла на месте не разобранных ею, чаще всего французских, слов пробелы (в согласии с их объемом, иногда на несколько слов), в этой публикации также ставился пробел, но, к сожалению, не всегда: он опускался публикатором, если оказывался между двумя законченными фразами. Перекочевали в публикацию Соловьева и другие погрешности копий, такие, например, как неверные даты и объединение разных писем в один эпистолярный текст (естественно, с утратой даты первого или же второго, оказавшегося присоединенным, письма).

Как выяснилось, у копий Алдр. Алдр. Воейковой был и еще один недостаток: она их безжалостно, примерно на треть, сокращала, выбрасывая из писем множество сведений о своей семье, а главное – об отце и деньгах, которые он высылал во Францию, Швейцарию и Италию своей умирающей жене (более половины затрат на поездку – возможно, две трети – обеспечивал Жуковский, причем он мог пользоваться кредитом императрицы Александры Федоровны, ставшим затем «безвозвратным»; упоминания о ней Воейкова-дочь также выбрасывала из писем Жуковского). Об этом свидетельствуют

два найденных автографа писем Жуковского к Саше за границу, публикацию которых мы предлагаем в настоящей статье.

Автограф писем Жуковского к Воейковой – РО ИРЛИ. № 29402. Л. 22-24 об. Текст публикуется по современным правилам пунктуации и орфографии, с сохранением ряда индивидуальных написаний.

1.

4-11 февраля 1828 г. Петербург

Получил твое письмо от 11/23 января. Нынче 4 февраля[1]. Следовательно, письмо шло двадцать шесть дней. Что за лень! зачем бы ему не привязать к себе крыльев? Так и быть! чудес на свете не бывает, но в иных случаях и не худо бы случиться чуду. Вот, однако, чудо: прочитав твое письмо, я, *не отложив*, отвечаю тебе и тотчас принялся за перо, ибо твое письмо преелектрическое. Чтобы утешить тебя, скажу, что miss Parich[2], сукина дочь, врет, будто у тебя ума нет; поставь ей за это клистир и заткни репейником, чтобы не вышел назад. У тебя ума много, и ума удивительно оригинального, а души еще больше: души у тебя достанет на твоих всех детей[3], на меня, на нас избранных, <1 нрзб.> рук, на всё хорошее здесь и еще на верную память о Маше, и всё это в равновесии с умом. Чтоб был при этом и рассудок, держи только на привязи сердце, да выучи таблицу умножения, научись вести хорошенько расход, – и всё тогда будет. А miss Parich просто выдра.

Роман твой начинается весьма оригинально[4]. Продолжай писать его как можно подробнее. Я люблю романы, в которых нет ничего необычайного. Картина этой степенной провинциальной семьи очень мила, и я рад, что к вам попался либерал. Описывай их всех, как начала. Твое описание прелестно. Как бы было весело и мне что-нибудь подобное описывать, но у меня перед глазами только Федор, Яков и Зегельхен[5]. В общество же заглядываю редко, а тот мир, в котором живу, еще не вырос[6]. Правда, есть лица, которые бы могли играть роль и в моем романе; но вот беда: я ленюсь записывать, забывчив на замеченное и еще ленивее описывать. У тебя же, вопреки miss Parich, весьма много замечательности, и всё замечаешь отменно верно. Я согласен с тобою, в характере французов гораздо более мелочного, нежели в нашем русском, но у них более жизни; гражданская

их жизнь развивает чрезвычайно все страсти частные. Чего не родится от партий? А у них на всё партии: на религию, на литературу, на правительство. У нас же всё спит: и религия, и литература; а правительство действует без нас. Поневоле и мы будем сони. Как ни таращь глаз, ничего не заметишь[7]. Я вспоминаю, однако, о Франции с приятным чувством; те, кого там узнал, были для меня весьма милы. Не говоря уже о Разумовской, которая есть (была) prototype умной, живой, огненной француженки[8]; семейство Гизо было для меня чрезвычайно привлекательно[9]; но и сам народ мне нравится своею детской живостию[10]. Не знаю, весело ли бы было с ним остаться, но узнать их было приятно. Тургенев создан ими пользоваться; если бы не беда, его сразившая[11], то он был бы в Париже в своем элементе; у него в душе вся французская Empfänglichkeit[2]. Несчастие не так на него действует, как на Николая; оно минутами ужасно волнует его, но волнует его *мало*; Николай, напротив, оперся на руку несчастия и говорит ему: веди вперед, я не устану идти за тобою и дойду. Удивительная крепкость души, глубокость и простота чувства и удаление от всего поддельного[12]. Теперь я думаю: они оба вместе[13]: дай Бог, чтобы Николай остепенил душу Александра. Не знаю, каким бы я был на месте Николая! Но только понимаю его образ мыслей и чувства. Нет лучше философии той, которую преподает несчастие; оно удивительно проясняет душу, если только не убьет ее.

Но оставим несчастие и поговорим о кармане. К тебе отправлено 8000 руб., у тебя было 4000, итак, ты имеешь теперь на весь нынешний год. Старайся, чтобы осталось к будущему. Веди счет и пришли итог того, что тебе стало за месяц; по одному месяцу можно расположить год; но Воейкову ни слова о полученных деньгах; напротив, стреляй в него требованиями и пугай его выдуманными долгами; он, пожалуй, рад будет и ничего не посылать; не надобно оставлять его в покое. Пожалуй, учи детей хоть по-арабски, лишь бы было не внапряг карману. Не забудь только с итальянским языком и немецкого. Этот важнее гишпанского. Девочкам нужны только языки, да некоторые таланты. Знания можно приобрести чтением, когда только оно будет с толком. Было бы прекрасно, если бы нашелся кто для натуральной истории. Эта наука богатит и питает душу. Но всего важнее

[2] Восприимчивость (*нем.*).

чтение: читать *мало*, избранное, чистое. Этого для них довольно. Андрею рано учиться. Пускай выучится болтать по-английски и по-французски. Возвратясь, будешь иметь время приняться за школу. Теперь пользуйся тем, чтоб машинально выучить его языкам[14]. Да занимайся его душою. Это всему основа. Прости. Иду гулять.

Это письмо пролежало у меня неделю, ибо в этот интервал послано было другое[15]. Не надобно тебя баловать. Я получил между тем письмо от Перовского, он квохчет о тебе. Это редкая душа для дружбы[16]. О Тургеневе давно не имел известий. Думаю, что он теперь в Лондоне с братом. От маменьки получил письмо[17] и посылал к ней твое, которое очень ее порадовало. Продолжай роман свой. Как мне досадно, однако, что в него вмешалась miss Parich. Она не заменит miss Woodley, хотя ты и похожа на miss Milner: в кличке одно ее грехопадение. У тебя есть и Матильда. Но твой лорд Эльмвуд годится только на живодерню. А Рушбруком – говорю не шутя – хотелось бы мне сделать нашего Василья[18]. В этой идее нет ничего несбыточного. Ничего не могло бы быть лучше. Вот тебе идея для эпилога.

[1] Помимо сокращения текста данного письма, Алдр. Алдр. Воейкова соединила его в копии с письмом от 15 апреля 1828 г. (РО ИРЛИ. № 22737. Л. 5–7). Н.В. Соловьев опубликовал контаминированную копию без критической оценки сообщений в нем о разновременных событиях [2. Т. 2. С. 66–67]. Неисправность этой публикации отметил Б.Л. Модзалевский, который, без учета даты 4 февраля, отнес весь контаминированный текст к 15 апреля 1828 г. [9. Т. 2. С. 286; то же: 10. Т. 2. С. 371]. Письмо Жуковского имеет в автографе приписку, сделанную через неделю после 4 февраля, которая в копии Воейковой-дочери отсутствует. Письмо Жуковского было ответом на неизвестное письмо Воейковой из Гиера от 11/23 января 1828 г. Публикуя письмо Жуковского, Соловьев выразил ошибочное мнение о том, что оно является ответом на письмо Воейковой от 29 декабря (11 января) 1827/1828 г. [2. Т. 2. С. 66]. Воейкова, в свою очередь, ответила на письмо от 4–11 февраля 1828 г. Жуковскому 15 (27) марта 1828 г. (т. е. на следующий же день после его получения, о чем можно судить по дате на почтовом штемпеле: 26 марта 1828 г.), назвав это письмо к ней «милым, добрым» [2. Т. 1. С. 189].

[2] *Miss Parich* – Пэриш (Париш), английская гувернантка в семье Воейковой [см. о ней: 11. С. 520–521].

[3] Воейкова выехала за границу со всеми своими четырьмя детьми – Екатериной (1815–1844), Александрой (1817–1893), Андреем (1822–1866) и Марией (в замуж. Бреверн де ла Гарди; 1826–1902).

[4] Романом Жуковский называет новости из жизни «препошлого семейства» и круга знакомых хозяйки дома в Гиере (*Hyères;* Йер) маркизы де Борегар (Beauregard), у которой остановилась Воейкова [2. Т. 1. С. 172]. В письме от 10–11 января 1828 г. Жуковский подбадривал Воейкову: «Начинай свой роман: умираю, хочу читать его. <…> твоя Marquise и ее дети точно из романов M-me de Genlis <мадам де Жанлис>; ты описываешь их очень мило, без фраз, с натуры. Я вижу уже, как один из сыновей ее, прекрасный, меланхолический молодой человек, женатый на милой женщине, но чужой его сердцу, начинает поглядывать на тебя глазами томными, ищет в тебе товарища, находит его, и ты, наконец, просвещаешь душу его и вместо того, чтобы в него влюбиться, разными способами доводишь его до того, что он влюбляется в свою жену: эта развязка очень оригинальная. Нет ли какого-нибудь командора <…> какого-нибудь старого слуги, уцелевшего от революции? Какого-нибудь добродетельного curé <кюре>? и проч.» [2. Т. 2. С. 63–64]. Персонажи со сходными характеристиками описывались в последующих письмах Воейковой из Гиера, например, в письме от 16 (28) января 1828 г. портрет chevalier de Bouligny (шевалье де Булиньи), «презирающего всё, что не принадлежит к эмигрантам и к феодальному старому времени», а затем в письме от 3 (15) – 11 (23) февраля 1828 г., где появился и весельчак, «с большим пузом», кюре [2. Т. 1. С. 177, 182].

[5] Имеется в виду Федор Титов, камердинер Жуковского, и Яков Шкаров, его слуга, а также петербургский переплетчик Зегельхен.

[6] Жуковский говорит о своих в занятиях с десятилетним наследником, великим князем Александром Николаевичем.

[7] Возражая Жуковскому, Воейкова писала: «Как ты можешь говорить, что у тебя только Яков и Федор перед глазами? Не ленись только замечать – я думаю, что нигде нет столько интересного, нового, оригинального, неподражаемого, как в петербургском обществе <…> В Гиере не найдешь и четверти оригиналов, которые на всяком шагу у нас встречаются» [2. Т. 1. С. 190].

[8] Графиня Генриетта Разумовская (1790–1827), урожд. бар. Мальсен, первая жена графа Г.К. Разумовского, хозяйка католического салона в Париже. Принимала горячее участие в судьбе братьев Тургеневых, которое обсуждалось в письмах Жуковского и А.И. Тургенева 1827 г.

[9] Жуковский имеет в виду Франсуа Гизо и его жену Полину, в доме которых он бывал в мае-июне 1827 г. [см.: 7. Т. 13. С. 260, 540–541; 12. С. 173–176]. По мнению П.А. Вяземского, «самая личность Гизо была такова, что более подходила к Жуковскому, нежели многие другие известности и знаменитости» [13. С. 195]. В письме от 15 (27) марта 1828 г. Воейкова, ревностная монархистка, не преминула уколоть Жуковского: «Газеты, и этот твой друг Гизо, наполнены похвалой Робеспьера и анекдотами на Людовика XIV...» [2. Т. 1. С. 191].

[10] Ср. дневниковую запись Жуковского от 5 (17) июня 1827 г. о «веселости и учтивости» французов и о том, как легко они «схватывают смешное» и «выражают» его [7. Т. 13. С. 268]. Воейкова в ответном письме возразила Жуковскому, негативно оценив жизнь маленького французского городка [2. Т. 1. С. 190–191].

[11] Имеется в виду смерть брата А.И. Тургенева Сергея в 1827 г.

[12] Высокая оценка нравственной твердости Н.И. Тургенева выражена в ряде писем Жуковского к А.И. Тургеневу 1827 г., например, от 6 (18) ноября: «Он страдает, но не так, как вы думаете. <…> Он смотрит на все свысока, со всем ладит и твердо поддерживает на плечах то, чего с них нельзя сбросить. Право, надобно у него учиться ценить жизнь и с нею возиться. Прошу тебя, займи у него твердости <…> он хочет нести судьбу свою один, то есть свободно <…> принуждение, ажитация и жертвы не могут сделать ему добро» [14. С. 227–228].

[13] А.И. Тургенев уехал в Англию к брату Николаю в начале февраля 1828 г.

[14] Из письма Жуковского можно понять, что Воейкова жаловалась на трудности в обучении своего шестилетнего сына Андрюши. Уезжая осенью 1828 г. из Женевы, Воейкова оставила его там в пансионе, что было одобрено Жуковским. Сообщение сведений о нем (раз в три месяца) было поручено, от лица императрицы, русскому посланнику в Швейцарии Д.П. Северину. По-видимому, на первое же письмо Северина со сведениями такого рода Жуковский ответил 1 (13) июля 1829 г. Из его ответа становится ясно, что положение мальчика вызвало у Северина опасения: «Благодарю тебя, мой бесценный Дмитрий Петрович, за дружеское твое письмо и за уведомление об Андрюше Воейкове. Будь ему покровителем; смотри на него, как на моего сына: это даст ему еще большее право на твое сердце. Когда будут видеть твою об нем заботливость, то будут и наблюдать за ним с большею ревностию. Я бы совершенно согласился с тем, что ты замечаешь насчет следствий будущих его воспитания, когда бы его воспитание должно было кончиться в Женеве. Но он там оставлен на первую пору, для приобретения первых понятий, для первого развития; не более как на пять лет. В России нет хороших пансионов для первого возраста; а дома ему не у кого оставаться. Этот пансион выбран для него матерью, она решилась с ним расстаться; я уверен, что это и послужит ему в пользу. Дома и в отечестве было бы лучше; но что же делать с обстоятельствами? <…> Благодарю тебя душевно за твое намерение иногда брать Андрюшу к себе. Ты будешь для него по временам представителем отечества и веры отцов его; и русский язык не будет для него совершенно чужим. Не бойся следствий. Повторяю, он в Женеве останется только на первые годы отрочества. Я давно не видал его и не знаю, каков он: по виду обещал много; всегда имел живость; но очень долго не начинал говорить, и теперь, как я слышал, сей недостаток, то есть трудность выражать на словах мысли, у него остался. Это может замедлить и самое развитие мыслей. Но он дитя Провидения; ему его и поверяю» [15. С. 138–140]. Забирая в конце 1832 г. Андрюшу Воейкова из пансиона, Жуковский увидел в нем признаки умственной отсталости [7. Т. 13. С. 339–340]. В 1846 г. его признали недееспособным.

[15] Письмо, отосланное Воейковой между 4 и 11 февраля 1828 г., неизвестно; по-видимому, оно было не от Жуковского.

[16] Василия Алексеевич Перовский (1795–1857), большой друг и рыцарь Воейковой.

[17] Имеется в виду Е.А. Протасова, сестра Жуковского по отцу.

[18] Сюжет «романа» Воейковой изложен Жуковским в духе арзамасской галиматьи. Miss Milner он, по-видимому, сближал с Сашей по «кличке», связанной с ее привлекательностью для окружающих.

14 мая 1828 г.[1] *Павловск*

Это письмо пойдет в Женеву; но в первом письме своем говорила ты, что будешь жить в *Hyères*[2]**.** На что же ты решилась или на что решился Аллегри?[3] Уведомь. Да прошу тебя: отвечай пояснее Воейкову на счет денег; он всё хлопочет, получила ли ты все, им посланные, и тормошит Шемьота[4]. Вот сколько было тебе послано по приезде моем в Петербург. До генваря 1000; после генваря 11000. Итого 12000, в этой сумме Воейкова денег находится 5200, да еще получено от него 700, которые у меня; всего на всё 5900 рублей. Напиши ему или, лучше сказать, спиши следующую фразу: *во всё время пребывания моего за границею получено мною от тебя 5900 рублей.* Тогда он уймется.

Чтобы перерубить одним ударом Гордиев узел, скажу тебе, что теперь я имею собственные способы пересылать тебе деньги; в случае же затруднительном могу прибегнуть к кассе имп<ератрицы>. Мне оставлен кредит – взять из нее, сколько мне нужно будет в каком-нибудь важном случае. Но к этому средству можно будет прибегнуть только в крайности; а до этой крайности, конечно, не дойдет.

Но полно о глупых деньгах. Пишу об них теперь так много для того, чтобы после не писать. С тех пор, как я писал к тебе последнее письмо мое, случилось два происшествия или две перемены в том, что нас окружает. Император и императрица уехали[5], а мы, пожив неделю в Сарском Селе, переехали в Павловск[6]. Теперь Императрица должна быть уже в Одессе,[7] а русский царь начал наказывать турков за их глупость и варварство[8]. Перовский, вероятно, теперь уже в Анапе: он начальником штаба в том корпусе, который должен был напасть на Анапу с сухого пути, а Меньшиков нападет на нее с моря. Эта крепость для нас необходима, и она теперь не вырвется из рук наших[9]. Уже напечатан первый бюллетень, в котором сказано, что наши войска в трех пунктах перешли через Прут, взяли крепостцу Галац с 50 пушками; у нас же ранен только один казак; обложили

Браилов и идут на Букарест[10]. Присутствие царя всё оживит. У него, как говорят все, знающие дело, талант полководца необыкновенный. Он всегда всех удивлял на маневрах[11].

А у нас мирно. Завтра приезжает к нам вел<икая> княг<иня> Мария Павловна[12], но без царицы и царя пусто: старушка императрица осиротела. Если бы не работа беспрестанная, то и я был бы сирота сиротою. В Сарском Селе прошедшее бродило за мною как грустная тень. Проходя мимо первого твоего дома (Дурасовой[13]), я зашел в него, будто для того, чтобы нанимать. Как много жизни в местах, покинутых милыми друзьями, но эта жизнь мертвая. Лебеди кричат по-старому, а где вы?[14] Дома Карамзиных еще пусты, но один из них будет нынешним летом занят Катериною Андреевною[15]. Каково ей будет в нем одной с Софьею? Катенька уже княгиня Мещерская. Дай Бог, чтобы было счастье! Но если будет, то будет бледное счастие[16]: он добрый простяк, и ей не по плечу. А она до самого венца не знала, пойти ли ей за него замуж или нет, и в этом отношении я ею был весьма недоволен. Elle a pris la chose trop légèrement. Avec tout son esprit et tout son mérite elle est bien fantasque. Elle n'a pas du tout de Gemüth et sous ce rapport il est peut être heureux, qu'elle aura un mari qui ira sous sa férule[3].

[1] В автографе письма отсутствует дата, поэтому в первой публикации, осуществленной по копии (РО ИРЛИ. № 22737. Л. 4–5), оно было отнесено предположительно к концу весны 1828 г. [2. Т. 2. С. 68]. Между тем, письмо может иметь твердую датировку по сообщению в нем о приезде в Павловск «завтра» великой княгини Марии Павловны, герцогини Саксен-Веймарской: о том, что она приехала туда 15 мая, сообщалось в «Северной пчеле» от 19 мая 1828 г. Ответ Воейковой сразу на два или даже три письма Жуковского, в том числе и датированное 14 мая, был написан 10 (22)–12 (24) июня 1828 г. из Женевы [2. Т. 1. С. 203–206].

[2] Гиер (Йер).

[3] Доктор, который лечил Воейкову в Гиере.

[4] Шемьот Станислав Викентьевич (1799–1866), польский финансист, вице-президент польского банка.

[3] Она посмотрела на вещи слишком легкомысленно. При всем ее уме и достоинствах она большая фантазерка. У нее совсем нет добродушия, и в этом отношении она может быть счастлива, что у нее будет муж, который ей будет подчинен (*фр.*).

[5] Речь идет о войне России с Турцией, высочайший манифест о которой был издан 14 апреля 1828 г. Выступление из Петербурга в поход гвардейских частей началось 1 апреля 1828 г. [см.: 16. Ч. 1. С. 300-301]; прощание с ними Николая I было самым трогательным. Решению императора отправиться на войну некоторое время сопротивлялись обе императрицы – и Александра Федоровна, и Мария Федоровна, причем последняя пыталась использовать влияние принца Оранского [17. С. 237-238]. Николай I выехал на театр военных действий в европейской Турции 26 апреля, Александра Федоровна (с великой княжной Марией Николаевной), намеревавшаяся провести лето в Одессе, – 27 апреля 1828 г. [о прощании наследника с матерью см.: 18. С. 355].

[6] Великий князь Александр Николаевич был переведен после отъезда родителей под надзор бабушки, императрицы Марии Федоровны.

[7] После встречи в Бендерах (они ехали отдельно), Николай I с супругой прибыл в Одессу 16 мая 1828 г.

[8] Под «варварством» Турции подразумевается жестокость в отношении к христианскому населению на подвластных ей территориях, прежде всего в опустошенной и разоренной Греции.

[9] Военные действия России против Турции в 1828–1829 гг. разворачивались в европейской Турции (Валахия, Добруджа, восточная часть Болгарии), куда отбыл царь, и на Кавказе. Осада турецкой крепости Анапа началась 2 мая и закончилась ее капитуляцией 11 июня 1828 г. Осаду с моря осуществляла эскадра Черноморского флота под командованием вице-адмирала А.С. Грейга. Сухопутными частями под Анапой командовал генерал-адъютант, контр-адмирал князь А.С. Меншиков. Начальником штаба при нем был назначен флигель-адъютант полковник В.А. Перовский, который принимал участие в боевых столкновениях с турками и горцами под стенами Анапы. О значении этой крепости см.: [19. Т. 4, вып. 1. С. 77–79]. Первые известия о военных действиях под Анапой появились в русской печати 29 мая 1828 г. По-видимому, Жуковский пользуется другими источниками для сообщений Воейковой о Перовском.

[10] Переход русской армии через реку Прут и вступление на территорию Турции произошло 25 апреля 1828 г.; сообщение об этом, с перечислением трех населенных пунктов, где происходила переправа, появилось в первой же реляции о военных действиях, напечатанной в «Северной пчеле» 12 мая 1828 г. Жуковский пересказывает ее содержание в письме к Воейковой с неточностями (так, в реляции о взятии крепости Галац (современная Румыния) сообщалось лишь о малочисленности гарнизона). Браилов – современное название: Брэила (Румыния). Быстрое продвижении в сторону Бухареста позволило занять его 30 апреля 1828 г. без боя, до подхода турецкой армии (об этом сообщалось в «Северной пчеле» уже в следующей реляции, 15 мая 1828 г.).

[11] Присутствие в действующей армии монарха привело к многовластию и негативно сказалось на ходе летней кампании 1828 г. Вернувшись в Петербург, Николай I говорил гр. А.Ф. Орлову: «При мне всё идет худо, я более в армию не поеду» [16. Ч. 3. С. 370].

[12] См. примеч. 1.

[13] Имеются в виду те дома в Царском Селе, которые Воейкова с семьей снимала на лето. Она живо откликнулась на воспоминание Жуковского о царскосельких днях в письме от 13 (25) июня: «Мой бесценный друг, описанье твое дома Дурасовой всю душу потрясло, какое милое воспоминанье! <…> Кажется, с самого замужества – такого беззаботного, веселого времени не было»; по-видимому, она говорит о лете 1822 г. [2. Т. 1. С. 204].

[14] В письме угадывается тема одиночества поэта среди дорогих сердцу царскосельских видов, воплощенная в его позднейшем стихотворении «Царскосельский лебедь» (1851) [7. Т. 2. С. 341–342].

[15] При жизни историографа Карамзины занимали летом в царскосельской Китайской деревне два домика.

[16] Свадьба Е.Н. Карамзиной и кн. П.И. Мещерского состоялась 27 апреля 1828 г. При первом же известии о женитьбе Мещерского, с его двумя тысячами душ, «княжеством и деньгами», на Катеньке Карамзиной, обладавшей, по мнению Воейковой, «умом острым, быстрым» и любившей блеск, она заключила в письме к Жуковскому от 3 (15) февраля 1828 г.: она решилась «довольствоваться мужем, над которым не может не видеть своего превосходства» [2. Т. 1. С. 179–180]. Отвечая на письмо от 14 мая 1828 г., Воейкова написала Жуковскому 13 (25) июня: «Ежели не будет счастья, то будет титул!»; она полагала, что причиной состоявшейся брака была «vanité» (гордость, *фр.*) новоиспеченной княгини [2. Т. 1. С. 205].

Литература

1. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. 571 с.

2. *Соловьев Н.В.* История одной жизни. А.А. Воейкова – «Светлана»: В 2 т. Пг., 1915–1916.

3. *Березкина С.В.* Письма В.А. Жуковского к А.Ф. Воейкову второй половины 1814 г. // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 346–373.

4. «Разлука не развод...»: Из переписки В.А. Жуковского и А.Ф. Воейкова 1823 г. / Вступ. статья С.В. Березкиной; Подгот. текста и коммент. А.Ю. Балакина и С.В. Березкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 263–299.

5. *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783-1852: По неизвестным источникам и личным воспоминаниям. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1883. 409 с.

6. *Гофман М.Л.* Жуковский в семье Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. Берлин; Прага: Ватага, 1925. Т. 9. С. 219–252.

7. *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Издательский дом ЯСК, 1999-2018. Т. 1-15. (Изд. продолж.).

8. «Жива ли ты еще?...» (Последние письма В.А. Жуковского к А.А. Воейковой) / Вступ. статья и коммент. С.В. Березкиной; Подгот. текста Н.Л. Дмитриевой // Русская литература. 2016. № 4. С. 163–171.

9. *Пушкин А.С.* Письма: В 4 т. / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. Т. 2. 578 с.

10. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М.: Слово, 1999. Т. 2. 542 с.

11. Русско-английские литературные связи: XVIII в. – первая половина XIX в. / Исслед. М.П. Алексеева. М.: Наука, 1982. 863 с. (Лит. наследство. Т. 91).

12. *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 286 с.

13. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья О.Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М.: Наука, Школя «Языки русской культуры», 1999. 726 с.

14. Письма В.А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Университетская типография, 1895. 322 с.

15. Собственноручные письма В.А. Жуковского к Д.П. Северину // Русская старина. 1902. № 4. С. 137–166.

16. *Епанчин Н.А.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции: В 3 ч. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1905–1906.

17. Столетие Военного министерства. 1802–1902. СПб.: Типография товарищества М.О. Вольф, 1908. [Т. 2]: Императорская Главная квартира; История государевой свиты. [Кн. 3]: Царствование императора Николая I. 625 с.

18. Записки К.К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича. 1826-1832 // Русская старина. 1885. № 2. С. 344–364.

19. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 4 т. 2-е изд. СПб.: В.А. Березовский, 1887–1889.

CORRESPONDENCE BETWEEN V.A. ZHUKOVSKY AND A.A. VOEYKOVA DURING HER FOREIGN TRIP (1827–1829)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 23–37. DOI: 10.17223/24099554/12/2

Svetlana V. Berezkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: s.berezkina@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, A.A. Voeykova, correspondence, problems of textology, copies and autographs, biographical and cultural-historical commentary.

Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article tells about the letters from V.A. Zhukovsky to A.A. Voeykova referring her foreign trip of 1827–1829 and publishes two letter autographs. These letters

were published earlier, by A.A. Voeykova's daughter, who had reduced their texts approximately by third, excluding some information about the family, father, and money, which he sent to France, Switzerland and Italy to the dying wife. Zhukovsky sponsored more than half of the total trip cost, approximately two-thirds, for which he could use the "irrevocable" credit of Empress Alexandra Feodorovna, the mention of whom had also been excluded by Voeykova's daughter. After her departure, A.A. Voeykova and Zhukovsky were corresponding extensively, which brightened up the life of the diseased woman. There were long intervals between letters, as it took about thirty days to deliver letter one way only. In his letters, Zhukovsky shared the news about their friends and the court life, sent his poems, discussed new books. The commentary to the published letters analyses the biographical, historical, and cultural context of their correspondence, dwelling on the difference between Zhukovsky's and Voeykova's perception of French public life and increasing awareness of the Imperial court life during the Russian-Turkish war of 1828–1829.

References

1. Veselovsky, A.N. (1904) *V.A. Zhukovskiy. Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky. The poetry of feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

2. Solovyev, N.V. (1915–1916) *Istoriya odnoy zhizni. A.A. Voeykova – "Svetlana"* [The story of one life. A.A. Voeikova – "Svetlana"]. In 2 vols. Petrograd: Russkiy bibliofil.

3. Berezkina, S.V. (2017) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k A.F. Voeykovu vtoroy poloviny 1814 g [Letters of V.A. Zhukovsky to A.F. Voeykov in the second half of 1814]. In: Yanushkevich A.S. & Lebedeva, O.B. (eds) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. 3. Tomsk: Tomsk State University.

4. Zhukovsky, V.A & Voeykov, A.F. (2016) "Razluka ne razvod...": Iz perepiski V.A. Zhukovskogo i A.F. Voeykova 1823 g ["Separation is not a divorce ...": From the correspondence between V.A. Zhukovsky and A.F. Voeykov, 1823]. In: Tsarkova, T.S. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2015 g*. [The Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department for 2015]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.

5. Zeydlits, K.K. (1883) *Zhizn' i poeziya V.A. Zhukovskogo. 1783–1852: Po neizvestnym istochnikam i lichnym vospominaniyam* [V.A. Zhukovsky's Life and Poetry. 1783–1852: According to unknown sources and personal memories]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.

6. Gofman, M.L. (1925) Zhukovskiy v sem'e Protasovykh i Voeykovykh [Zhukovsky in the Protasovs and Voeykovs]. In: Melgunov, S.P. (ed.) *Na chuzhoy storone* [In foreign lands]. Vol. 9. Berlin; Prague: Vataga.

7. Zhukovsky, V.A. (1999–2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem. V 20 tomakh* [Complete Letters and Works. In 20 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

8. Zhukovsky, V.A & Voeykov, A.F. (2016) “Zhiva li ty eshche?...” (Poslednie pis’ma V.A. Zhukovskogo k A.A. Voeykovoy) [“Are you still alive? ...” (Last letters from V.A. Zhukovsky to A.A. Voeykova)]. *Russkaya literatura.* 4. pp. 163–171.

9. Pushkin, A.S. (1928) *Pis’ma: V 4 t* [Letters: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo.

10. Tsyavlovsky, M.A. & Tarkhova, N.A. (1999) *Letopis’ zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: V 4 t* [Chronicle of Alexander Pushkin’s Life and Work: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Slovo.

11. Alekseev, M.P. (1982) *Russko-angliyskie literaturnye svyazi: XVIII v. – pervaya polovina XIX v* [Russian-English literary relations: the 18th – first half of the 19th century]. Moscow: Nauka.

12. Yanushkevich, A.S. (1985) *Etapy i problemy tvorcheskoy evolyutsii V.A. Zhukovskogo* [Stages and problems of V.A. Zhukovsky’s creative evolution]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1999) *V.A. Zhukovskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of contemporaries] Moscow: Nauka.

14. Zhukovsky, V.A. (1895) *Pis’ma k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu* [Letters to Alexander Ivanovich Turgenev]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

15. Zhukovsky, V.A. (1902) Sobstvennoruchnye pis’ma k D.P. Severinu [Handwritten letters to D.P. Severin]. *Russkaya starina*. 4. pp. 137–166.

16. Epanchin, N.A. (1905) *Ocherk pokhoda 1829 g. v Evropeyskoy Turtsii: V 3 ch* [Essay on the campaign of 1829 to European Turkey: In 3 vols.]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov.

17. Skalon, D.N. & Danilov, N.A. (1908) *Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902* [Centenary of the War Ministry. 1802-1902]. St. Petersburg: Tipografiya M.O. Vol’f.

18. Meder, K.K. (1885) Zapiski vospitatelya tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha. 1826–1832 [Notes of Tsesarevich Alexander Nikolaevich’s educator. 1826–1832]. *Russkaya starina*. 2. pp. 344–364.

19. Potto, V.A. (1887) *Kavkazskaya voyna v otdel’nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiyakh: V 4 t.* [The Caucasian War in separate essays, episodes, legends and biographies: In 4 vols]. St. Petersburg: V.A. Berezovsky.

УДК 82.091 + 821.161.1
DOI: 10.17223/24099554/12/3

Н.Е. Никонова

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф. ФОН МЮЛЛЕРА КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РОМАНТИЗМА[1]

В статье впервые вводится в научный оборот полный корпус писем русского поэта и наставника царской фамилии с веймарским канцлером времени И.В. Гете, поэтом и видным культурным деятелем Ф. фон Мюллером. Переписка охватывает 20 лет и включает в себя более 60 посланий. Выявляются основные сюжеты жизнетворческого эпистолярного диалога двух романтиков, дополняющие важными фактами знания о культуртрегерской деятельности Жуковского и его связях с немецким миром.
Ключевые слова: *переписка, В.А. Жуковский, Ф. фон Мюллер, И.В. Гете, романтизм, веймарский классицизм.*

Переписка двух поэтов и видных государственных деятелей России и Германии первой половины XIX в. неоднократно привлекала внимание ученых, однако до сегодняшнего дня она осмыслена и издана лишь частично, хотя высокая актуальность этого корпуса документов, важных для понимания литературного и придворного быта России и Европы периода расцвета культур обеих стран, не нуждается в доказательствах. Достаточно вспомнить о ведущей роли канцлера фон Мюллера в институциональной истории веймарского классицизма и сохранении и приумножении его наследия и о сравнимом с нею значении культуртрегерства В.А. Жуковского, поэта, переводчика, мыслителя, покровителя искусств и наставника.

Импульсом к осмыслению переписки послужила выборочная публикация, вышедшая благодаря Адельгейде фон Шорн в 1904 г. на страницах журнала «Deutsche Rundschau» [1]. Эта же ценная под-

[1] Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

борка вошла в ее мемуары о Веймаре. Автографы пяти из десятка частично опубликованных в книге посланий Мюллера хранятся в фонде Жуковского РНБ, в отношении остальных посланий приходится полностью полагаться на свидетельства писательницы. Эта работа привлекла в начале XX в. внимание А.Н. Веселовского, сообщившего сведения о ней русскому читателю [2]. Впервые к папке с бумагами поэта, бережно собранными Мюллером, обратился Е.В. Петухов, указавший на принципиальную важность данных документов и подробно описавший хронологию и содержание данной части эпистолярного наследия русского романтика [3]. Он опубликовал выдержку программного характера из французского письма Жуковского от 12 мая 1846 г., в котором речь идет об «Арзамасе», а также одно предложение из письма без места и даты, поясняющего организующую функцию буффонады и галиматьи арзамасского братства [3. С. 343]. Выборочный русский перевод этих фрагментов включил в свою монографию об А.С. Пушкине и «Арзамасе» М.И. Гиллельсон [4. С. 169], но вырванные из общего контекста эпистолярного диалога фрагменты нисколько не поясняли картину общения Мюллера и Жуковского, в которой, как справедливо указывает Р.Ю. Данилевский, «каждая, даже малосодержательная записка находит свое место и свой смысл» [5. С. 159].

Теодор Адам Генрих Фридрих фон Мюллер (1779–1849) родился в Кунройте. Его отец, а до него его дед стояли на службе у семьи Эглоффштейн казначеями. Отношение семьи Эглоффштейн к Мюллерам, которые жили вместе с ними в замке, было патриархальным и очень теплым. Особенно трогательные отношения завязались между Генриеттой фон Эглоффштейн и матерью Фридриха. Позже ее выдали замуж за кузена, от этого брака родились две дочери Каролина и Юлия фон Эглоффштейн, также входившие в круг близких друзей Гете, с которыми Ф. Мюллер тесно дружил уже будучи канцлером при дворе Карла Августа и Марии Павловны.

После курса юриспруденции в университете Эрлангена Мюллер в возрасте двадцати двух лет приехал в Веймар и получил должность в Государственной службе города. В 1804 г. он был назначен советником правительства в Веймаре. Когда в октябре 1806 г. Пруссия капитулировала перед французской армией, Мюллер получил личное поручение от герцога Карла Августа провести переговоры с победите-

лем. От таланта Мюллера-дипломата зависела судьба герцогства. После того как в результате переговоров ему удалось добиться независимости герцогства, Карл Август даровал ему дворянский титул и назначил тайным советником. В 1809 г. Мюллер при посредничестве Гете был принят в масонскую ложу «Амалия» и уже через три года стал государственным канцлером герцогства.

Мюллера ценили не только как одаренного политика и юриста. Высокообразованный и разносторонне одаренный человек, он пользовался благорасположением герцогини-матери Анны Амалии и правившего герцога Карла Августа. В период веймарского классицизма центральной по значению фигурой при дворе был Гете, который сыграл определяющую роль и в жизни Ф. Мюллера. Гете ввел в его в круг самых близких друзей и ценил независимые суждения канцлера. Результатом их встреч стала самая известная из книг Мюллера «Беседы с Гете» («Unterhaltungen mit Goethe»). В своем завещании Гёте назначил Мюллера с Эккерманом и Римером хранителем его литературного архива; к тому же он поручил Мюллеру издание своих неопубликованных произведений.

Наследие Фридриха Мюллера как оратора и литератора заслуживает специального внимания. По свидетельству графини Каролины фон Эглоффштейн, он с детства писал стихи и, судя по архивным материалам, поэзия оставалась всегда его искренним увлечением. Сохранившиеся в архиве Гете и Шиллера стихотворения выдержаны в основном в духе дружеских посланий, поэтических посвящений, многие до сих пор не публиковались.

Практически все опубликованные сочинения веймарского канцлера в прозе относятся к жанру исторических мемуаров, основанных на лично пережитых событиях (например, «Воспоминания военных времен 1806–1813» [6]. Современникам он был известен как прекрасный оратор. Он был постоянным участником знаменитых на всю Европу научных и литературных вечеров, организованных Марией Павловной, на которых йенские профессора и веймарские поэты читали лекции, стихи и прозу. При жизни Мюллера вышли в свет отдельными изданиями его речи-некрологи о К. Иммермане «Иммерман в Веймаре» [7] и Ф.Ю. Бертухе «Надгробная речь канцлера фон Мюллера в память о Фридрихе Юстине Бертухе. Издание текста манускрипта 1822 г. для друзей, вновь изданное и снабженное послесловием Фрит-

ца Финка» [8], сочинение о веймарском гетеанце, музыкальном и театральном критике, писателе И.Ш. Шютце «Доктор Иоганн Штефан Шютце. Лекция Фридриха фон Мюллера в литературном кружке Ее королевского Высочества госпожи великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской, великой княжны российской» [9]. В архиве веймарского кружка Марии Павловны сохранилась еще одна неизданная речь канцлера в жанре некролога, произнесенная в память об известном в веймарском свете влиятельном советнике и многолетнем помощнике Марии Павловны Антоне фон Цигезаре (1783–1843) [10].

Конечно, самую широкую известность снискали речи Мюллера о Гете, впервые они были объединены В. Боде в издании «Goethes Persönlichkeit. Drei Reden des Kanzlers Friedrich v. Mueller, gehalten in den Jahren 1830 und 1832. Herausgegeben und eingeleitet von Dr. Wilhelm Bode. Berlin, 1901». Эти работы канцлера были хорошо известны В.А. Жуковскому. В личной библиотеке поэта сохранились две речи канцлера, посвященные гению Гете: «Муза королю» («Dem Könige die Muse. 28. August 1827»); «Золотой юбилей Гете» («Goethe's goldner Jubeltag»). Изданные после смерти канцлера его собственные мемуары о военных годах, представляющие собой самую значительную книгу автора, также были известны Жуковскому.

Хвалебные речи, речи по поводу знаменательных событий и памятные речи-некрологи действительно удавались Мюллеру. Канцлер бережно собирал, переписывал и хранил у себя все документы, связывавшие его с близкими друзьями и знакомцами. Самый известный проект Мюллера в этом русле – книга воспоминаний о Гете, над которой автор работал в течение многих лет. Она раскрывает многие грани деятельности поэта, увиденные глазами современника после ухода поэта из жизни, а также политические воззрения Гете [11].

И именно Мюллер стал центральной фигурой среди знакомых Жуковского в городе Гете и главным посредником в его общении с веймарским двором. Их первая встреча состоялась в 1826 г., когда русский поэт проходил курс лечения на водах в Эмсе. Мюллер подарил ему праздничное издание в честь 50-летия Гете, на которое Жуковский мечтал попасть вместе с Александром Тургеневым, с дарственной надписью: «Herrn Hofrath von Joukoffskij zu freundlicher Erinnerung von dem Herausgeber, F. von Mueller. Ems, 1. Aug<ust>.

1826» (Господину надворному советнику Жуковскому на дружескую память от издателя, Ф. фон Мюллер. Эмс, 1 авг<уста> 1826 г.).

Центральной для совместных рассуждений и размышлений о литературе выступает фигура И.В. Гете. Стихотворное поклонение ему Жуковского в отправленном в Веймар четверостишии «К портрету Гете» (1824), затем знакомство с немецким поэтом и создание одического, восхваляющего произведения «К Гете» (1827), которое было известно веймарцам в собственном переводе Жуковского под названием «Dem guten groβen Manne» (1827) [12. С. 252–256], стали фундаментом для эпистолярного диалога с канцлером, внесшим немалый вклад в создание и поддержание мифа о «немецком гении» и о Веймаре как колыбели немецкой изящной словесности.

Во время первой встрече в Веймаре в 1827 г. Мюллер записал в альбом Жуковского собственные стихи, навеянные гетевским Тассо, которые должны были напоминать русскому романтику о городе, где царит дух поэзии Гете, и о «немногих, но незабвенных часах светлого; задушевного общения» с канцлером. Благодаря канцлеру на следующий день Жуковскому представилась возможность прикоснуться к литературной сокровищнице Веймара, рукописям хорошо знакомых ему поэтов, о чем свидетельствует дневниковая запись: «К Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера. Гете и Якоби. Lettres autographes» [13. С. 292].

Во время краткого визита 26 августа 1833 г., первого после смерти Гете, поэт записал в альбоме канцлера суждение о сущности человеческой свободы: «Unsere wahre Freiheit besteht in der Kraft; nein zu sagen» (Наша истинная свобода заключается в умении сказать нет). Фразу нужно было понимать в христианском гуманистическом смысле: быть свободным означает иметь право выбора между добром и злом, бороться с искушением, поскольку контекстом для такого категоричного заявления послужил недавно вышедший из печати «Фауст», о котором, судя по дневниковой записи поэта, они с Мюллером беседовал в то утро: «Поутру у канцлера Миллера. О Гетевом “Фаусте”» [13. С. 292]. Оригинальное размышление Жуковского о настоящей свободе человеческой души отзовется спустя шестнадцать лет в письме на смерть Мюллера, где он выскажет любимую мысль о мимолетности земной жизни и истинном освобождении после смерти. Однако эти краткие фрагменты дневниковых посвящений не могут дать целостного представления. Полную же картину

диалога мы мжем представить себе лишь сейчас, изучив все дошедшие до нас письма обоих авторов.

Переписка двух ярчайших личностей эпохи романтизма сконцентрирована, главным образом, в двух архивах в Санкт-Петербурге и Веймаре и включает в себя более 60 посланий. Рукописи обоих корреспондентов представляют немалую сложность для современного исследователя: послания канцлера написаны по большей части на немецком языке готической скорописью, французские тексты Жуковского более разборчивы, но все же требуют определенных специфических навыков и компетенций, связанных с расшифровкой, модернизацией орфографии и пунктуации, а также переводом на русский язык. Роспись писем, которые удалось датировать, выглядит следующим образом (нумерация в хронологическом порядке):

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому	**В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру**
1) 27 апреля 1828 г. (на нем. яз.)	2) 13/29 мая 1828 г.
3) 18 июня 1828 г. (на нем. яз.)	5) 12/20 ноября 1828 г.
4) 10 ноября 1828 г. (на нем. яз.)	9) 23 мая / 3 июня 1838 г., Берлин
6) 29 декабря 1828 г. (на франц. яз.)	11) <сентябрь 1838 г.>, Веймар
7) 4 января 1829 г. (на нем. яз.)	13) 4/16 ноября 1838 г., Венеция,
8) 14 октября 1837 г. (на нем. яз.)	16) < 27–28 августа 1838 г., Веймар>
10) 10 сентября 1838 г. (на нем. яз.)	17) 21 июля по новому стилю 1839 г.,
12) 28 сентября 1838 г. (на франц. яз.)	Петергоф
14) 23 февраля 1839 г. (на нем. яз.)	18) 20 октября / 9 ноября 1839 г. Царское
15) 28 июня 1839 г. (на франц. яз.)	Село
19) 18 апреля 1840 г. (на франц. яз.)	20) 22 апреля 1840 г. (Дармштадт)
21) 26 мая 1840 г. (на франц. яз.)	22) 14 июля 1840 г. (Дармштадт)
24) 20 августа 1840 г. (на нем. яз.)	23) 31 июля/12 августа 1840 г. (Франк-
26) 8 сентября 1840 г. (на нем. яз.)	фурт-на-Майне)
27) 14 марта 1841 г. (на нем. яз.)	25) 17/29 августа 1840 г. (Дюссельдорф)
29) 7 марта 1842 г. (на нем. яз.)	28) 2/14 января 1842 г. (Дюссельдорф)
31) 25 апреля 1842 г. (на нем. яз.)	30) апрель 1842 г. (Дюссельдорф)
32) 21 июня 1842 г. (на нем. яз.)	34) 2/14 ноября 1842 г. (Дюссельдорф)
33) 31 июля 1842 г. (на нем. яз.)	37) 14 июля 1843 (Эмс)
35) 22 ноября 1842 г. (на нем. яз.)	39) 4 августа 1843 г. (Швальбах)
36) 5 июля 1843 г. (на нем. яз.)	42) 9/21 января 1845 г. (Дюссельдорф)
38) 30 июля 1843 г. (на нем. яз.)	43) 2 января 1846 г.
40) 4 октября 1844 (на франц. яз.)	44) 5/7 января 1846 г.
41) 17 января 1845 (на нем. яз.)	47) 30 апреля/12 мая 1846 г.
42) 2 декабря 1845 г. (на нем. яз.)	49) <июнь-июль> 1846 г.
45) 10 января 1846 г. (на нем. яз.)	50) <июль-август> 1846 г.

46) 8 мая 1846 г. (на нем. яз.)
47) 15 мая 1846 (на франц. яз.)
48) 12 июня 1846 г. (на нем. яз.)
51) 18 декабря 1846 г. (на нем. яз.)
53) 10 февраля 1847 г. (на нем. яз.)
54) 8 марта 1847 г. (на нем. яз.)
55) 6 апреля 1847 г. (на нем. яз.)
57) 12 июня 1848 г. (на нем. яз.)
58) 12 августа 1848 г. (на нем. яз.)
60) 25 ноября 1848 г. (на нем. яз.)
52) 15/27 декабря 1846 г.
56) <1848>
59) 8/20 октября <1848>, Баден-Баден

Кроме этих шести десятков посланий сохранились 4 недатированных записки и одно недатированное письмо В.А. Жуковского к канцлеру Веймара, а также письмо Ф. фон Мюллера к супруге в архиве ИРЛИ и известие о его кончине, находящееся в собрании рукописей РНБ. Таким образом, говоря о корпусе переписки, мы подразумеваем 34 рукописных послания Мюллера к Жуковскому и 26 ответных собственноручных писем русского поэта.

В целом указанный корпус текстов представляет собой интересный пример дружеской частной переписки первой половины XIX в., отличающийся от бытового неофициального эпистолярия высоким стилем, ярко выраженной диалогизацией, глубоким психологзмом, полифункциональностью, политематичностью дискурса и полилингвизмом. Вслед за современной гуманитарной наукой под дружеским письмом мы понимаем своего рода гипержанр преимущественно не информативного характера, в функционально-прагматическом плане имеющий в качестве основной задачи организацию и оформление самого общения. Следует согласиться и с тем, что набор составляющих его жанров будет зависеть от экстралингвистических факторов, однако не только от объективных обстоятельств окружающей реальности, но и от установок и мировидения друзей по переписке. В случае, когда в качестве корреспондентов выступают придворные поэты, литераторы и государственные деятели, их многолетний эпистолярный диалог выступает, с одной стороны, важнейшим историко-биографическим источником, а с другой, является литературным памятником, представляя образы авторов и образцы художественного метода каждого из них. Переписку русского и немецкого романтиков следует рассматривать, в первую очередь, как литературное

наследие, изучение которого значительно дополняет понимание того «художественного образа личности», того «символического единства» [14. С. 169], которое создается в слово- и жизнетворчестве тем или иным автором и его окружением.

Как отмечал А.С. Янушкевич, собравший большую часть писем В.А. Жуковского для «Полного собрания сочинений и писем», «именно в письмах, не предназначенных для постороннего глаза или, наоборот, ориентированных на коллективное чтение единомышленников, адресант говорил откровенно о том, что имплицитно присутствовало в его творчестве», и «именно в них обозначаются характерные черты литературного быта» [15. С. 108].

В нашем случае возникает устойчивый в немецком литературном быте образ В.А. Жуковского-певца с севера, созданный канцлером фон Мюллером и закрепившийся в кругу веймарских гетеанцев. В первом же письме от 27 апреля 1828 г. читаем: «С самыми заветными чувствами все мы, кто считает себя преданными Вам здесь, ждали любого известия о Вашем самочувствии от каждого путника с севера, беспрестанно посвящали Вам наши самые искренние пожелания» [16. Л. 1]. Это «амплуа» канцлер впервые присвоил Жуковскому в стихотворении 1824 г., отправленном графине К. фон Эглоффштейн, находившейся в Петербурге и сопровождавшей великую княжну Марию Павловну во время ее визита на родину, в ответ на присланные строки оригинала и немецкого перевода «К портрету Гете» (1824). Поэтическое приветствие русскому поэту, с которым канцлер был еще не знаком, гласило: «Dem Nord’schen Sänger auch, der goldne Worte // Zu unsers Meisters theurem Bild fand» (А также северному певцу, который отыскал золотые слова // К дорогому портрету нашего учителя) [17. Bl. 18]. О том, что этот образ стал устойчивым в тесном дружеском кругу, свидетельствует письменная рекомендация, данная Каролиной фон Эглоффштейн 5 августа 1826 г. в Эмсе Жуковскому, собиравшемуся посетить после своего первого визита в Веймар семью Ф. Шиллера: «Der edle Charakter der Nordländer ist von allen Seiten anerkannt, und es macht mir daher eine Freude als Vermittlerin zwischen so trefflichen Menschen stehen und Bekanntschaft stiften zu können» [18. Л. 60] [Благородный характер северян известен всем, и мне радостно выступать посредницей в знакомстве таких прелестных людей]. С годами, по мере развития контактов дру-

зей и изменения статуса Жуковского при дворе, этот устойчивый образ дополняется новыми чертами, связанными с его деятельностью наставника наследника российского престола. 14 октября 1837 г. Мюллер пишет: «Пока я, находясь в спокойном веймарском кругу, жил, в основном, лишь прошлым и часто с тоской смотрел вдаль, Вы своими большими свершениями сделали богатые посевы для будущего и прошли через неизмеримые пространства в двух частях света, чтобы посвятить будущего правителя в его будущее назначение» [16. Л. 9 об.].

Организующим началом в переписке является литература, музыка и живопись, которые красной нитью проходят сквозь все письма Ф. фон Мюллера. Канцлер исполняет роль наставника, рекомендуя Жуковскому новинки немецкой прозы и поэзии романтизма, отправляет собственные сочинения и внимательно следит за творчеством русского стихотворца. Ни одно развернутое письмо не обходится без интертекста произведений художественной словесности. Таким образом, представляя собой «литературные факты» (Ю.Н. Тынянов) письма Жуковского и Мюллера вбирают в себя литературу как институциональную составляющую и как реальность, альтернативную эмпирической действительности, тем самым реализуя парадигму романтического мировоззрения.

Не менее важное для коммуникативного целого корпуса писем начало, происходящее из действительного общественного положения обоих корреспондентов, связано с жизнью германских и российского монарших домов. В переписке фигурируют имена великих и наследных герцогинь и герцогов княжества Саксен-Веймар-Эйзенахского. Мюллер и Жуковский не только сообщают друг другу о событиях в монарших фамилиях Германии, но и переживают вместе с ними их горести и радости. Одним из последствий близости ко двору и в то же время отличительной чертой эпистолярных контактов Жуковского являются адресованные ему ходатайства, обращенные к русской императорской семье. А.С. Янушкевич определяет этот факт как отличительную черту поведенческого текста Жуковского, отразившуюся в первую очередь, в его эпистолярии и реализовавшую культ филантропии и «целенаправленную гуманистическую программу» [15. С. 119]. Канцлера фон Мюллера вполне можно считать единомышленником русского поэта в этом контексте деятельной «всечеловечности, характерной для XIX века» (Н.А. Бердя-

ев). Выражением двух отмеченных организующих общение по переписке лейтмотивов находим в первом же письме канцлера, инициировавшего эпистолярный диалог.

Первое послание инициировавшего переписку канцлера, отправленное спустя более полугода после визита Жуковского, посвящено этим двум главным коммуникативно-прагматическим задачам: Мюллер отсылает заказанный адресатом том о путешествии по Америке веймарского герцога Бернхарда, сообщает о благосклонном отзыве Гете о послании Жуковского и о литературных трудах немецкого поэта, о визите короля Баварии и его стихотворном посвящении Веймару, а также отправляет свой поэтический ответ королю-поэту, написанный им по поручению Гете, с просьбой «ознакомиться и откликнуться, будучи снисходительным и благосклонным!» [16. Л. 1 об.]. Речь идет о поэтическом посвящении Мюллера Веймару и Гете «Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret» [19. С. 136]. Спустя два года, в 1829 г., в журнале «Собиратель» Жуковский публикует свое четверостишие «То место, где был добрый свято!», представляющее, перифраз этих строк и тот самый отклик, о котором просил канцлер [20. С. 135–146].

В этом же послании Мюллера содержится просьба к Жуковскому ходатайствовать перед русским двором о содержании «пожилой и потерявшей зрение Якоби». Из ответного письма Жуковского следует, что речь идет о Марии Гертруде Бринкман (Marie Gertrude Brinckmann, 1744 г. рождения), свекрови Георга Арнольда Якоби (1768–1845), государственного советника Саксен-Веймарского правительства, сына философа Фридриха Генриха Якоби (Friedrich Heinrich Jacobi; 1743–1819), который в свою очередь был младшим братом Иоганна Георга Якоби (1740–1814). Из наследия последнего Жуковский, как известно, перевел в 1815 г. стихотворение «Nach einem alten Liede» («Подражание старой песне»), получившее известность под заглавием «Песня» («Где, фиалка, мой цветок») и положенное на музыку А.Г. Вейраухом. Ф.Г. Якоби-философ был президентом Баварской академии наук, общение с Виландом и Гете в начале 1770-х гг. оказало на него серьезное влияние и привело к полемике с рационализмом Фихте и Шеллинга, его пристальное внимание привлекали христианско-религиозные вопросы. Идеи Якоби-отца, философа-идеалиста, получили непосредственный отклик в переписке с Мюллером, но были известны Жуковскому, вероятно, и

до знакомства с ним. В личной библиотеке поэта сохранилось издание пятитомного собрания сочинения Фридриха Генриха Якоби 1812 г. [21. С. 194 (№ 1367)] с многочисленными пометами. Судя по немецким записям на полях первого тома, который представляет собой письма философского содержания, книгу читала с карандашом в руках и супруга Жуковского. В этом томе содержится большинство карандашных записей и отчеркиваний, их содержание связана с основополагающими понятиями для концепции Якоби, как-то: справедливость, любовь и смерть, одиночество и свобода, религия и вера.

Мюллер посылает Жуковскому памятные цитаты из Ф.Г. Якоби и И.В. Гете, которые имеют программное значение не только для рассматриваемого эпистолярного диалога, но и для понимания образа Жуковского, конструируемого канцлером и запечатлевшегося в кругу веймарских гетеанцев. Выдержка из Якоби станет жизнестроительным кредо Жуковского и получит продолжение в письмах к Мюллеру 1840-х гг. Первая часть памятного послания представляет собой отрывок из «оставленных Фр.Г. Якоби рукописей» («Aus Fr. H. Jacobis nachgelassenen Manuskripten»), посвященный рассуждению о взаимосвязи Бога (Gott) и рассудка/разума (Verstand/Vernunft):

Kapitel VIII.34. Um Gott aus der Vernunft darzutun, muss er als etwas die Vernunft bedingendes dargetan werden.

– Wenn die Vernunft ihn bedingt, so ist er nicht.

Ibid. S. 85. Der Instinkt weiset, der Verstand beweiset. Um zu beweisen, muss etwas Früheres da sein, voran gewiesen, womit bewiesen wird. Gott kann deswegen nicht bewiesen werden. Der Beweisgrund wäre über ihm, wäre wahrer als er selbst.

Die Vernunft aber wäre kein Vermögen der Wahrheit, wenn kein Gott wäre. So wird die Vernunft aus und durch Gott, nicht Gott aus der Vernunft und durch sie bewiesen.

So ferner Kapitel VIII. S. 17. VII. 118 [22. Л. 8].

Глава VIII.34. Чтобы разумом понять Бога, следует понимать Его как нечто, разум обусловливающее.

– Если Бога объясняет разум, то Он перестает существовать.

Там же С. 85. Инстинкт указывает, рассудок доказывает. Чтобы доказывать, должно существовать что-то явленное ранее, что служит доказательству. По этой причине существование Бога не может быть доказанным. Иначе основание доказательства будет первичным по отношению к Нему, будет более явственным, чем Он сам.

Разум, однако же, не был бы прибежищем истины, если бы не существовало Бога. Таким образом, разум существует от Бога и через Бога, а не Бог от разума и через него.

Так далее Глава VIII. С. 17. VII. 118.

В одном из отмеченных фрагментов в первом томе собрания сочинений Якоби, сохранившегося в личной библиотеке Жуковского в Томске, речь также идет об абсолютном «чистом разуме» (Vernunft): «Es muss, da überhaupt Vernunft vorhanden ist, auch eine reine Vernunft, eine Vollkommenheit des Lebens vorhanden sein. Alle andere Vernunft von dieser nur Erscheinung oder Wiederschein» [23. S. 189] [Поскольку существует разум как таковой, должен существовать и чистый разум, некое совершенство жизни. Всякий иной разум перед ним есть лишь кажущееся явление или его отблеск]. Мюллер адресует это посвящение Жуковскому, подразумевая возвышенный религиозно-мистический подтекст, который, характерен для мировоззрения русского поэта, как показалось Гете, порекомендовавшего ему «обратиться к объекту».

К такому выводу позволяет прийти и вторая часть записки, ранее не известная в литературоведении, которая содержит, как указывает канцлер, слова Гете о Жуковском: „Shukowski ist ein so zartes Gemüt, dass man auch nicht auf gewöhnliche Weise ihm Liebe und Achtung beibringen kann. Goethe. Den 6. September 1827“ [22. Л. 8] [Жуковский так тонок душой, что невозможно обычным образом выразить любовь и уважение к нему. Гете. 6 сентября 1827].

Композиция прилагающегося к письму посвящения позволяет заключить, что выдержка из рукописей философа Якоби служит выражением того глубинного чувства интеллектульного и духовного взаимопонимания, которое возникло во время встречи Жуковского и Гете в Веймаре и получило воплощение в письме Мюллера. Этот документ вполне можно считать ответом на стихотворение Жуковского «К Гете», полученное адресатом в немецком прозаическом варианте под заглавием «Dem guten, grossen Manne» на следующий день (следуя дате, указанной Мюллером) после высказанного Гете впечатления, которое произвел на него русский поэт. Следует заметить, что в качестве подходящего для такой характеристики Мюллером выбран немецкий религиозно-философский дискурс, в определенной мере предсказывающий мировоззренческие поиски позднего Жуковского [24]. Репрезентативна и дилемма, фигурирующая в выдержках из Якоби и связанная с соотношением Бога и человеческого рассудка/разума. Как известно, многие размышления Жуковского-прозаика будут связаны с вопросами веры, религии, Бога и человека [25, 26].

Жуковскому удалось успешно решить вопрос о восстановлении пенсии для «доброй пожилой» свекрови потомка Якоби, хотя его первое ответное письмо Мюллеру звучало несколько официозно: «Полагаю, Вы обвиняете меня в забывчивости и неаккуратности. Если это так, то Вы несправедливы. Мне совершенно невозможно забыть Вас. Вы были так любезны со мной во время моего короткого пребывания в Веймаре, что я не смог бы вычеркнуть Вас из памяти сердца. Неаккуратность же, если таковая и была, произошла не по моей вине» [27. Л. 1].

Второе письмо канцлера фон Мюллера, отправленное спустя всего два с небольшим месяца после первого послания, повторяет сюжетную архитектонику предыдущего. Мюллер просит не оставлять дело Якоби, ходатайствует о делах веймарской графини Рапп, отправляет свое стихотворение на смерть ее сына и сообщает новости о Гете, продолжая последовательно конструировать миф о «великом, добром муже». В частности, из письма можно узнать о реакции Гете на смерть великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Карла-Августа (1757–1828): «Мне было больно, страшно сообщать эти горькие известия Гете. Глубоко потрясенный, он воскликнул: “Как бы я хотел не переживать этого”. Однако вскоре он мужественно собрался с силами и теперь с истово старается сделать все от него возможное, чтобы увековечить память светлейшего герцога» [16. Л. 3 об.].

В третьем письме 1828 г. Мюллер сообщает, что Гете «поспешил уехать в Дорнбург на Заале, в пяти часах отсюда, в романтический загородный замок великого князя», где «продолжил опыты в области ботаники и геологии и отстранился от мира» [16. Л. 15 об.]. Он высылает Жуковскому копию альбомной записи Гете, называя его «Фаустом дорнбургской спокойной жизни». Жуковский редко упоминает имя Гете, исключением является письмо от 20 ноября 1828 г., в котором он просит представить немецкому поэту графа М.Ю. Виельгорского.

После смерти Гете в эпистолярном диалоге Жуковского и Мюллера 1830-х гг. его имя, или, скорее, миф о веймарском гении, обретает еще более разностороннее воплощение, чем при жизни. В 1837 г. Мюллер высылает Жуковскому текст и мелодию своего «произведения, самого удачного, исполненного на поминовении Гете в масонской ложе» [16. Л. 9]. В данном случае ва-

жен масонский претекст послания (Жуковский, предположительно, также был посвящен в члены масонской ложи Веймара), поскольку канцлер сопровождает свои слова следующей цитатой из стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815): «Der Säemann» „der Adler <…> schüttelt vom Flügel den Staub und // Kehret zur Sonne zurück“ [16. Л. 15] [«Орёл <…> отряхивает пыль с крыла и // возвращается к солнцу»], которая должна принести «утешение». Сюжет произведения Клаудиуса связан с трагической символикой, в образе орла видится бессмертие человеческого духа. Стихотворение было одним из самых популярных масонских гимнов, и его включение в послание Жуковскому не случайно. В личной библиотеке русского поэта издания М. Клаудиуса представлены в виде 5 томов из восьмитомного собрания сочинений немецкого автора, выпущенного в 1790–1812 гг. Указание на принадлежность к масонскому братству придает образам адресатов и образу Гете новые черты.

В этом же письме 1837 г. канцлер анонсирует новое собрание сочинений Гете, выделяя в нем произведение, одноименное с последней неоконченной поэмой Жуковского: «Настоятельно рекомендую последнее издание произведений Гете, 4 тома в четверть листа, с 12 гравюрами от Котты; Вы найдете 103 ранее не опубликованных стихотворения и личные очерки, среди которых несравненный фрагмент “Вечного жида”. Я очень хочу, чтобы это новое и самое красивое издание было распространено в Петербурге» [16. Л. 9 об.]. Вопрос о соотношении сюжета о вечном жиде в интерпретации Гете и Жуковского, для которого он стал «лебединой песней», еще ожидает своего освещения, но факт непосредственного знакомства с вариацией сюжета в исполнении Гете мы можем констатировать благодаря материалам переписки с Мюллером. К письму канцлер прикладывает также копию письма Гете из Рима к почившей герцогине Луизе Саксен-Веймарской «как пример тех несметных сокровищ, что все еще спрятаны в нашем архиве» [16. Л. 10]. Копия одного письма сама по себе, конечно, вряд ли может быть бесценным литературным сокровищем, но она служит знаком в системе общих для адресата и адресанта духовных координат, артефактом, примером общения поэта и монарха, конструирующим биографический миф придворного стихотворца.

Однако воспоминание о Гете, посещение памятных мест стало лейтмотивом визита Жуковского 1838 г. и личного общения с канцлером. В дневнике Мюллера находится запись от 8 сентября, передающая эту атмосферу и высказывание русского поэта: «Früh 9 Uhr kam Joukowsky zu mir; viel über Goethe's Religiosität gesprochen. Joukowsky äußerte sich über die Vortrefflichkeit des Christentums und über seine Hauptlehren: Demuth und Liebe. <…> Mit ihm im Goethe Hause. "Der Besuch der Räume großer Autoren hat nichts Tristes, sondern viel Belebendes, da er uns vielmehr ihr geistiges Dasein vergegenwärtigt und als fortdauernd zeigt; dagegen mahnt der Besuch der Monumente und Grüfte der Fürsten nur an Vergänglichkeit irdischer Macht"» [«в 9 часов утра ко мне пришел Жуковский; много говорили о религиозности Гёте. Жуковский высказывался о достоинствах христианства и о его главных законах: смирении и любви. <…> С ним в доме Гёте. «Посещение домов великих авторов не имеет в себе ничего печального, однако много животворного, так как они воплощают для нас их духовное бытие и представляют его продолжающимся поныне; напротив, посещение памятников и могил правителей привлекает, являя лишь преходящесть земной власти»] [1. S. 337–338].

К анализируемому корпусу переписки примыкают две альбомных записи, оставленные Жуковским во время этого же визита, первого после смерти Гете, в альбоме канцлера фон Мюллера: «цветком на могилу» немецкому поэту стали строки автоперевода «Воспоминания».

<Из альбома Ф. фон Мюллера>	**Воспоминание**
Von den Geliebten, die für uns die Welt Durch ihr Mitlieben einst verschönert haben, Sprich nicht mit Schmerz: *sie sind nicht mehr;* Sprich dankerfüllt: *sie waren.*	О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили, Не говори с тоской: *их нет*; Но с благодарностию: *были*.

Вторая запись в альбоме канцлера в тот же день вновь декларирует монархический контекст жизнетворчества Жуковского и Мюллера, посвятивших многие усилия контактам русского и немецких дворов.

<Из альбома Ф. фон Мюллера>

Gott schütz‘ den Kayser!
Glücklich, beglückend,
Herrsch‘ Er in mächtiger Glorie!
Herrsch‘ Er, ein Schreck dem Feind,
Allüberwindend!
Gott schütz‘ den Kayser!
(Ein Vers aus der russischen
Volkshymne von Joukowsky)

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный;
Боже, Царя храни!

Адекватным контекстом для понимания мотивов выбора и стратегии перевода этого немецкого шестистишия Жуковского может служить история создания народных гимнов России и Германии. Впервые русский гимн был исполнен 11 декабря 1833 г. в Большом театре Москвы, второе официальное исполнение состоялось 25 декабря 1833 г. и было приурочено к годовщине изгнания французов и празднику Рождества, за ним последовал указ Николая I о введении «Боже, Царя храни!» на музыку А.Ф. Львова в качестве официального гимна России. Это значимое для Жуковского событие государственного масштаба не могло не послужить поводом для выбора текста альбомной записи. Превращение патриотических песен, созданных на основе английского «God Save the King/Queen», в официальные и неофициальные гимны монарших домов Европы второй половины XVIII – первой половины XIX в. было симптоматичным процессом. Так появились норвежский, датский, прусский («Heil dir im Siegerkranz!») и другие национальные монархические гимны. Тем же образом идея была воплощена и в николаевской России: первая и последняя строки текста Жуковского в точности передают рефрен английского гимна. Немецкий самоперевод был призван скорее осуществлять созвучие общим веяниям, выраженным в гимнах европейских монархий в целом, и немецких национальных песнях в частности, о чем свидетельствуют переводческие решения автора [12. С. 267–269].

Имя Гете в 1840-х гг. еще дважды появляется в посланиях Мюллера. В 1842 г., сообщая о кончине своей невестки (Жуковский был крестным отцом внука канцлера) он обращается к интертексту поэзии Гете, используя цитату из четверостишия, созданного поэтом на смерть своей супруги в 1816 г. для образного описания собственных

горестных чувств: «Да, Ваш бедный маленький крестник, прелестное дитя трех с половиной лет, потерял прекрасную, ласковую и заботливую мать, мой сын – самую преданную, ангелоподобную супругу, моя жена и я – самую любимую дочь, надежду и поддержку в нашей старости. Вы, мой дорогой! чувствуете глубже, чем кто-либо, о чем я говорю – Ваши слезы смешаются с нашими. Я должен воскликнуть вслед за Гете: «Du versuchst, o Sonne, vergebens, // Durch die düstren Wolken zu scheinen! // Der ganze Gewinn meines Lebens // Ist, ihren Verlust zu beweinen» [27. S. 160]. Перевод: «Весь смысл моей жизни // В том, чтобы оплакивать утрату ее!». 12 августа 1848 г. Мюллер посылает Жуковскому отсылку к некрологу Гете, вышедшему к десятилетию со дня его смерти во Франкфурте.

Фигура Гете сопровождает дружбу канцлера и русского поэта, выступая неизменным спутником их личных встреч после переезда Жуковского в Германию, поэтому его имя редко встречается в письмах 1840-х гг. Одна из последних встреч авторов посланий описана в сохранившемся среди рукописей В.А. Жуковского в ИРЛИ письме канцлера к супруге. Она произошла в октябре 1844 г. во Франкфурте-на-Майне, куда оба приехали на открытие первого в Германии памятника Гете, представлявшего его во весь рост. Как известно, по случаю прибытия в город этой бронзовой скульптуры работы Л. фон Шванталера был устроен праздник для всех горожан и гостей, а 22 октября 1844 г. состоялось ее торжественное открытие, на которое из всех веймарцев смог приехать только фон Мюллер. Накануне было устроено представление с литературными персонажами Гете в качестве действующих лиц, а на открытии Мюллер сидел рядом с Жуковским: «Было совсем не холодно. Жуковский и я сидели вместе. Было множество знакомых. Музыка и песни были очень хороши. Праздничную речь произнес славный и остроумный доктор Шписс. Она была красивой, но слишком длинной. Но когда со скоростью молнии соскользнула накрывающая драпировка и выдающаяся фигура, обнаруживающая невероятное сходство, по-настоящему величественно появилась под звуки труб и литавр, и под ликование тысяч людей, это был, действительно, неописуемо великий, глубоко трогательный момент! Все головы невольно обнажились, и выразилось всеобъемлющее величайшее восхищение великолепным памятником» [28. Л. 2, на нем.яз.].

И если фигура Гете играет организующую роль скорее как внешний ориентир и коммуникативный повод, то имманентным организующим началом для рассматриваемого диалога как литературного целого выступает память о «милых спутниках», которая становится центральной синестетической единицей эпистолярного дискурса. Воспоминание и поминовение, сохранение памяти об окончивших свой земной путь друзьях обретает различные воплощения: в посылаемых друг другу собственных и чужих поэтических и прозаических некрологах, музыкальных пьесах, альбомных и дневниковых записях, медальонах и портретах, в описании и наделении символическим значением памятных мест, пейзажей и архитектурных памятников. Романтическое моделирование бесконечности жизни за ее горизонтом скрепляет творческую устремленность обоих адресатов в развитии мортального дискурса.

За двадцать лет Жуковский и Мюллер вместе навсегда попрощались более чем с десятком близких обоим людей, с монархами и родными, литераторами и друзьями. Большинство писем не обходится без известия о кончине дорогого человека или памятного отклика по подобному поводу. С одной стороны, этот конститутивный сюжет не может рассматриваться только с художественно-эстетической позиции, поскольку связан с действительными экстраэпистолярными обстоятельствами, но с другой, его зиждительное положение вполне гармонирует с характером романтизма Мюллера и Жуковского, которые намеренно вербализуют и осознают важность увековечивания образа человека после его ухода, понимая ее как залог бессмертия в своем жизнетворческом сродстве. Прежде всего, эта отрефлексированная обоими направляющая реализуется в осмыслении соответствующего жанра поэтического посвящения или литературно-публицистического некролога в прозе. И если Мюллер окрестил Жуковского «северным певцом», то в письмах Жуковского к 1840-м гг. канцлер получает вполне четкое позиционирование как мастер мемориального жанра, что вполне объяснимо. Так, 18 июня 1828 г. он отправляет русскому поэту свое стихотворение на смерть сына графини Рапп, 10 ноября того же года повторно посылает некролог о великом герцоге «вместе со своей большой памятной речью и описанием масонских траурных церемоний в целом» и сожалеет о смерти Бенкендорфа, в 1840 г. умирает автор арабесок о

Мюхгаузене К. Иммерманн, в память о котором Мюллер выпускает брошюру, в 1846 г. он пишет по такому же поводу об известном веймарском писателе и ученом Л. Шорне. Жуковский же сообщает о трагическом уходе дочери Й. фон Радовица, и это не весь список. Мортальная символика неизменно поддерживается и Жуковским, своего рода некрологи находятся в его посланиях канцлеру, где понятным образом актуализируется религиозно-романтическое миропонимание. Так, 20 ноября 1828 г. он посылает канцлеру через Вильгорского «пьесу, которая выражает чувства относительно кончины нашей обожаемой государыни, доброго ангела России и моей Благодетельницы. Переведите и ее; этим Вы соедините колыбель внука с гробом его бабушки» [27. Л. 43]. Осенью 1839 г. говорит о собственной смертности и подобающих старости занятиях литературой, подчеркивая, что с нею «существование есть самое разумное для преклонных лет; с ним незаметно приближаешься к своему концу и покидаешь жизнь, как гостеприимное пристанище, благодаря Хозяина дома за прием и сердечно принимая его приглашение в иное жилище, в котором он будет еще более гостеприимен и любезен». 17/29 августа 1840 г. сообщает о кончине Иммермана следующим образом: «Начну с грустного: Иммермана больше нет. Он умер два дня назад после болезни, длившейся около 9 дней: пагубная нервная лихорадка. Я только что вернулся с его похорон; там я видел, как девяностолетний священник, трясущийся от старости, произносит над его гробом слова Священного Писания: Erde du bist! И я бросил две пригоршни земли в могилу Иммерманна: одну от своего имени, а другую от имени его друга Мюллера» [27. Л. 54].

На смерть Шорна Жуковский пишет утешительное послание его вдове и передает его через Мюллера: «я знаю лишь один способ перенести подобное несчастье – это религия, христианская религия. Насколько я знаю г-жу Шорн, я уверен, что ее душа способна доставить ей это высокое утешение. Религия не предлагает обычного утешения, которое отвлекает от боли и, наконец, заменяет потерянное богатство другим. Она из самой боли делает богатство и средство достичь через нее высокого предназначения: когда видишь Господа у могилы того, кого любишь, видишь его лицом к лицу, и он протягивает нам руку – это и есть благословление, связанное с болью, когда принимаешь его по-христиански. Мой дорогой, прошу

вас передать от меня г-же Шорн, как я сочувствую ее несчастью: теперь более чем когда-либо я могу его понять и оценить меру. Мои слова не смогут дать ей облегчения, но ей всегда будет приятно найти еще кого-нибудь, кто скорбит вместе с ней о том, кого она любила» [27. Л. 62].

Выражением романтической философии воспоминания становится и совместная работа Жуковского и Мюллера над некрологом А.И. Тургенева в 1846 г. В 1846 г. в «Москвитянине» Жуковский публикует свой вариант некролога и высылает его канцлеру вместе с французской статьей на его кончину, опубликованной в газете “Le Semeur” [29]. В соответствующем этому поводу французском письме Жуковского читаем: «Землю покинула незапятнанная душа. <…> воспоминания о нем, к которым присоединяются самые знаменательные события моей жизни, останется общим благом для всей моей семьи. Вы также будете его хранить. <…> Дорогой друг, ваше перо достойно посвятить несколько строк его памяти, чтобы Германия, где у него было столько уважаемых друзей, была достойным образом оповещена о его кончине» [27. Л. 73]. Впоследствии он правит и дополняет некролог Мюллера для «Algemeine Zeitung», авторство которого следует считать совместным. Письма Ал. Тургенева к канцлеру Мюллеру также хранятся в веймарском архиве, пять посланий от 1827–1836 гг. написаны по-французски и по-немецки, и в каждом из них Тургенев справляется или сообщает адресату новости о Жуковском. Последнее из сохранившихся в Веймаре писем Тургенева (от 29 июня 1836 г., из Дрездена) имеет постскриптум на русском языке в виде знаменитой строки Жуковского: «Для сердца прошедшее вечно!» [30]. Союз Мюллера, Жуковского и Тургенева представлял собой пример характерного духовного содружества, засвидетельствовавшего себя и в эпистолярной культуре отражающей основные символы романтической высокой и бытовой, словесной и поведенческой культуры.

Канцлер в непростые моменты своей жизни обращается к Жуковскому с просьбой написать некролог на собственный уход, а русский поэт посылает ему в ответ аналогичную просьбу в шутливом тоне, что является знаком самых доверительных отношений и символом дружеского послания. Мюллер – Жуковскому: «Я надеюсь найти лучшее подтверждение Вашего благополучия и уверенность в том,

что от меня не потребуется некролог для Вас. Более того, я хотел бы попросить Вас об этом» [16. Л. 51 об.]. Жуковский пишет в ответ: «Заканчивая, предупреждаю Вас, что когда Вы сочините мой некролог и захотите его переписать для аугсбургской газеты, возьмите перо, лучшее чем то, которым вы воспользовались с таким смирением при написании Вашего последнего письма. Возможно, Вы подумали про себя: он не сможет прочитать его, но он меня поймет. Вы угадали верно. Тем не менее, я прошу Господа отдалить момент, когда Вы будете вынуждены выполнить мою просьбу. Будьте здоровы и сохраните ко мне живому дружбу, которую вы сможете так хорошо выразить в моем некрологе» [27. Л. 43].

Речь в письмах Жуковского идет и о встрече с канцлером «за гробом». Отвечая на его просьбу рассказать о самых ярких впечатлениях от путешествия по Италии и Англии, в организации которого Мюллер принимал участие как вдохновитель и создатель его маршрута, Жуковский в один ряд ставит свои краткие афористичные характеристики Англии и Италии с развернутым описанием того места, где всем однажды и навсегда предстоит оказаться: «Прежде, чем умереть, подлинно нужно вновь увидеть Англию не считаясь со временем, чтобы иметь более полное представление о самом прекрасном, что есть на земле; и подольше побыть в Италии, чтобы приготовиться к Небесам, познав самое Божественное в этом мире. Тогда, естественно, я совершу паломничество в Веймар к моему милейшему Мюллеру, который вдали и вблизи будет дорог мне и будет оставаться таковым до тех пор, пока мы не встретимся там, где нет более ни времени, ни расстояния, там, где не прощаются и не пишут писем» [27. Л. 63]. Таким образом определяющая для всего романтизма тема путешествия также связывается в эпистолярном диалоге с религиозно-эстетическим контекстом.

Религиозно-философское осмысление смерти в духе немецкой духовно-назидательной словесности, импонировавшее Жуковскому, дополняется такого же рода осмыслением жизненного кредо, земного пути и его принципов: залогом верного жизнестроительства Жуковский и Мюллер считают смирение (Demut), и к этой мысли они неоднократно приходят в очном и заочном общении. Во время пребывания в Веймаре в 1838 г. Жуковский оставляет в альбоме невестки канцлера слова: «Demuth ist unser höchstes Ziel» [Смирение есть

наша наивысшая цель], что следует из письма Мюллера, где он просит пояснить «эту прекрасную и глубокую мысль» [16. Л. 11 об.]. В ответном послании из Венеции Жуковский после встречи с итальянским романтиком Манцони, для знакомства с которым он получил рекомендацию от канцлера, пишет: «И со своей стороны (говоря о религии), я имел случай повторить эту мысль, которая родилась в разговоре с Вами в Веймаре, и которая, кажется, распространяет столько ясности на наше предназначение в целом. Я обязан ею Вам; необходимо вернуть Вам ее; но я не знаю, возможно ли мне выразить ее на бумаге с той же ясностью, которая была у меня в момент ее рождения. Однако попробую: «Философы ищут истину позитивную, но никогда ее не найдут; человек не в состоянии ее найти, если бы ее нашли, мир бы закончился; истина есть Бог; для человека Бог непостижим; человеческий разум его никогда не поймет; рассудок не может обнять его безмерность, но вера может полностью принять Его. Какова же цель человека, если ему не дано найти истину, истину позитивную, которая все объясняет и делает его хозяином всего? – Цель человека есть истина прогрессивная, если можно так сказать. Он создан Богом для Бога. Он существует, чтобы непрерывно стремиться к этой высшей цели. Никогда, и в целую вечность он не сможет ее достичь, но с каждым шагом он может к ней приближаться. И каждый шаг, приближающий нас к Богу, вносит большую ясность в мысли о его природе. Чем яснее мы понимаем Бога, тем более наша душа наполняется счастием. Но что же это за счастие? – Это смирение, то есть забвение себя перед лицом Всевышнего. Смирение есть самое великое достижение человека, ибо все, что теряешь, с одной стороны от знания о самом себе, находишь, с другой, в знании, приобретенном от Бога; и это чувство собственной ничтожности перед лицом Бога есть не что иное, как блаженство души, которая верит, надеется и любит. Что же такое Смирение? Вера, любовь и упование, объединенные в одно чувство. Каково же предназначение человека? Вечно расти в этом Смирении, которое может возрастать, и его может хватить нам на целую вечность в этом мире и вином» [27. Л. 63 об.]. В сущности, это рассуждение по своему содержанию вторит посвящению Мюллера, представляющему выдержку из Якоби, разрешая его противоставление при рассуждении о первичности Бога и разума.

Наконец, одним из значимых для архитектоники жизнетекста переписки Жуковского и фон Мюллера является травелог как содержательная жизнестроительная составляющая, которая тематизируется и концептуализируется обоими. И если канцлер пишет исключительно из Веймара, то послания русского поэта имеют гораздо более разнообразную локализацию: Веймар и Царское Село, Петергоф и Дюссельдорф, Швальбах и Венеция соседствуют в составе писем от Жуковского. От Мюллера он получает инструкции относительно своего итальянского вояжа и поездок по Германии. В ответ канцлер рассчитывает на развернутые в словах пейзажи, самым красочным из которых выходит послание русского поэта, представляющее литературное путешествие, созданное в результате поездки по Европе летом 1839 г.: «Из Регенсбурга я отправился в Мюнхен, где провел две незабываемые недели, наслаждаясь искусством во всем его благородном величии. Овладевшее Мюнхеном развитие искусства напоминает времена Медичи. Если даже в нем нет ни той живости, ни итальянского блеска, то его немецкий характер, со своей способностью глубоко мыслить и простыми истинами, придает ему особую привлекательность. Я плохо выражаю свои мысли и не сумею сделать этого лучше, но в Мюнхене я почувствовал себя живым и счастливым под влиянием искусства, наслаждение коим является самой благородной привилегией благородной человеческой натуры. Перенесемся из Мюнхена через тирольские Альпы прямо в Милан. Однако я не в первый раз в Милане, но вновь был всем очарован, а картинами Брера – глубоко восхищен» [27. Л. 64]**.**

Спустя менее года после волнений, охвативших Германию в 1848 г., Жуковский прочел подписанное сыном и супругой канцлера официальное известие о кончине Фридриха фон Мюллера. На трагическое событие он отозвался посланием к их общему другу А. фон Мальтицу 13/25 октября 1849 г. Романтический элегизм, лейтмотивы переписки с Мюллером – душа и Бог, смерть и жизнь, земное томление – дополняются в нем темой свободы в духе шопенгауэровского пессимизма, что связано с тяжело переживавшимся обоими авторами событий конца 1840-х гг., недугов и трудностей семейной жизни: «Стоит ли сожалеть, что он ушел? Нет! ни нам, ни ему. Он страдал, и мы видели, как он страдает. Теперь все кончено; мы знаем, что смерть есть не что иное, как истинная свобода, та невыразимая сво-

бода, которой обладать в здешнем мире нельзя и не нужно и которая является истинным предназначением и высшим благом для человеческой души; свобода, которая дается только смертью, потому что смерть разрушает все преграды, существовавшие между душой и Богом – целью всего ее существования и всего ее томления. Если душа заслужила право обрести это новое общество, то в тот же миг, когда глаза закрываются для земных интересов, она обретает истинную свободу, каким бы противоречивым это ни казалось» [31. S. 150].

Финальный философско-религиозный пассаж, емкая метафора пути как соединения жизни и смерти, детальная картина перехода в иной мир открывает элегический ракурс Жуковского, в котором объект соединяется с субъектом в едином «мы»: «Мы хотим оставаться на этой земле как можно дольше (пусть не имея возможности достичь здесь высшего блага). Если рассматривать жизнь как дорогу, ведущую к храму божественной свободы, то это замечательно, что путь нельзя сократить от нетерпения. Однако нельзя также и бояться стража, который нам однажды отворит врата этого храма. Если только Бог будет так милостив к нам – когда мы приблизимся к этому последнему земному другу – то глаза наши еще будут отчетливо видеть, а уши наши хорошо его слышать; то мы еще будем обладать достаточной отвагой сердца, чтобы утешительным, нежным голосом сказать будьте здоровы – или скорее до свидания – тем, кого мы должны покинуть» [31. S. 151].

Этот особенный некролог на смерть канцлера Мюллера, отправленный в письме к Мальтицу, завершает почти двадцатилетнюю историю дружеской переписки, в которой как неразрывное целое представлены немецкая и русская литература и живопись, музыка и философия, история и религия, высокий французский и немецкий слог.

Взятые в совокупности более 60 посланий Мюллера и Жуковского представляют пример воплощения «прогрессивной универсальной поэзии» («progressive Universalpoesie»), их дружеская переписка засвидетельствовала неустанные поиски романтиков той идеальной синтетической формы, которая подошла бы для слияния искусства с естественной жизнью, поэзии с философией и риторикой. Романтическая поэзия эпистолярного общения В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера по праву «может быть зеркалом всего окружающего мира, отражением эпохи» (Ф. Шлегель).

Комментированное издание полного корпуса этих писем на французском и немецком языках с русским переводом станет новым словом в современном гуманитарном знании.

Литература

1. *Schorn A., von.* Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. H. 11. S. 277–287.

2. *Веселовский А.Н.* Из писем канцлера Фридриха фон Мюллера к В.А. Жуковскому // Известия ОРЯС. 1904. Т. IX, кн. 3. С. 339–342.

3. *Петухов Е.В.* Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Сборник статей по славяноведению за 1905 г. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1905. С. 336–343.

4. *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. 224 с.

5. *Данилевский Р.Ю.* Россика веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л.: Наука, 1985. С. 145–182.

6. *Müller F.* Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806–1813. Braunschweig: Verlag Friedrich Vieweg und Sohn, 1851. 310 s.

7. Immermann in Weimar. Weimar. ohne. D.

8. Grabrede des Kanzlers von Mueller auf Friedrich Justin Bertuch. Im Wortlaut des 1822 für Freunde gedruckten Manuscriptes neu herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Fritz Fink. Weimar: Fink, 1929. 14 s.

9. *Mueller F. von.* Dr. Johann Stephan Schuetze. Eine Vorlesung im literarischen Abendkreise Ihre Kaiserl. Hoheit der Frau Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Großfürstin von Russland // Weimar's Album zur vierten Säcularfeier der Buchdruckerkunst am 24. Juni 1840 Weimar, 1840. S. 233–255.

10. *Mueller F. von.* Zum Andenken Anton's Freiherrn von Ziegesar, gesprochen in der Loge am 6. Dezember 1844 in Weimar im literarischen Abend am 28. Januar 1845 // Bl. 436-447ThHSAW, Großherzögliches Hausarchiv, A XXV, № 461. Vortragsmanuskripte zu den wissenschaftlichen und literarischen Abenden (im Nachlass der Großherzogin Maria Pawlowna von Sachsen-Weimar-Eisenach).

11. *Mueller F. von.* Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Mueller. Stuttgart: J.G. Cotta, 1870. 170 s.

12. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij / Ковалев П.А., Дубовенко К.И., Вишнякова Е.А.; глав. ред.: Никонова Н.Е. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 252–256.

13. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.

14. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с.

15. *Янушкевич А.С.* Эпистолярий В.А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 106–119.

16. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 213.

17. GSA 13 / 170, 1. Bestand Egloffstein Karoline Grdfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816-1827. Bl. 18.

18. *Никонова Н.Е.* Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.

19. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг.: Жизнь и знание, 1918. 550 с.

20. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и его немецкие друзья. Томск: Издательство Томского госуниверситета, 2012. 336 с.

21. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 414 с.

22. ОР ИРЛИ. № 28167.

23. *F.H. Jacobis* Werke. Leipzig, G. Fleischer 1812. Bd. I. 404 s.

24. *Никонова Н.Е., Дубовенко К.И.* Немецкая духовно-назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» //Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 28–35.

25. *Айзикова И.А.* Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 406 с.

26. *Долгушин Д.В.* В.А Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дисс. … д-ра филол. наук. Томск, 2019. 508 с.

27. GSA 68 / 444.

28. ОР ИРЛИ. № 27750.

29. Necrologie: Alexandre de Tourgueneff // Le Semeur, Journal Philosophique et Litteraire. 14 Janvier 1846. Tome XV. 2. P. 43–45.

30. GSA 68/ 475a.

31. *Schorn A. von.* Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Pawlownas. Weimar: Gustav Kiepenheuer, 1911. 353 s.

CORRESPONDENCE BETWEEN V.A. ZHUKOVSKY AND F. VON MÜLLER AS A MONUMENT TO THE LITERATURE AND CULTURE OF ROMANTICISM

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 38–66. DOI: 10.17223/24099554/12/3

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: correspondence, V.A. Zhukovsky, F. von Müller, I.V. Goethe, Romanticism, Weimar classicism.

Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article dwells on the correspondence between the Russian poet and the Tsar's mentor and the Weimar Chancellor, poet and prominent cultural figure F. von Müller. Covering twenty years and including more than 60 letters, the correspondence has never been in the academic focus before. The author identifies the main plots in the life-creating epistolary dialogue of the two romanticists, which provide important facts of Zhukovsky's civilizing activity and his connections with the German world. The epistolary dialogue of the two poets and prominent political leaders of Russia and Germany of the first half of the 19th century has already been discussed by scholars, yet it has never been exposed to public as an integral whole. Meanwhile, the epistolary appears to be of paramount importance for understanding the literary and court life of Russia and Europe during the time of their thriving cultures, suffice it to recall the leading role of Chancellor von Müller in the institutional history of Weimar classicism as well as the preservation and enhancement of its heritage and the role of V.A. Zhukovsky as a poet, translator, thinker, patron of the arts and Alexander II's mentor. Among the main topics of the epistolary dialogue were the myth of Goethe, romantic travelogue, religious-romantic discourse about lowliness during life, and the philosophy of memory. The Goethe's figure has always been present in the friendship of the Chancellor and the Russian poet as a constant focus of attention in their letters and a companion of their personal meetings after Zhukovsky's move to Germany. That is why Goethe's name can hardly be found in the letters of the 1840s. For twenty years of their communication, Zhukovsky and Muller have bid farewell to more than a dozen common acquaintances, monarchs, relatives, writers, and friends. Most of the letters contained information about the decease of a dear person or a memorable response on a similar occasion. On the one hand, this constitutive plot cannot be considered only from an artistic and aesthetic perspective, since it is connected with actual extra-epistolary circumstances, yet, on the other hand, its deplorable position is in harmony with the correspondents' romanticism nature: Müller and Zhukovsky intentionally verbalize and recognize the importance of perpetuating the image of a person after his departure, understanding it as a guarantee of immortality in his life-affinity. First, this vector is realized in the corresponding poetic genre of dedication or the literary and journalistic obituary in prose. While Müller dubbed Zhukovsky as "a northern singer", Zhukovsky considers the Chancellor a master of the memorial genre. Their joint work on the obituary of A.I. Turgenev reflects their philosophy of romantic memory. The correspondence between Müller and Zhukovsky epitomizes "progressive universal poetry" ("progressive Universalpoesie") and tireless romantic search for the ideal synthetic form suitable for art to merge with natural life, poetry with philosophy and rhetoric. The Romantic poetry of the epistolary communication between V.A. Zhukovsky and F. von Müller "can be viewed as a mirror of the whole world, a reflection of the era" (F. Schlegel). The commented edition of the correspondence corpus in French and German with a Russian translation will become a new word in modern humanitarian knowledge.

References

1. Schorn, A. (1904) Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky. *Deutsche Rundschau*. 11. pp. 277–287.

2. Veselovsky, A.N. (1904) Iz pisem kantslera Fridrikha fon Myullera k V.A. Zhukovskomu [From letters of Chancellor Friedrich von Müller to V.A. Zhukovsky]. *Izvestiya ORYaS*. 9(3). pp. 339–342.

3. Petukhov, E.V. (1905) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k kantsleru Fridrikhu fon Myulleru [Letters from V.A. Zhukovsky to Chancellor Friedrich von Müller]. In: Lamansky, V. (ed.) *Sbornik statey po slavyanovedeniyu za 1905 g*. [Collection of articles on Slavic studies, 1905] St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya.

4. Gillelson, M.I. (1974) *Molodoy Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad: Nauka.

5. Danilevsky, R.Yu. (1985) Rossika veymarskogo arkhiva [Rossica of the Weimar Archive]. *Vzaimosvyazi russkoy i zarubezhnoy literatur* [The relationship of Russian and foreign literature]. Leningrad: Nauka. pp. 145–182.

6. Müller, F. von. (1851) *Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806-1813*. Braunschweig: Verlag Friedrich Vieweg und Sohn.

7. Müller, F. von. (n.d.) *Immermann in Weimar*. Weimar: [s.n.].

8. Müller, F. von. (1929) *Grabrede des Kanzlers von Mueller auf Friedrich Justin Bertuch. Im Wortlaut des 1822 für Freunde gedruckten Manuscriptes neu herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Fritz Fink*. Weimar: Fink.

9. Müller, F. von. (1840) Dr. Johann Stephan Schuetze. Eine Vorlesung im literarischen Abendkreise Ihre Kaiserl. Hoheit der Frau Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Großfürstin von Russland. In: *Weimar's Album zur vierten Säcularfeier der Buchdruckerkunst am 24. Juni 1840*. Weimar: [s.n.]. pp. 233–255.

10. Müller, F. von. (n.d.) *Zum Andenken Anton's Freiherrn von Ziegesar, gesprochen in der Loge am 6. Dezember 1844 in Weimar im literarischen Abend am 28. Januar 1845*. Bl. 436-447ThHSAW, Großherzögliches Hausarchiv, A XXV, № 461. Vortragsmanu-skripte zu den wissenschaftlichen und literarischen Abenden (im Nachlass der Großher-zogin Maria Pawlowna von Sachsen-Weimar-Eisenach).

11. Müller, F. von. (1870) *Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Mueller*. Stuttgart: J.G. Cotta.

12. Zhukovsky, V.A. (2018) Sobranie nemetskikh sochineniy i avtoperevodov [Collection of German Works and Auto-Translations]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 252–256.

13. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

14. Ginzburg, L.Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [About a literary hero]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

15. Yanushkevich, A.S. (2012) V.A. Zhukovsky's epistolary as reflection and expression of contemporaryliterary life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universi-*

teta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 18. pp. 106–119. (In Russian).

16. Department of Manuscripts, Russian National Library. Fund 286. List 2. File 213.

17. GSA 13 / 170.1. *Bestand Egloffstein Karoline Grdfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816–1827*. Bl. 18.

18. Nikonova, N.E. (2019) Letters from the sisters Egloffstein to V.A. Zhukovsky: From the history of European literature and painting. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 11. pp. 53–96. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/11/3

19. Veselovsky, A.N. (1918) *V.A. Zhukovskiy: Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and "heart imagination"]. Petrograd: Zhizn' i znanie.

20. Nikonova, N.E. (2012) *V.A. Zhukovskiy i ego nemetskie druz'ya* [V.A. Zhukovsky and his German friends]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [V.A. Zhukovsky's Library: Description] Tomsk: Tomsk State University.

22. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. File 28167.

23. Jacobis, F.H. (1812) *Werke*. Vol. 1. Leipzig: G. Fleischer.

24. Nikonova, N.E. & Dubovenko, K.I. (2014) German ecclesiastical-protreptic literature as the coordinate of late V.A. Zhukovsky: the unknown poet's signatures in the book The Biblical Christmas Gift for Adults and Children. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 379. pp. 28–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/379/5

25. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [Genre-style system of V.A. Zhukovsky's prose]. Tomsk: Tomsk State University.

26. Dolgushin, D.V. (2019) *V.A Zhukovskiy i religiozno-filosofskaya kul'tura ego vremeni* [V.A. Zhukovsky and the religious-philosophical culture of his time]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

27. GSA 68 / 444.

28. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. File 27750.

29. Anon. (1846) Necrologie: Alexandre de Tourgueneff. *Le Semeur, Journal Philosophique et Litteraire*. 15(2). pp. 43–45.

30. GSA 68/ 475a.

31. Schorn, A. von. (1911) *Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Pawlownas*. Weimar: Gustav Kiepenheuer.

УДК 82.091 + 821.161.1-32
DOI: 10.17223/24099554/12/4

Памяти Карена Ашотовича Степаняна

Э.М. Жилякова

ОБРАЗ «ПОЛЕВОГО ЦВЕТКА» В ЭСТЕТИКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ РАННЕГО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (К ПРОБЛЕМЕ: Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК)

В статье рассматривается вопрос о психологическом и символическом содержании образа «полевого цветка» в творчестве раннего Достоевского («Маленький герой», 1849) и указывается на один из его источников – роман Оноре де Бальзака «Лилия в долине» (1835). Обосновывается ориентация Достоевского на художественные традиции Бальзака, связанные с восприятием утопических идей 1830-х гг.
Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, О. де Бальзак, образ «полевого цветка», мотив милосердной любви*.

Вопрос об отношении Ф.М. Достоевского к Бальзаку получил освещение в целом ряде работ [1–9]. Исследователи отметили глубокий интерес Достоевского к личности французского писателя и необычайно высокую оценку его творческого наследия.

Родство художников проявилось в близости философско-эстетической концепции жизни, в сходстве сюжетных мотивов и структуре произведений. В этом плане особый интерес приобретает не отмеченный факт обращения Достоевского к роману Бальзака «Лилия в долине» в рассказе «Маленький герой» (1849).

«Маленький герой» создавался в исключительных обстоятельствах. Заключенный в Петропавловскую крепость, находясь под следствием в ожидании жестокого приговора, Достоевский создает произведение, в котором обращается к теме, необычайно волнующей его, – о милосердной любви как силе, преобразующей душу человека. Для петрашевца проблема истоков нравственной стойкости име-

ла актуальный смысл, связанный с решением общественных задач. В статье «Неохристианизм» (из второго выпуска «Словаря иностранных слов») М.В. Петрашевский писал: «Основная идея христианства – *любовь* (здесь и далее курсив автора. – *Э.Ж.*), выразившаяся в этих многознаменательных словах Христа: *возлюби ближнего, как самого себя*…» [10. С. 27]. При этом Петрашевский утверждал, что «религия и религиозные убеждения отнюдь не должно рассматривать отдельно от жизни человека и человечества» [10. С. 27]. Принципиально важным было положение о «натуре», естественности развития положительных качеств человека: «Чем полнее и многостороннее будет умственное развитие какого-либо человека, тем более точек соприкосновения с природою должна представлять жизнь его, тем больших и разнообразнейших наслаждений будет для него она источником» [10. С. 12].

На этом фоне морально-эстетическая постановка проблемы милосердия в творчестве Достоевского обретает оригинальность и значительность. Не соглашаясь с утопическими идеями петрашевцев относительно их идеализации современного общества, вскрывая безнравственность семейства, права собственности, изображая власть антигуманного современного общества (уже в «Бедных людях» [11]), Достоевский страстно веровал в христианскую идею добра, заложенную в каждом человеке. Позже, в «Дневнике писателя» за 1873 г. он писал: «Все эти тогдашние идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей» [12. Т. 21. С. 130–131].

Здесь необходимо подчеркнуть особую позицию Достоевского, о которой писал А.П. Милюков: «Все, что являлось нового по этому предмету [«гуманные утопии европейских реформаторов»] во французской литературе, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на наших сходках. Толки о Нью-Ланарке Роберта Оуэна и об Икарии Кабэ, а в особенности о фаланстере Фурье и теории прогрессивного налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Все мы изучали этих социалистов, но далеко не все верили в возможность практического осуществления их планов. В числе по-

следних был Ф.М. Достоевский. Он читал социальных писателей, но относился к ним критически. Соглашаясь, что в основе их учений была цель благородная, он, однако ж, считал их только честными фантазерами. В особенности настаивал он на том, что все эти теории для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социалистов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа<…>» [13. С. 263].

Естественно, что в творчестве Жорж Санд, Виктора Гюго и в особенности Бальзака его волновала поэтическая, художественная сторона выражения гуманистических идей. Проблема христианского чувства, поставленная в «Маленьком герое», имела предысторию, связанную с осмыслением Достоевским бальзаковской концепции милосердной любви. Причиной огромного влечения Достоевского к «родственному гению» [1. С. 77] явилась не только сила обличительного анализа Бальзака, но и поэтизация естественного, милосердного начала в природе человека, которое французский писатель постулировал в качестве противодействия власти хищнического бездуховного мира. Как писал В.Л. Комарович, «французская литература 30-х и 40-х годов пропагандировала эти идеи [утопистов] с большим даже успехом, чем собственные сочинения утопистов. В. Гюго, Бальзак, Жорж Санд и второстепенные писатели – Эжен Сю, например, <…> все отдали дань увлечения социальному утопизму. Одни (как Жорж Санд) прямо переносили в свои романы ту или иную социальную теорию, влагали в уста своих героев и героинь страстную декламацию за Христа <…>, другие в своих изображениях быта, в выборе мотивов лирики руководствовались лишь общим гуманистическим настроением, жалостью к «страдающему человеку»; этим «духом времени» одинаково веет от лирических пьес Гюго и от отдельных сцен «Человеческой комедии» Бальзака» [14. С. 198].

Роман «Евгения Гранде» (1834), как и «Лилия в долине» (1835), был написан Бальзаком в период «отыскания метафорической подосновы совершающегося в этом мире» [9. С. 322]. Милосердное воспринималось как «метафорическая сфера», как «нечто абсолютно инородное земному бытию». Однако в «Евгении Гранде», обращаясь к изображению насущной действительности, Бальзак сделал шаг, приковавший к нему внимание Достоевского: он показал «совмещение земного и небесного, обнаружение небесного в земном,

пусть в редчайших воплощениях и в резком контрасте с окружающей средой» [9. С. 323].

Восхождение Достоевского к «реализму в высшем смысле» [12. Т. 27. С. 69] начинается с перевода «Евгении Гранде» (1843–1844), представляющего собой близкое к тексту, но тем не менее свободное изложение романа: «Почти каждую фразу Достоевский начинает по Бальзаку, но в его переложении она усложняется, обрастает новыми образами, новыми признаками образов, и бальзаковский текст тонет в плоти, которою одевает его Достоевский» [4. С. 115].

Милосердная женская любовь в романе Бальзака носит возвышенно-жертвенный характер: «Страдальческая участь женщины – вот основная тема бальзаковской повести. В образе молчаливой и кроткой Евгении, в ее безмолвном ожидании непришедшего счастия и покорном приятии бесчисленных разочарований – главное значение бальзаковского шедевра» [1. С. 82]. Однако речь идет о жертвенности, которая не умаляет силы вдохновения и аромата чувства. На это указывает повествователь в романе «Евгения Гранде»:

> В нравственной жизни, так же как и физической, существует тот же процесс вдыхания и выдыхания; душа требует сочувствия другой души, этой пищи, этого воздуха, необходимого в нравственной жизни; она вдыхает в себя, как аромат, любовь подруги своей, и возвращает эту любовь в прогрессии страсти. Сердце не могло бы жить без этого прекрасного нравственного феномена; оно бы завяло и иссохло в страдании и одиночестве [15. С. 349–350].

Философская основа концепции милосердия как высокой духовной ценности определялась у Бальзака христианским учением о божественном происхождении этого чувства и просветительской верой в неиспорченность нравственных основ человеческой природы, в способность человека к любви и самопожертвованию.

В переведенном романе милосердие дается в двойной тональности, позволяющей говорить об усвоении Достоевским-переводчиком опыта сентиментализма. Чувство, которому нет места в буржуазном обществе, рисуется в элегической тональности. Так, о смерти матери Евгении сказано:

> Она гасла, слабела каждый день. Ее существование походило на трепетание осеннего, желтого листка, хрупкого, иссохшего, едва держащегося на дереве. И как солнце, пробиваясь лучами сквозь редкие осенние листья,

осыпает их златом и пурпуром, так и лучи небесного блаженства и духовного спокойствия озаряли лицо умирающей страдалицы [15. С. 345].

Элегический, смешанный тон создается включением в размышления о погибшей красоте светлой, мажорной интонации, связанной с воссозданием картины солнца, которое «пробиваясь лучами сквозь редкие осенние листья, осыпает их златом и пурпуром» [15. С. 345]. Милосердие рисуется как естественное, но одухотворенное чувство. Для этого вводятся мотивы детства, чистоты, целомудренности, природы и присутствия Бога:

Как ранняя птичка, она проснулась с зарею и помолилась»; «когда сердце, как птичка, трепещет в волнующейся груди ее» [15. С. 286]; «этот час есть час неопределенной грусти любви, неопределенных, но сладостных мечтаний любви. Как дитя, впервые проглянет на свет божий, оно улыбается, когда девушка услышит первый удар своего влюбленного сердца, она улыбается, как дитя» [15. С. 386][1].

Для Достоевского-переводчика бальзаковского романа характерно было то, что с мотивом детства непосредственно связано такое качество как наивность, определение которого состоит, по мнению Петрашевского, в «противоречии с общепринятыми обычаями и приличиями»: «всякую простодушность или наивность в жизни практической <…> можно назвать безмолвным протестом противу внешних форм быта общественного, невольной, бессознательной попыткой природы приобресть давно утраченную человеком его естественность» (подчеркивание автора. – *Э.М.*) [10. С.12].

Картины природы, включенные в описание чувств, обладают у Бальзака в переводе Достоевского, с одной стороны, свойством точной зарисовки психологического портрета. А с другой – они полны условности, являясь метафорами, проливающими свет на содержание авторской концепции. По внутренней структуре построения природные картины, тесно спаянные с описанием чувства, отражают тип христианского сознания, проявляющегося сочетанием космического образа с малой формой земного, простого явления:

[1] Все подчеркивания в тексте, кроме специально оговоренных, принадлежат автору статьи.

> И во всей природе, во всем, что окружало Евгению и что казалось ей так необыкновенным, находила она теперь какую-то необъяснимую, новую прелесть, новое наслаждение. Тысячи новых ощущений пробудились в душе ее, росли в ней, наполняли ее, по мере того, как лучи солнца наполняли вселенную. … Когда солнце дошло до стены, увенчанной дикими цветами, и облило ее морем яркого света, тогда небесный луч надежды проник в душу Евгении [15. С. 287].

Смысл сочетания великого с малым заключается в утверждении единства общего (божественного) и частного (земного). Следует отметить серьезный интерес Достоевского к церковно-славянскому языку как способу выявить религиозный поэтический смысл современного произведения. Об этом вспоминал А.П. Милюков: «Я <…> прочел на одном из наших вечеров переведенную мною на церковно-славянский язык главу из «Paroles d'un croyant» [«Слова верующего»] Ламеннэ, и Ф.М. Достоевский сказал мне, что суровая библейская речь этого сочинения в моем переводе выразительнее, чем в оригинале» [13. С. 264].

В выборе символа духовного пробуждения женщины Достоевский, вслед за Бальзаком, отдает предпочтение полевому цветку: «Есть прекрасный час в тихой, безмятежной жизни девушки, час тайных несказанных наслаждений, час, в который солнце светит для нее ярче на свете, когда полевой цветок краше и благоуханнее …» [15. С. 286]. «Невинная девушка еще с детской радостию срывала полевую маргаритку, с радостию, незнакомою людям, среди бурей жизненных» [15. С. 288].

Эстетика «полевого цветка», связанного с христианским и демократическим пафосом, получила воплощение, в частности, в том, что Бальзак (и Достоевский-переводчик) окружают Евгению «дикими» цветами, неяркой зеленью: «и она полюбила с тех пор эти поблекшие цветы, эти синие колокольчики и увядшую зелень»; «шум листьев, тихий, неясный шелест их падения, все отвечало на вопросы Евгении» [15. С. 287].

Образ «полевого цветка» – это целый пласт в эстетике и творчестве раннего Достоевского. Обращение к нему связано с проблемой выражения концепции идеала, «полевые цветы» обретают символический смысл, становятся «художественным «эквивалентом идеи» [16. С. 165].

Традиция образа цветка в мировой литературе связана с философскими «Диалогами» Платона, который посвятил теме Эрота раздел «Пиры». В частности, в «Речи Агафона: совершенства Эрота» Платон говорит: «Он самый красивый и самый совершенный <…>. А о красоте кожи этого Бога можно судить по тому, что он живет среди цветов. Ведь на отцветшее и побледневшее – будь то душа, тело или что другое – Эрот не слетит, он останавливается и остается только в местах, где всё цветет и благоухает» [17. С. 457].

Искания Достоевского находятся в русле открытий русской литературы 1840-х годов. Образ «полевого цветка» получает художественное осмысление в процессе освоения традиций русской литературы, прежде всего пушкинской, и опыта французской поэзии и прозы. Так, в элегическом по содержанию стихотворении «Цветок» (1844) С.Ф. Дурова, петрашевца, близкого по кружку Ф.М. Достоевскому, развивается философская идея о ценности преходящей жизни обыкновенного человека, запечатленная в «Цветке» («Цветок засохший, безуханный...») А.С. Пушкина. Дуров с глубокой грустью пишет о несостоявшейся судьбе цветка:

И жил он, и цвел он, и умер украдкой,
Никто на него не взглянул, –
Скажите, зачем же дышал он так сладко,
Зачем он в глуши промелькнул [18. С. 162].

В целом ряде других стихотворений и переводов – «Из Гюго» (1843), «Атлас» («Из Виктора Гюго», 1845), «Листок» (1846) – Дуров придает этой идее современное звучание, создавая образ сокровенной, но хрупкой и недолговечной красоты. Достоевскому близка элегическая тональность лирики Дурова, но при этом он делает несколько иной акцент. В «Белых ночах. Сентиментальном романе» (1848) Достоевский в качестве эпиграфа вводит три последние строки из стихотворения И.С. Тургенева «Цветок» (1843). В тексте произведения он сделал ряд существенных изменений:

Тургенев	Достоевский
Знать, он был создан для того,	…Иль был он создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье	Чтобы побыть хотя мгновенье
В соседстве сердца твоего	В соседстве сердца твоего?..
[19. С. 24]	[12. Т. 2. С. 102]

Определение «одно» Достоевский заменил наречием «хотя», а в конце вместо тургеневской точки поставил вопрос и многоточие. Последний знак, введенный также уже в начале строфы, заключил таким образом весь текст кольцом одной зыбкой, не лишенной надежды вопросительной интонации, ответом на которую должна быть рассказанная история петербургского мечтателя. Образ тургеневского цветка – «простого и скромного», выросшего в «роще темной, в траве весенней, молодой», «в траве росистой», «в тени спокойной», с «запахом чистым» («Свой первый запах сберегал») [20. С. 21] – стал символом милосердной любви героя к Настеньке. Развиваемая Тургеневым мысль о «цветке, погубленном тобой», о «дороге пыльной», о «жаре обильном», исключается Достоевским из «Белых ночей».

В последнем своем слове к Настеньке герой обращается в форме благословения. Как справедливо писал С.Н. Дурылин, «одною из наиболее ярких областей применения Достоевским методов символизма является пейзаж и interiuer в романах» [16. С. 164]. Пейзаж становится формой проникновения в мир героини и героя – ее портретом и его символом – заклинанием. Этот эффект достигается многократными повторами («да будет ясно твое небо», «чтоб я нагнал темное облако») и самой структурой повествования, построенной на сочетании и взаимопроникновении «земного» «небесного»:

> Но чтоб я помнил обиду мою, Настенька! Чтоб я нагнал темное облако на твое ясное, безмятежное счастие, нагнал тоску на твое сердце, уязвил его тайным угрызением и заставил его тоскливо биться в минуту блаженства, чтоб я измял хоть один из этих нежных цветков, которые ты вплела в свои черные кудри, когда пощла вместе с ним к алтарю… О, никогда, никогда! Да будет ясно твое небо, да будет светла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастия, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу! [12. Т. 2. С. 141].

Две эмоционально-психологические стихии – счастья («безмятежное счастие», «минута блаженства», «нежные цветки», «ясное небо», «алтарь», «благодарное сердце») и тоски («темное облако», «горько упрекнув», «измял», «одинокое сердце») – противопоставлены по смыслу, но одновременно они пронизывают друг друга благодаря реальному и метафорическому наполнению природных образов. «Темное облако» и «ясное небо», попадая в сферу описания че-

ловеческих отношений, обретают смысл контрастных стихий, эмоциональное поле которых распространяется на весь текст. «Темное облако» окрашивает и вводит образы, знаменующие собой печаль и утрату, тогда как «ясное безмятежное счастие» (заметим, что в первом предложении Достоевский не пишет так напрашивающегося слова «небо») к концу первого предложения связано с образом «нежных цветов».

То есть к концу первой фразы намечается движение от печали («темное облако») к «нежным цветкам». После демаркации («О, никогда, никогда!») разворачивается второе предложение абзаца, начинающееся с ударного образа: «Да будет ясно небо твое». За ним следуют «светлая и безмятежная милая улыбка твоя», «минута блаженства и счастия», которые перекликаются с начальной фразой о «ясном безмятежном счастии». Однако закон контраста «земного» и «небесного» проявится и здесь: в конце абзаца идиллия счастья нарушается робким, но настойчивым упоминанием об «одиноком» оставленном сердце.

Таким образом, в «Белых ночах» образ «нежных цветков» связан с христианской идеей торжества милосердной любви мечтателя, принесенной великодушно в жертву и одновременно в подарок Настеньке.

В «Неточке Незвановой» (1849), написанной вслед за «Белыми ночами», «нежный цветок» преобразуется в образ «последней былинки», напрямую связанный с христианской идеей равенства каждого человека, в том числе и самого пропащего, перед Богом. В своем письме к Александре Михайловне, одарившей вниманием бедного маленького чиновника, он пишет:

> Моя душа не узнавала твоей, хотя и светло ей было возле своей прекрасной сестры. Я это знаю, я глухо чувствовал это. Это я мог чувствовать, затем что и на последнюю былинку проливается свет божией денницы и пригревает и нежит ее так же, как и роскошный цветок, возле которого смиренно прозябает она [12. Т. 2. С. 241].

Знаменательно противопоставление: «последняя былинка» и «роскошный цветок». Слова о «последней былинке», взятые из любовного письма, исполненного благодарностью женщине за ее милосердную, восстанавливающую человека любовь, приводит автора к

размышлениям о типах любовного чувства. Здесь Достоевский обращается к теме, получившей разноплановую и богатую разработку, например, во французской литературе в связи с изображением героя времени, наделенного сильными и одновременно противоречивыми страстями. Но, как точно отметил В.Л. Комарович, Достоевского чрезвычайно волнует природа любовного чувства: «Он знал тайну двойной Афродиты Платона, она – двулика. Афродита – народная, вульгарная и Афродита Урания. Сущность первой – любовь особи к особи, любовь эгоистическая. Лик второй направлен к сверхличному бытию, это стремление к небесному, любовь вселенская. В целом же это – стремление к свободному чистому волнению. Это знал Достоевский» [14. С. 755].

С поэтикой воссоздания небесной, милосердной любви он был знаком с перевода «Евгении Гранде». Роман Бальзака «как бы усилил <…> евангельскую струю» [1. С. 81] в творчестве Достоевского. Следуя за Бальзаком, Достоевский развертывает природную тему, куда входит и мотив «полевого цветка», придавая исключительное значение метафорическому аспекту повествования. Он выводит два типа любви: «эстетическое чувство» и милосердие.

Любовь как «эстетическое чувство» родилась в душе Неточки на волне возвращения ее к жизни после пережитой семейной трагедии:

> Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня к ней? отчего родилась такая любовь? Она началась с первого взгляда на нее, когда все чувства мои были сладко поражены видом прелестного как ангел ребенка. Все в ней было прекрасно; ни один из пороков ее не родился вместе с нею <…> Она родилась на счастие, она должна была родиться для счастия <…> Может быть, во мне первый раз поражено было эстетическое чувство, чувство изящного, первый раз сказалось оно, пробужденное красотой <…>. [12. Т. 2. С. 207].

Восторженное чувство Неточки к Кате («Представьте себе идеальное прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну из таких, перед которыми вдруг останавливаешься как пронзенный, в сладостном смущении, вздрогнув от восторга, и которой благодарен за то, что она есть, за то, что на нее упал ваш взгляд, за то, что она прошла возле вас») [12. Т. 2. С. 197] не мешает увидеть, что «бедняжка была горда и самолюбива до крайности» [12. Т. 2. С. 202], что любовь ее была эгоистична и капризна.

Другой тип любви – милосердной – связан с образом старшей дочери князя, Александрой Михайловной, к которой было адресовано письмо Оварова и на защиту которой устремилась Неточка. В описание «строгой прелести ее красоты» [12. Т. 2. С. 229] Достоевский вводит пейзаж с «величавым куполом небесным», использует лексику церковного канона («проницавшее в сердце», «молило о сострадании», «душа покорялась») и синтаксис повторов:

> Но в иную счастливую, нетревожную минуту в этом взгляде, проницавшем в сердце, было столько ясного, светлого, как день, столько праведно-спокойного; эти глаза, голубые, как небо, сияли такою любовью, смотрели так сладко, в них отражалось всегда такое глубокое чувство симпатии ко всему, что было благородно, ко всему, что просило любви, молило о сострадании, – что вся душа покорялась ей, и это спокойствие духа, и примирение, и любовь. Так в иной раз засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готов пробыть целые часы в сладостном созерцании и что свободнее, спокойнее становится в эти минуты душа, точно в ней, как будто в тихой пелене вод отразился величавый купол небесный [12. Т. 2. С. 229].

Таким образом, следуя за Бальзаком, Достоевский художественно воплощает идею милосердной любви, акцентируя в ней христианское содержание.

В «Маленьком герое» была продолжена работа, начатая в прерванном арестом романе. Центральная проблема рассказа – пробуждение духовного начала в подростке, история взросления его души как рождение милосердного чувства к женщине. И здесь Достоевский рассматривает два типа переживаемого подростком любовного чувства.

Герой испытывает воздействие любви-красоты и называет ее «эстетическим впечатлением» [12. Т. 2. С. 282]. Его влюбленность в героиню, вариант Кати из «Неточки Незвановой», проявляется в многообразии ее определений: «самая весёлая из всех красавиц в мире»; «взбалмошная хохотушка»; «резвая, как ребенок»; «баловница»; «ветреница»; «школьница»; «гонительница»; «тиранка»; «голубоглазая плутовка»; «огонь, живая, быстрая, легкая»; «из ее больших открытых глаз будто искры сыпались, они сверкали, как алмазы» [12. Т. 2. С. 269-272]. Герой сравнивает ее со «свежей утренней розой», «только что успевшей раскрыть, с первым лучом солнца, свою алую,

ароматную почку, на которой еще не обсохли холодные крупные капли росы» [12. Т. 2. С. 270].

В связи с описанием противоречивых чувств к этой героине в рассказе возникает мотив рыцарства в героическом и одновременно ироническом вариантах. Для воссоздания этого мотива, берущего начало в средневековой литературе, Достоевский обращается к традиции западноевропейского искусства. Острые переживания подростка во время рискованной затеи со скачками на Танкреде (имя взято из одноименной оперы Джоакомо Россини 1813 г., в которой рыцарь вступает за честь возлюбленной дамы и побеждает на турнире) вызывают в его воображении эпоху рыцарства:

> …мне вдруг захотелось срезать наповал всех врагов моих <…> показав теперь, каков я человек; или, наконец, каким-нибудь дивом научил меня кто-нибудь в это мгновение средней истории, в которой я до сих пор не знал ни аза, и в закружившейся голове моей замелькали турниры, паладины, герои, прекрасные дамы, слава и победители, послышались трубы герольдов, звуки шпаг, крики и плески толпы <…> [12. Т. 2. С. 285].

Мотив рыцарства закрепляется введением в текст имен Бенедикта и Беатриче из шекспировской комедии «Много шума из ничего», а также имен героев из баллад Шиллера «Перчатка» (1831) и «Рыцарь Тогенбург» (1818). Словом, в описании этого «очень серьезного эстетического впечатления» [12. Т. 2. С. 282] отразилось пробуждение самосознания, сосредоточенного на собственных волнениях, на переживаниях своего «я»,

Одновременно герой испытывает чувство обожания к m-me M*, в красоте которой «было что-то особенное, резко отделявшее ее от толпы хорошеньких женщин» [12. Т. 2. С. 273]. Герой Достоевского отмечает черты ее – кротость, робость и беспокойство, «безукоризненную красоту чистых, правильных линий и унылую суровость глухой, затаенной тоски», «тихую, но несмелую, колебавшуюся улыбку» [12. Т. 2. С. 273], – роднившие героиню с Евгенией Гранде Бальзака и Александрой Михайловной. Главный вывод заключался в указании на ее назначение в жизни: «Есть женщины, которые точно сестры милосердия в жизни. Перед ни-

ми можно ничего не скрывать, по крайней мере ничего, что есть больного и уязвленного в душе» [12. Т. 2. С. 273].

Для Достоевского оказалось необходимым выявить общественный статус героини. На двух страницах маленький герой рисует непривлекательное лицо ее мужа, придавая ему смысл портрета целого поколения, «растолстевшего на чужой счет человечества» [12. Т. 2. С. 275]: «На первом плане у них всегда и во всем их собственная золотая особа, их Молох и Ваал, их великолепное Я» [12. Т. 2. С. 276]. Изображение героини на этом фоне обнаруживает демократические симпатии героя.

Решающим событием в судьбе героя стала потеря m-me M* пакета – тайного, связанного с незаконной любовью, ее отчаяние и попытка героя незаметно возвратить ей пакет. Этот поступок потребовал от подростка отказа от личных амбиций во имя покоя и счастья женщины.

В поисках художественной формы для изображения нравственного подвига маленького героя Достоевский обратился к Бальзаку, к его поэтизации женского кроткого типа, на этот раз, по всей вероятности, к роману «Лилия в долине».

Роман Бальзака «Лилия в долине» написан в форме исповеди юного главного героя – Феликса де Ванденеса, платонически влюбленного, как и герой Достоевского, в замужнюю женщину, графиню Анриетту де Морсоф. Добродетельная, религиозная графиня, испытывая ответное чувство к Феликсу, старается погасить эту любовь в соответствии с верой, желая спасти спокойствие больного мужа и детей. Она требовала такого же отношения от Феликса.

Бальзак ставил задачу раскрыть «величие души, победившей свои страсти ради высоких нравственных идеалов» [20. С. 258]. Феликс милосердно служит своей возлюбленной, претерпевая в этой борьбе смертельные муки. Проявлением высоких чувств любви и почтения становится сбор и поднесение возлюбленной букета из цветов, выросших в живописной долине Луары.

Бальзак предпосылает рассказу о букете, подаренном графине, развернутый трактат о цветах. Так, Феликс обнаруживает, что «в

оттенках лепестков и листьев заключена истинная гармония, дивная поэзия, которая чарует взгляд и, волнуя нас, словно музыка, пробуждает множество воспоминаний в сердцах тех, кто любит и любим» [21. С. 97]. Герой дает описание «полевой флоры» «не как ботаник, а скорее как поэт, которому ценнее символический смысл цветка, нежели его форма» [21. С. 98]. Он открывает в ней «мимолетные аллегории, воплощавшие противоречивые человеческие судьбы» [21. С. 100]. «Восхитительный язык цветов», «симфония цветов», подобно музыке Бетховена, повествует о глубинах человеческого сердца. После вдохновенного и развернутого трактата о цветах герой переходит к описанию букета, собранного им для Анриетты. В описании есть беглое упоминание о «белых розах и лилиях с серебряными венчиками, говорящими о чистоте желаний» [21. С. 98], но основу его составляют полевые цветы:

> Маленькая травка под названием пахучий колосок служит одним из начал этой скрытой гармонии. <…> Над этим бордюром возникают ползучие стебли вьюнка, усыпанные белыми колокольчиками, тоненькие веточки розового стальника, узорчатые папоротники и молодые побеги дуба с сочными, ярко-зелеными листьями; они смиренно никнут, как плакучие ивы, и робко молят о чем-то, как верующие в храме. Затем устремляются ввысь, словно несмелые надежды и первые мечтания юности, дрожащие стебельки пурпурного горицвета, щедро расточающего желтую пыльцу, снеговые пирамиды медуниц, зеленые волосы хмеля и острые стрелы осоки, выделяясь на сером фоне льна, голубоватые цветы которого как бы мерцают при дневном свете. Еще выше стоят, подняв головки, бенгальские розы; их окружают, теснят, опутывают со всех сторон рваные кружева луговых трав, султаны хвощей, метелки ковыля, зонтики дикого кервеля, щитки тысячелистника, трезубцы дым-травы с ее черно-розовыми цветами, штопоры виноградных роз, искривленные побеги жимолости и седые «дедушкины слезы. Из глубины этого многоводного потока чувств вырывается махровый ярко-красный цветок мака со своими раскрывшимися бутонами, полыхая пожаром над белыми звездами жасмина и неистощи-

мым дождем цветочной пыльцы, крошечные блестки которой порхают в воздухе и вспыхивают золотом на солнце![1] [21. С. 101].

«Пахучий колосок» становится доминантой в описании букета любви: «Какая женщина, опьяненная сладостным ароматом, которым веет от пахучего колоска, не поймет этой бури усмиренных чувств, этой целомудренной нежности, возмущаемой порывами страсти, этой пламенной любви, которая молит о взаимности, ежедневно возобновляя борьбу, все такая же затаенная, неугасимая, вечная?» [21. С. 101].

Выводом Бальзак делает рассуждение о том, что цветы – это проявление чувства, освященного любовью к Богу:

Что приносим мы в дар Богу? Запах ладана, пламя свечей и молитвы – самое чистое выражение нашей благоговейной любви. Но разве все то, что мы предлагаем Богу, не было заключено в этой лучезарной поэме цветов, которые без устали нашептывали сердцу сладкозвучные слова

[1] «Une petite herbe, la flouve odorante, est un des plus puissants principes de cette harmonie voilée. < ··· >. De cette assise sortent les spirales des liserons à cloches blanches, les brindilles de la bugrane rose, mêlées de quelques fougères , de quelques jeunes pousses de chêne aux feuilles magnifiquement colorées et lustrées; toutes s'avancent prosternées, humbles comme des saules pleureurs, timides et suppliantes comme des prières. Au-dessus, voyez les fibrilles déliées, fleurires, sans cesse agitées de l'amourette purpurine qui verse à flots ses anthères presque jaunes; les pyramides neigeuses du paturin des champs et des eaux, la verte chevelure des bromes stériles, les panaches effilés de ces agrostis nommés les épis du vent; violâtres espérances dont se couronnent les premiers rêves et qui se détachent sur le fond gris de lin où la lumière rayonne autour de ces herbes en fleurs. Mais déjà plus haut, quelques roses du Bengale clairsemées parmi les folles dentelles du daucus, les hlumes de la linaigrette, les marabous de la reine des prés, les ombellules du cerfeuil sauvage les blonds cheveux de la clématite en fruits, les mignons sautoirs de la croisette au blanc de lait, les corymbes des millefeuilles, les tiges diffuses de la fumeterre aux fleurs roses et noires, les vrilles de la vigne, les brins tortueux des chèvrefeuilles; enfin tout ce que ces naïves créatures ont de plus échevelé, de plus déchiré, des flammes et de triples dards, des feuilles lancéolées, déchiquetées, des tiges tourmentées comme les désirs entortillés au fond de l'âme. Du sein de ce prolixe torrent d'amour qui déborde, s'élance un magnifique double pavot rouge accompagné de ses glands prêts à s'ouvrir, déployant les flammèches de son incendie au-dessus des jasmins ètoilés et dominant la pluie incessante du pollen, beau nuage qui papillote dans l'air en reflétant le jour dans ses mille parcelles luisantes!» [22. С. 101].

любви, пробуждая скрытые желания, невысказанные надежды и светлые грезы, что вспыхивают и гаснут, как светляки в теплую весеннюю ночь? [21. С. 102].

Стиль трактата о цветах, как и все романное повествование «Лилии в долине», отличается возвышенным тоном, создаваемым высокой лексикой и музыкальным построением фраз. Как пишет Б.Г. Реизов, «Бальзак хотел написать эту книгу языком Массильона, французского проповедника XVIII века. Отсюда и эти риторические ритмы и лирическая приподнятость речи, очевидно соответствующая всему замыслу романа» [20. С. 309].

Во второй половине романа «Лилия в долине» появляется светская красавица, леди Дэдлей, влюбленная в Феликса и дарящая ему плотские утехи, которые не могут заставить его забыть Анриетту. В ее появлении есть композиционный момент противопоставления двух возлюбленных: одна – живущая в усадьбе, сердечная, страдающая, и вторая – светская, дерзкая, но холодная. Возможно, этот контраст и отразилась в «Маленьком герое», однако Достоевского интересует первая часть романа. Он сохраняет в рассказе главную идею Бальзака: полевые цветы выступают символом милосердной любви. Своеобразие Достоевского заключено в манере изображения. Он не включает в рассказ длинного объяснения символа, которое у Бальзака носит несколько отвлеченный и рациональный характер. Достоевский рисует реальный букет из полевых цветов, символика же заложена и вырастает из самого текста:

Скоро я набрал мой букет, простой, бедный. Его бы стыдно было внести в комнату; но как весело билось мое сердце, когда я собирал и вязал его! Шиповника и полевого жасмина взял я еще на месте. Я знал, что недалеко есть нива с дозревающею рожью. Туда я сбегал за васильками. Я перемешал их с длинными колосьями ржи, выбрав самые золотые и тучные. Тут же, недалеко, попалось мне целое гнездо незабудок, и букет мой уже начинал наполняться. Далее, в поле, нашлись синие колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лилиями сбегал я на самое прибрежье реки. Наконец, уже возвращаясь на место и зайдя на миг в рощу, чтобы промыслить несколько ярко-зеленых лапчатых листьев клена и обернуть ими букет, я случайно набрел на целое семейство анютиных глазок, вблизи которых, на мое счастье, ароматный фиалковый запах обличал

> в сочной, густой траве притаившийся цветок, весь еще обсыпанный блестящими каплями росы. Букет был готов. Я перевязал его длинной, тонкой травой, которую свил в бечеву <…> [12. Т. 2. С. 293].

Первоначальное определение букета – «простой, бедный» – как бы выступает контрастом другим цветам, например, «свежей утренней розе», с которой сравнивалась красавица-шалунья. Но по мере развертывания текста – с его красочным многоцветьем («золотые», «синие», «желтые», «ярко-красные»), с раскинувшимся широким пространством («нива с дозревающей рожью», «прибрежье реки», «роща»), с музыкой синтаксических повторов – определение «простой, бедный» получает новое значение как символ естественной красоты, связанной с народной этикой и эстетикой.

Достоевский сообщает этому образу евангельский смысл благодаря тому, что описание букета полевых цветов оказывается обрамленным двумя пейзажами, в которых повторяется одна значимая деталь – «последняя былинка», связанная с полевыми цветами и одновременно вводящая в мир духовных ценностей.

Достоевский усиливает бальзаковскую идею, обращаясь к русской традиции, ведущей отсчет от панорам в повестях Н.М. Карамзина [23]. В поисках способа вернуть пакет m-me M*, мальчик приходит в рощицу, из которой открывается «дивный пейзаж»:

> Было уже половина десятого. Солнце взошло высоко и пышно плыло над нами по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь в собственном огне своем. Косари ушли далеко: их едва было видно с нашего берега. За ними неотвязчиво ползли бесконечные борозды скошенной травы, и изредка чуть шевелившийся ветерок веял на нас ее благовонной испариной. Кругом стоял неумолкаемый концерт тех, которые «не жнут и не сеют», а своевольны, как воздух, рассекаемый их резвыми крыльями. Казалось, что в это мгновение каждый цветок, последняя былинка, курясь жертвенным ароматом, говорила создавшему ее: «Отец! я блаженна и счастлива!» [12. Т. 2. С. 292–293].

В текст введена строка из Евангелия от Матфея, имеющая продолжение, знаковое для романа Бальзака и рассказа Достоевского:

> Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житнницы; и Отец наш Небесный питает их <…> И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!»[1] (гл. VI, ст. 26).

Для Достоевского актуальной стала мысль о торжествующей красоте «полевой лилии» и естественности поведения человека, предавшегося воле Бога. Потому решение героя получило естественно-неожиданный христианский смысл: «Вдруг одна светлая мысль озарила меня. Средство было найдено, я воскрес. – Хотите, я вам букет нарву!» [12. Т. 2. С. 293].

И после совершенного мальчиком подвига (пакет был вложен в букет!), после благодарности m-me M*, в его душе наступила минута истинного счастья, которое он переживает перед лицом открывшегося ему великого мира природы и человека, в котором есть место и «былинке»:

> Едва переводя дух, облокотясь на траву, глядел я бессознательно и неподвижно перед собою, на окрестные холмы, пестревшими нивами, на реку, извилисто обтекавшую их и далеко, как только мог следить глаз, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, как точки, по всей, залитой светом, дали, на синие, чуть видневшиеся леса, как будто курившиеся на краю раскаленного неба <…> И вдруг грудь моя заколебалась <…> Я закрыл руками лицо и, весь трепеща, как былинка, невозвратно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей… Первое детство мое кончилось с этим мгновением…» [12. Т. 2. С. 295][2].

---

[1] Связь романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и «Лилии долины» Бальзака показала в своей статье «Художественный спор И.С. Тургенева с О. Бальзаком: романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» А.А. Евдокимова. В частности, исследовательница указала на содержание метафоры, связанной с художественной интерпретацией Бальзаком и Тургеневым евангельского образа «полевой лилии» [24].

[2] В.С. Нечаева в статье «Сравнения в ранних повестях Достоевского» показала следование Достоевским традиций «сентиментально-риторической прозы Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского» в создании «периодических сравнений», с

«Последняя былинка» как малая часть мира, взывающая к Богу, и «былинка», несущая в себе эту божескую благодать, сомкнули кольцо вокруг полевого букета, сделав его художественным символом высокого нравственного чувства.

Таким образом, христианская идея милосердия, нашедшая воплощение в творчестве Бальзака в образе «полевого цветка», служившего утверждением демократического идеала и эстетики естественного, простого, получила развитие в произведениях раннего Достоевского. Писатель усилил евангельское содержание образа, связав его с изображением процесса духовного преображения человека. Образ «полевого цветка» в творчестве Достоевского явился одной из первых форм «реализма в высшем смысле», идеальной структурой взаимопроникновения «земного» и «небесного». Идея становления и восхождения личности как божеского расположения и доверия Христа относительно каждого человека останется важнейшей и определяющей в творчестве Достоевского.

Литература

1.*Гроссман Л.П.* Бальзак и Достоевский // Гроссман Л.П. Творчество Достоевского. М.: Современные проблемы, 1928. С. 60–106.

2.*Поспелов Г.Н.* «Eugenie Grandet» в переводе Ф.М. Достоевского // Ученые записки Института языка и литературы (РАНИОН). 1928. Т. II. С. 103–136.

3. *Резник Р.А.* Достоевский и Бальзак // Реализм в зарубежных литературах XIX–XX веков. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975. Вып. 4. С 153–203.

4. *Нечаева В.С.* Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979. 287 с.

5 *Шкарлат С.Н.* О переводе Ф.М. Достоевским романа «Евгения Гранде» О. де Бальзака // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 303–310.

помощью которых писатель создавал сентиментально-лирический и мелодраматический тон своих произведений. Но в оценке «периодических сравнений» В.С. Нечаева, не видя символического характера, умаляет их значение в творчестве раннего Достоевского [25. С. 21].

6. *Кибальник С.А.* «Евгения Grandet» Федора Достоевского // Кибальник С.А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. СПб.: Петрополис, 2003. С. 13–31.

7. *Лешневская А.* Три Гранде // Иностранная литература. 2008. № 4. С. 283–291.

8. *Тарранс Ф.* «Евгения Гранде» в переводе Достоевского: Взгляд западных исследователей // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2014. Т. 20. С. 461–473.

9. *Степанян К.А.* Достоевский – переводчик Бальзака. Начало формирования «реализма в высшем смысле» // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 318–345.

10. *Петрашевский М.В*. Статьи из второго выпуска «Словаря иностранных слов» // Петрашевцы: Сборник материалов / ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Госиздат, 1927. Т. II. С. 3–81.

11. *Ветловская В.Е.* Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф.М. Достоевский // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. С. 224–269.

12. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1980.

13. *Милюков А.П.* Федор Михайлович Достоевский // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 259–290.

14. *Комарович В.Л.* «Весь устремление»: Статьи и исследования о Ф.М. Достоевском. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 927 с.

15. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 18 т. М.: Воскресенье, 2003. Т. 1. 438 с.

16. *Дурылин С.Н.* Об одном символе у Достоевского. Опыт тематического обзора // Достоевский: Сб. статей. М.: ГАХН, 1928. Вып. 3: Литературная секция. С. 163–198.

17. *Платон* Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2009. 768 с.

18. *Дуров С.Ф.* Цветок // Поэты-петрашевцы. Л.: Советский писатель, 1957. С. 162.

19. *Тургенев И.С.* Полное собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978. Т. 1. 574 с.

20. *Реизов Б.Г.* «Лилия в долине» и ее судьба в России // Реизов Б.Г. Бальзак: Сб. статей. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 252–325.

21. *Бальзак Оноре де.* Собр. соч.: В 24 т. М.: Правда, 1960. Т. 8. С. 5–285. Пер. О.В. Моисеенко и Е.М. Шишмаревой.

22. *Balzac.* Oeuvres. Paris: Werdet, 1836. V. 2. 343 p.

23. *Жилякова Э.М.*Традиции сентиментализма в творчестве раннего Ф.М. Достоевского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. С. 242–264.

24. *Евдокимова А.А.* Художественный спор И.С. Тургенева с О. Бальзаком: романы «Дворянское гнездо» и «Лилия долины» // Вестник Московского госу-

дарственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 107–114.

25. *Нечаева В.С.* Сравнения в ранних повестях Достоевского // Достоевский. Сб. статей. М.: ГАХН. 1928. Вып. 3: Литературная секция. С. 83–114.

THE IMAGE OF THE "WILD FLOWER" IN THE AESTHETICS AND EARLY WORKS BY F.M. DOSTOEVSKY (TO THE PROBLEM: F.M. DOSTOEVSKY AND HONORE DE BALZAC)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 67–89. DOI: 10.17223/24099554/12/4

Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: F.M. Dostoevsky, H. de Balzac, image of "wild flower", motif of merciful love.

The article focuses on the psychological and symbolic content of the image of a "wild flower" in the early works by F.M. Dostoevsky (*A Little Hero*, 1849), identifying *The Lily of the Valley* by Honore de Balzac (1835) as one of its sources. The image of the "wild flower", popular in Russian poetry of the 1840s, acquires an aesthetic and artistic meaning of high poetry enclosed in the simple and ordinary (*White Nights*) in Dostoevsky's works, becoming an expression of feeling associated with the democratic idea of compassionate and active love for the insulted, who need protecttion. In *Netochka Nezvanova* and *A Little Hero*, Dostoevsky refers to Balzac's image of a bouquet of wild flowers in *The Lily of the Valley*, which epitomizes the victory of moral sense over the impulses of unbridled passion. The philosophical and aesthetic basis of Dostoevsky's attention to Balzac was the writer's fascination with ideas of utopian socialism, which had a great influence on French literature (J. Sand, V. Hugo, Honore de Balzac) and in many respects determined Dostoevsky's creative search in his early works. The Christian essence of the merciful love in the image of a "wild flower" and in the elegistic-sentimental style of its description was creatively perceived by Dostoevsky in the process of translating Balzac's *Eugénie Grandet* (1843–1844). According to the author, *The Lily of the Valley*, written as the confession of a young hero, Felix de Vandenes, who is platonically in love with a married woman, Countess Henriette de Morsof, aims at revealing the greatness of the soul that overcomes its passions and chooses high moral ideals. In the context of great French literature, solving the problem of the relationship between two types of love as a reflection of the controversial nature of the modern hero, Balzac's position was distinguished by a Christian statement of the issue. This aspect, connected with the ideas of utopian socialism, was shared by Dostoevsky. Solving the question of a love feeling nature by comparing the two types of love (egoistic and compassionate), in *The Little* Hero, Dostoevsky poeticizes a merciful feeling that could transform the human soul. He quotes the Gospel of Matthew (Matt., Ch. VI, p. 26) and employs the marvelous

panoramas to frame the boy's exploit – the collected bouquet for m-me M * – to emphasize the Christian meaning of the "wild flower" image. Thus, the image of the "wild flower" is one of the first forms of "realism in the highest sense", with its ideal structure of the "earthly" and "heavenly" interpenetration.

References

1. Grossman, L.P. (1928) *Tvorchestvo Dostoevskogo* [The works by Dostoyevsky]. Moscow: Sovremennye problemy. pp. 60–106.

2. Pospelov, G.N. (1928) "Eugénie Grandet" v perevode F.M. Dostoevskogo ["Eugénie Grandet" translated by F.M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury*. 2. pp. 103–136.

3. Reznik, R.A. (1975) Dostoevskiy i Bal'zak [Dostoevsky and Balzac]. In: Bobrov, M.N. (ed.) *Realizm v zarubezhnykh literaturakh XIX–XX vekov* [Realism in foreign literature of the 19th – 20th centuries]. Saratov: Saratov State University. pp. 153–203.

4. Nechaeva, V.S. (1979) *Ranniy Dostoevskiy. 1821–1849* [The Early Dostoevsky. 1821–1849]. Moscow: Nauka.

5 Shkarlat, S.N. (1998) O perevode F.M. Dostoevskim romana "Evgeniya Grande" O. de Bal'zaka [On F.M. Dostoevsky's translation of H. de Balzac's "Eugénie Grandet"]. In: Zaharov, V.N. (ed.) *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII-XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The gospel text in Russian literature of the 17th – 20th centuries: citation, reminiscence, motive, plot, genre]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 303–310.

6. Kibalnik, S.A. (2003) *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [The problems of Dostoevsky's intertextual poetics]. St. Petersburg: Petropolis. pp. 13–31.

7. Leshnevskaya, A. (2008) Tri Grande [Three Grandets]. *Inostrannaya literatura*. 4. pp. 283–291.

8. Tarrans, F. (2014) "Evgeniya Grande" v perevode Dostoevskogo: Vzglyad zapadnykh issledovateley ["Eugénie Grandet" translated by Dostoevsky: The view of Western researchers]. In: Barsht, K.A & Budanova, N.F (eds) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. Vol. 20. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 461–473.

9. Stepanyan, K.A. (2018) Dostoevskiy – perevodchik Bal'zaka. Nachalo formirova-niya "realizma v vysshem smysle" [Dostoevsky as a translator of Balzac. The beginning of the formation of "realism in its highest sense"]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 318–345. DOI: 10.31425/0042-8795-2018-3-317-345

10. Petrashevsky, M.V. (1927) Stat'i iz vtorogo vypuska "Slovarya inostrannykh slov" [Articles from the second issue of the Dictionary of Foreign Words]. In: Shcheglova, P.E. (ed.) *Petrashevtsy: Sbornik materialov* [The members of the Petrashevsky Circle: Collected materials]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gosizdat. pp. 3–81.

11. Vetlovskaya, V.E. (1994) Religioznye idei utopicheskogo sotsializma i molodoy F.M. Dostoevskiy [Religious ideas of utopian socialism and the young F.M. Dostoevsky]. In: Khristianstvo i russkaya literatura. St. Petersburg: Nauka. pp. 224–269.

12. Dostoevsky, F.M. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t* [Complete Works and Letters: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.

13. Milyukov, A.P. (1990) Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy [Fyodor Dostoevsky]. In: Vacuro, V.E. et al. (eds) *F.M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t* [F.M. Dostoevsky in the memoirs of his contemporaries: In 2 vols]. Vol 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 259–290.

14. Komarovich, V.L. (2018*) "Ves' ustremlenie": Stat'i i issledovanija o F.M. Dostoevskom* ["All Endeavour": Articles and studies about F.M. Dostoevsky]. Moscow: RAS.

15. Dostoevsky, F.M. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t* [Complete Works: In 18 vols]. Vol. 1. Moscow: Voskresen'e.

16. Durylin, S.N. (1928) Ob odnom simvole u Dostoevskogo. Opyt tematicheskogo obzora [About one symbol in Dostoevsky]. In: *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. Vol. 3. Moscow: GAKhN. pp. 163–198.

17. Plato. (2009) *Izbrannye dialogi* [Selected Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Eksmo.

18. Durov, S.F. (1957) Tsvetok [Flower]. In: Zhdanova, V.V. (ed.) *Poety-petrashevtsy* [Poets of the Petrashevsky Circle]. Leningrad: Sovetskiy pisatel.

19. Turgenev, I.S. (1978) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t* [Complete Works and Leters: In 30 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

20. Reizov, B.G. (1960) *Bal'zak* [Balzac]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 252–325.

21. Balzac, H. de (1960) *Sobranie sochineniy: v 24 t.* [Collected Works: In 24 vols]. Vol. 8. Translated from French by. O.V. Moiseenko & E.M. Shishmareva. Moscow: Pravda. pp. 5–285.

22. Balzac, H.de (1836) *Oeuvres*. Vol. 2. Paris: Werdet.

23. Zhilyakova, E.M. (1989) *Traditsii sentimentalizma v tvorchestve rannego F.M. Dostoevskogo* [Traditions of sentimentalism in the early work by F.M. Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 242–264.

24. Evdokimova, A.A. (2018) Art dispute of I. Turgenev with H. de. Balzac: Novels "The Noble Nest" and "Lily of the Valley". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin MSRU. Series 'Russian philology'*. 2. pp. 107–114. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-107-115

25. Nechaeva, V.S. (1928) Sravneniya v rannikh povestyakh Dostoevskogo [Comparisons in Dostoevsky's early stories]. In: *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. Vol. 3. Moscow: GAKhN. pp. 83–114.

ИМАГОЛОГИЯ

УДК 82.091
DOI: 10.17223/24099554/12/5

Н.В. Хомук

БАРОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «КАВКАЗСКОГО ТЕКСТА» В РОМАНЕ В.Т. НАРЕЖНОГО «ЧЕРНЫЙ ГОД, ИЛИ ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ»

Статья посвящена репрезентации «кавказского текста» в романе В.Т. Нарежного «Черный год, или Горские князья». Показано, как автор использует формы «народного театра», малороссийского вертепа, эмблематизацию, соотнося в этнографическом изображении конкретное, вымышленное и метафорическое. Герой романа переживает барочное самоотчуждение «я» в ролях, навязываемых судьбой. Таким образом, в систему отношений власти-подчинения у Нарежного включаются: социальное положение, национальная принадлежность, религиозные воззрения. Личность начинает их самовольно использовать как игровые формы самоидентичности.
Ключевые слова: *В.Т. Нарежный, «Черный год», Кавказ, кавказский текст, барокко.*

Первый русский роман о Кавказе, написанный Василием Трофимовичем Нарежным (1780–1825), «Черный год, или Горские князья» при жизни автора напечатан не был из-за социальной критики, иносказательно развернутой в романе на кавказско-восточном материале[1]. Время создания «Черного года» точно неизвестно, но большин-

[1] В 1818 г. роман был представлен Нарежным на заседании Вольного общества любителей российской словесности. Роман, ожнако, не прошел цензуру. Секретарь цензурного комитета М.М. Сонин, наложивший запрет на публикацию,

ство исследователей склоняется к тому, что роман написан после «Российского Жилблаза», последние части которого были арестованы по цензурным соображениям. Вано Шадури в единственной монографии (1947), посвященной «Черному году», считал, что «роман был написан в самом начале XIX века, сразу после возвращения автора из Грузии» [2. С. 26], куда он отправился в составе русской миссии П. Коваленского, не закончив Московский университет. В Грузии происходили важные события, касающиеся ее объединения с Россией, шедшего негладко как раз в тот момент, когда в горах Кавказа оказался Нарежный. Служил он чуть больше года секретарем Дорийской земской управы. Можно сказать, что молодой Нарежный (ему шел 21 год), как и герой его романа (ему наступил 25-й год – в предсказании «черный год» его жизни), пережил своеобразную «инициацию». Как пишет Н. Белозерская в биографическом очерке о Нарежном: «Перед ним открылся широкий реальный мир, с новыми для него сложными задачами, и заставил его отрешиться от отвлеченных фантастических образов и блуждания от одной формы к другой, которым отличаются его первые литературные опыты» [3. С. 33]. В Грузии Нарежный находился до 1803 г.

«Черный год, или Горские князья» был напечатан в 1829 г., и те самым «кавказский текст» Нарежного, воспринимавшийся в аспекте социальной нравоописательной сатиры, включающей некоторое этнографическое правдоподобие, выпал из имагологиченского контекста кавказской темы, содержательно обогащенного прежде всего романтизмом, а затем реализмом[2].

Задача бытописания жизни кавказских народностей вовсе не стояла перед Нарежным. Это объясняется уровнем развития русского романа и художественными задачами сатирического моделирования с его авантюрно-игровыми формами и псевдоисторичностью. Но, с другой стороны, в «Черном годе» косвенно сказывается конкретика

был возмущен «отвратительнейшими изображениями» и нападками автора на «предметы, везде свято уважаемые – правление и религию» (Цит. по: [1. С. 9]).

[2] В аспекте имагологии Кавказа «Черный год» оценивается «как ”переходное“ произведение, связующее “восточные повести“ классицизма с поэтикой романтизма, вымысел с документальным материалом» [4. С. 34].

становления национального государственного самосознания в контексте колониальных отношений.

Предромантизм Нарежного периода «Славенских вечеров» (1809) обусловил интерес писателя к теме русской истории. В последующих нравоописательных романах отразятся впечатления родной для писателя Малороссии. «Черный год» посвящен кавказской тематике (включающей и «восточный текст»), спектр которой достаточно широк у Нарежного, несмотря на высокую степень условности, извиняемую авантюрно-плутовским жанром. Помимо «туземного быта» горцев в романе отражена этническая пестрота (осетины, армяне, евреи, татары), ведутся конфессиональные споры; косвенно, через переход одного персонажа романа от язычества в магометанство, в сюжете затрагивается конфессиональный конфликт. Принципиальное неупоминание о христианстве в «Черном годе», а также о российской державе дает автору возможность сатирического подтекста[3] и свободу травестирования религиозной темы.

Ориентализм у Нарежного включает в себя, с одной стороны, высокий слог, выспренний стиль (используемый еще в «Славенских вечерах») и, с другой стороны, грубость и бедность носителей этого речения. Народная стихия обыгрывания, снижения, иронизации го-

[3] Сатирический подтекст романа стремилась тщательно прописать Н. Белозерская: «Нарежному пришлось увидеть Грузию в последние моменты ее самобытного существования, с ее полуазиатскими порядками и бесправием. Он познакомился с местными обычаями, узнал быт и нравы мелких владетельных князей, которые послужили основою его романа “Черный год, или горские князья” и прикрытием сатиры, как и новых, еще больших злоупотреблений, введенных с открытием “Верховного грузинского правительства”» [3. С. 32]. И все, писавшие о романе после, следовали за Н. Белозерской в дешифровке сатиры, ища «сатирический код» (подразумеваемые объекты, исторические и социальные реалии, ситуации и пр.), внося дискуссионные акценты. В. Шадури: «Белозерская считает, что в сатирическом романе Нарежного дано символическое изображение исторических событий и деятелей эпохи присоединения Грузии к России (с. 27), что при этом острие романа направлено как против русских правителей Грузии (Кнорринга, Коваленского и других), так и против кавказских князей (с. 32)» [2. С. 37]. Это противоречие вызывало недоумение ряда исследователей, однако оно объяснимо и опирается на существенную и очень перспективную форму «колониальности»: художественно выражена инверсия субъекта колонизации и объекта колонизации.

тового «пышного» слова создает богатые возможности для романного разноречия[4] (тогда как восточная повесть XVIII века ориентирована на стилизацию как формальный прием). Важно отметить, что ирония и гротеск по отношению к эстетике «восточного текста» проистекают у Нарежного из народного миросозерцания, в сущности «межнационального» по своей природе. Видимо, тут сказалась общность духа «южных» народов – Кавказа и Малороссии – их карнавальной и вольной природы, не регламентированной цивилизационно и государственно по образцу рационалистически холодного Запада.

Нарежный имел тот ключ, с помощью которого раскрывались народно-демократические основы национальной культуры (не только родной «малороссийской», но и «кавказской») – это универсальная народно-смеховая культура в ее карнавальном аспекте. «Смех впервые открывает современность, как предмет изображения» [6. С. 80]. У Нарежного другая нация раскрывается изнутри народно-демократического сущностного начала своей самостийности и противостояния истории. В ситуации кризисной для Кавказа роман Нарежного – ответ свободной национальной стихии в ее оптимистическом жизнеутверждении. Это определяет исключительное положение «Черного года» для «кавказского текста». При таком условии даже умеренное внесение местного колорита иной культуры создавало эффект подлинности. Можно сказать, что роман Нарежного «Черный год» – это народно-смеховая увертюра барочного типа «кавказского текста», так сказать, «перед занавесом» его выстраивания в русской литературе.

В отношении «восточного» Ю.В. Манн отмечал, что «Нарежный – один из первых, кто придал этому понятию политический смысл; словом, кто стоял у истоков традиции, подхваченной затем демократической критикой, особенно Белинским» [7. С. 20][5].

[4] По мнению Ю. М. Лотмана, «“разноязычие” (термин М. Бахтина) характерно для всех форм повествования барокко, а монологичность – и для поэтического, и для прозаического повествования романтизма (интересно, что в этом случае барокко структурно сближается с реализмом, вопреки вошедшему в обыкновение типологическому объединению его с романтизмом)» [5. С. 411].

[5] Как уточняет исследователь: «…подразумевалось все отсталое, косное, невежественное, бесчеловечное, жестокое. “Как скоро победим – я дозволю вам целые три часа грабить княжество, – говорит Кайтук XXV воинам, – делать, ко-

В XVIII в. на почве Просвещения сформировался жанр политического романа, взаимодействующего с романом плутовским. У Нарежного мы наблюдаем не просто их соединение, но в результате – новое качество. Принципиально, что живая актуальность, политическая и идеологическая злободневность обусловлены временем написания в период присоединения к России Грузии, нахождением в ней Нарежного и даже участием в качестве российского чиновника в этих процессах. Именно Нарежный переключил политический роман XVIII в. на почву реальности в ее фамильярно-реорганизущих интенциях[6]. При этом сатирико-метафорическая условность жанровой традиции «восточной повести» у Нарежного становится зияющей из-за иных факторов: этнографических, а также личностно-психологических.

И.Л. Багратион-Мухранели, развивая идеи В. Шадури, утверждает, что в «Черном годе» «место этого действия передано с большой точностью» [4. С. 34]; «В.С. Шадури сосредотачивает свое внимание на пространственном мире романа. Исходя из соотнесения места

му заблагорассудится, насилия, а старых и молодых брать в плен... Посудите, храбрые люди, сколько вдруг предстоит вам выгод!" Это вызывает в памяти слова Белинского о том, что для азиатского деспота "ценность человеческой крови... нисколько не выше ценности крови домашних животных". Обозначение "азиатское", "восточное" не заключает в себе ничего национально оскорбительного, ибо оно берется типологически – как обозначение устаревших форм жизни. Восточные начала жизни есть и в России, и в западноевропейских странах, где они подлежат скорейшему устранению и преодолению» [7. С. 21].

[6] Например, постоянно всплывающая в романе тема политики, обсуждаемая персонажами, особенно муфтием Шамагулой, – не только дань дискуссиям в литературе Просвещения; у Нарежного эта тема актуализирована культурно-географически и исторически. Находившийся в Грузии в одно время с Нарежным С. Броневский писал: «Еще труднее изобразить общими чертами хаос многосложных видов, союзов и притязаний, составляющих политику Горских народов <…> средства, употребляемые для приобретения помощи, для выиграния времени, для успокоения сильного неприятеля, или для взаимного примирения: союзы, договоры, посольства, подарки, посредничества, ручательства, залоги <…>» [8. С. 53]; «Нужно заметить также, что вышеупомянутые обычаи, хотя приняты повсеменстно, но в Полуденных частях Кавказа, в Грузии в Ширване, в Араксении, теряют действие свое по мере приближения к Персидским границам, так, что в сопредельных провинциях употребляют уже другую, гораздо более утонченную и вероломнейшую политику, известную в тех местах под именем Персидской, для различения оной от Горской политики» [8. С. 54–55].

действия «Черного года, или Горских князей» и подлинной географии Осетии / Грузии, В.С. Шадури приходит к выводу, что роман является реалистическим» [4. С. 35]. В романе указано соседнее с княжеством героя владение его соседа – Ларс, за Ларсом – владения Казбека. Следуя этим реальным географическим указателям В.С. Шадури уточняет, что княжество Кайтука – это осетинское селение Чьми на склоне Главного Кавказского хребта, а от Чьми начинаются Дарьяльское и Тагаурское ущелье.

Пейзажи – неотъемлемая черта «кавказского текста» – довольно скупо представлены в «Черном годе». Так, спускаясь с гор, герой сравнивает природные условия Кавказа и Кабарды:

> Там за утесами и лесами редко видал я солнце небесное, и должен был или умирать с голоду, или услаждать вкус свой сушеными ястребами. Здесь, напротив – шел я хотя довольно густым лесом, всегда дающим мне нужную тень в часы дневного покоя, но никогда не закрывавшим предо мною светлого солнца, прекраснейшего и великолепнейшего произведения рук благодетельного Макука. Сверх того, вместо кавказских ястребов, я весьма часто встречал здесь фазанов, которые в наших княжествах показываются за некоторую редкость [9. Т. 6. С. 167].

Постоянство культурно-географической маркировки служит сценичному характеру пространства:

> «остерегайся заходить далеко, ибо можешь встретиться с кабардинскими пастухами» [9. Т.6. С. 160]; «приметя сквозь щель плетеной моей темницы, что утренняя заря готовится озлатить Кабардинское небо» [9. Т. 6. С. 158]; «Когда солнце явилось уже выше твердынь Кавказских» [9. Т. 6. С. 161]; «Вся Кабарда в ужасном смятении и кипит отмщением» [9. Т. 6. С. 164]; «Солнце начало уже золотым кругом своим касаться верхних стремнин Кавказских» [9. Т. 6. С. 286].

Экспликация историко-культурной конкретности пространства позволяет обыгрывать отношения конкретного, вымышленного и метафорического. Для этого Нарежный многообразно использует театрализацию. Современник неслучайно сравнил героя-повествователя «Черного года» с Арлекином, который «посмешив публику со своего расписанного балкона, отправляется восвояси, а за ним вся труппа» [10. С. 320]. Категория сценичности и театра у Нарежного относится к контаминации в романе форм «народного театра», малороссийского вертепа с его вертикальным соотношени-

ем верха и низа, барочных эффектов эмблематизации, театральности рококо и идеологической назидательности театра Просвещения.

Этнографические элементы занимают в романе весьма скромное место и выполняют разные функции[7]. Подчеркивание экзотики касается ситуаций и персонажей, рядом с которыми вещи предстают в качестве аксессуаров действия или фона.

> Стояло несколько низеньких хижин, по обыкновению из плетня сделанных, – мы вошли в одну из них, и нашли хотя пустою, однако снабженную всем необходимым. Посередине лежала новая циновка; в углу разостлано было несколько оленьих кож, и тому подобное [9. Т. 6 159–160].
>
> Прислужники его разостлали на полу лоскут бумажной ткани багряного цвета, положили хлеб, и поставили несколько блюд с пилавом, приготовленным с жареною бараниной или с цыплятами [9. С. 179].

Упоминаются, например, кылымы (и приводится примечание автора: «Кылымом татары называют ковер» [9. Т. 6. С. 293]), печки на улицах для приготовления пищи и т.д. Для барочной специфики романа важно, что «детали, основанные на опыте автора, невозможно отличить от воображаемых» [13. С. 181][8].

---

[7] «В описании Кавказа, несмотря на все элементы маскировки и **иноска**зания, фантастики и гиперболизации, Нарежный отдал дань тому, что принято называть «местным колоритом», т. е. ввел в свое **произведение** кое-какие конкретные этнографические черты и подробности» [11. С. 94]. Например, Нарежный упоминает самоистязание скорбящих на похоронах у горцев, чему подтверждение есть у Ж. Дюмезиля: «Оплакивание покойника отличается такой же неумеренностью в выражении скорби. Мужчины, провожая гроб на кладбище, бьют себя по лбу кулаками и испускают стоны; женщины, ползая на коленях, ударяют в такт руками по лицу и коленям и воют. Опустив гроб на землю близ могилы, мужчины становятся особо от женщин, и из толпы последних выступают вперед сестры, племянницы и другие близкие родственницы; остановясь довольно далеко от гроба и потом медленно подходя к нему, они рвут себе на головах волосы и царапают себе ногтями лица, так что щеки их покрываются струпьями. После того начинают шаг за шагом подходить к покойнику братья, сыновья и племянники, ударяя себя плетью по затылку и испуская вопли» [12. С. 41].

[8] Возможен вариант, считает Кёхэй Норимацу, когда автор (субъект колониальной репрезентации) не видел и следует представлению, но совсем другое дело, когда сам видел, но видимое совмещает с репрезентативным стереотипом. Существенно таже, что этнографические реалии в «Черном годе» эксплициро-

Часто сатира писателя задевает явления культового для кавказский народов характера (конь и вооружение горца). Исключительное значение имеют кони в мифологии осетин[9]. У Нарежного персонаж совершает неслыханные для горца манипуляции с конем:

> Я отрезал кинжалом достаточное количество волос от конского хвоста и гривы, изрубил довольно мелко, и завернув, в мокрую ветошку, велел привязать в таком месте, которое было для того самое приличное.<…> Когда ж мы стали уже подходить к чертогу Мирзабекову и были перед окнами оного как на ладонке, я оскорбился, видя своего иноходца, шагающего с ослиным смирением; почему, для вразумления его, к кому он, приближается и от чьего имени, я со всей руки огрел его нагайкою. Конь вздрогнул, махнул хвостом, укололся, еще махнул сильнее, и еще сильнее укололся. Это привело его в сердце, он всхрапнул, – а я прельстясь успехом своей выдумкн, стегнул его еще несколько раз, и видя, что он горячится более и более; начал уже беспрестанно оделять по чему ни попало. Конь ржал, храпел, скакал вперед, назад, направо и налево, лягал по лбам быков… [9. Т. 6. С. 228–229][10].

И здесь явственно проявляется противоположность снижения со стороны мароссийского народного театра и кавказской традиции возведения в культ некоторых объектов жизни горцев.

В текстах украинской культуры часто встречается сниженное изображение других народностей – евреев, татар и пр. Не касаясь исторических причин, а беря во внимание культурное самосознание национальной идентичности, можно предположить, что в этом «негативизме» сказывается двойственность самосознания Украины – в исторической своей памяти как самоценного государственного и культурного ареала (с превосходством кореннного населения над другими), а в ключе современной Нарежному геополитики Российской империи унифицированной до одной из народностей. Эта двойственность отразилась в изображении малороссом-Нарежным кав-

---

ваны через сознание героя: он стремится определить типическое, которое относится к духу национальной общности.

[9] «Почти все сказания говорят о том, сколь важную роль играли кони в жизни Нартов» [12. С. 35].

[10] Тем самым конь в этом торжественном посольстве сватовства становится репрезентацией «нетерпения» жениха, а в барочной ключе выражением необузданности страстей.

казского мира, который представлен как объективный Другой, в то же время, в ключе принципа барочного соответствия, как альтернативный вариант положения Малороссии, как косвенная репрезентация национального самосознания автора.

Сначала в изображении княжества Кайтука и его правления – перед нами почти первобытное общество. Материальные реалии бедны (упоминаются в качестве этнографических маркеров: «шешлык» и просяная водка, юзлуки[11]). Таковы же предметы культа и верования. Сказывается фольклорная традиция смеховых курьезов. Отстранив в своей вотчине первосвященника, молодой князь Кайтук сам занимает его место и, выражая религиозное рвение, истово дудит в рожок так, что падает с горы огромный камень; или же Кайтук, дабы похвастать своим «благочестием» перед визитом в храм знатных соседей, велит жрецу Шемеле:

> …потому ты на мой счет вели сей час согнать всех пауков со стен храма, выколотить всю пыль из моего полосатого балахона, а пуще всего чисто начисто золою и мелом вычистить первосвященнический колпак и рожок, не забыв также поновить изображения Макука и Кукама. Чем боги бывают наряднее, тем с большим благоговением смотрят они на жрецов их [9. Т. 6. С. 48].

Происходит вторичное опредмечивание «знаков»: предметы религиозного культа и социального достоинства возвращаются к своей первоначальной вещественности и прозаичности. Тем самым в романе становится возможен театр манипулирования вещами и овеществлением ролей через карнавальное увенчание/развенчание. Кавказ (а шире – Восток) в своем доцивилизованном состоянии (с художественно упрощенной подачей) дает возможность сатирического «остранения», по отношению к которому «этнографическая» точность весьма относительна. Перед нами неизменная первобытность[12], опирающаяся на мифологические основания жизни, наив-

[11] В документах для истории монетного дела 1803 г. читаем: «Монета за оную принимаемая была от них серебряная, так называемая юзлук, и цена ее переменялась ежечасно. При промене на Российские деньги принимали ее в 1 рубль 30 и в 1 рубль 35 копеек; а при покупке товаров в 1 рубль 70 копеек» [14].

[12] «В Горских республиках примечается более единодушия, и от того самого более устройства внутри, и более единства во внешних действиях, нежели в фе-

ность раз и навсегда установившегося уклада. В экспозиции, при изображении «домашнего» мира горцев у Нарежного наличествуют модальности явные и скрытые – сатирическая и идиллическая (писатель верен традиции Просвещения). Проявлением своей индивидуальной воли, доходящей до безоглядного самоуправства, правитель Кайтук выходит из границ цикличности прежнего «мифологического» состояния жизни, т.е. начинает «историю». Руссоистская гармония древнего народа нарушена, личность предъявляет свои права. Однако за изначальной простотой горской жизни сохраняется внутреннее идиллическое качество, как «зерно», которое «очистится» и усилится при дальнейшем сравнении Кайтуком-изгнанником своего «горнего» мира с развитым укладом прикавказских долин (миром «дольним»). Тому, что сатирический модус до конца не уничтожает идиллические резервы горской жизни, способствует амбивалентность народно-смеховой (карнавальной) культуры, через которую эта жизнь Нарежным раскрывается. С последней связано, что «черный год» маркирует образ времени как аналог «веселой преисподней». В номинации «горские князья» также скрывается «обратность», задаваемая «преисподней времени», из-за которой «горские» – не горские, «князья» – не князья. В карнавальном ключе упрощенные вульгаризованные формы – это реакция на официальную культуру[13]. Ценностная иерархичность игнорируется, разыгрывается и

одальных правительствах; что должно приписать простоте нравов Горских, народов, кои не быв никогда покорены, удержали образ внутреннего управления и нравственность свою ближе к первобытной целостности» [8. С. 54].

[13] В «Черный годе», в отличие от других романов Нарежного, с исключительным постоянством обыгрываются разного рода шествия и «парады» подчеркнуто карнавального типа: чествование Кайтука, принятого местным населением за сантона, а затем его развенчание, шествие трех персонажей в неподобающе смешных нарядах из тюрьмы под крики черни [9. Т. 6. С. 206]; кортеж с животными «посольства» Шамагула к князю Мирзабеку [9. Т. 6. С. 229], сатирически заостренные описания церемониала в Астраханском ханстве и смотр войск перед походом на соседнее княжество, и множество других эпизодов. Эти сцены взрываются карнавальной стихией, касающейся амбивалентного характера изображаемой действительности: «…чем грубее эта сфера, тем она стихийнее и, следовательно, ближе к грядущему воскресению» [15. С. 190]. Такому «карнавалу» «отводится позиция, с которой, в частности, критикуется текущая история» [16. С. 129]. Игра отстанавливает время, делая его уже преодоленным.

тем самым «взрывается» в народно-карнавальном ключе. Царит всепрофанирующая стихия. Смеховое травестийное начало оказывается шире сатирических задач, т. е. изображаемое двойственно в нем по барочному совмещает плюс и минус.

Простота быта сопряжена с акцентом удвоения репрезентативности: это и сатира, и народно-демократический театр, который показывает социальные отношения. Отсюда двойственность ценностного места «показывающего» персонажа: как носитель социальной характеристики он сатиричен, как персонаж из народного театра – вызывает наши симпатии. Изображение правления молодого Кайтука сопровождается карнавальной бранью и карнавальными тумаками, значение которых раскрыл М.М. Бахтин[14].

То, что происходит с «прихожанами» в храме от испуга – карнавальный план телесного низа. Когда в дальнейшем изгнанного из родных мест Кайтука принимают за сантона[15] (кавказского юродивого) и он в любовных утехах «одаривает» своей «святой» силой молодых прихожанок – в этом отражается карнавальная эротика и в тоже время: «мотив плотских утех праведников с прекрасными девами-гуриями, к утру восстанавливающими девственность, является особенностью мусульманской мифологии» [18. Т. 2. С. 186]. Но вот появляется «конкурент» – настоящий сантон:

> «Посередине всех приметил я маленького, худенького мужичонка, со всклоченными волосами на голове и бороде, одетого точно по моему, с тою разницею, что платье мое было цело и чисто, а его в лохмотьях и запачкано. Он махал руками на все стороны, подпрыгивал, коверкался и

[14] Эта очевидная «карнавальная» основа творчества Нарежного неоднократно подчеркивалась исследователями (см. [17]). Для «кавказского текста» карнавальная праздничность особенно симптоматична (но в романтизме и реализме она оказалась «нейтрализована» выдвижением личностной точки зрения, «осерьезнивающей» и драматизирующей мир Кавказа). Это праздничное основание высокогорной жизни вспомнит XX век (М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров).

[15] Автор в примечании дает следующее пояснение: «Во всех Магометанских областях Сантонов почитают мужами святыми, вдохновеннымн свыше. Эти изуверы суть не что иное, как беснующиеся, производящие всякие мерзости без малейшего зазрения совести» [9. Т. 6. С. 134]. Видимо, название «сантон» у Нарежного имеет реальное основание, поскольку близко к санскритскому «сат» («постигший высшую реальность») или же: «сант мат» – «путь истины».

пел самым неистовым голосом. – Это конечно бешеный, сказал я сам себе; но зачем же и его принимают здесь так точно, как принимали меня при начале моего сюда прибытия?» [9. Т. 6. С. 144]; «остановился, проржал три раза жеребцом, потом, исправя некоторую нужду при всем народе, собрал грязь, и растерши в руках, начал комками шввырять в предстоящих. Все как безумные хватали, что могли схватить, и натирали себе лоб и глаза» [9. Т. 6. С. 145].

В связи с метафизической составляющей понятия локального текста, важное значение для кавказского романа Нарежного получают религиозные мотивы. Нарежным дается следующее изображение местных богов:

«Небесный Макук имеет вид человека с козлиною бородой, глаза синие, а ноги петушьи; подземный же Кукам есть не что другое, как огромная лягушка с змеиным хвостом и бычачьими рогами, сидящая верхом на слепне» [9. Т. 6. С. 5]; а в дальнейшем высказывается сомнение: «Возможно ли, чтобы Татарский Алла мог поместить всю землю на спине лягушки, когда и наш Кукам едва помещается на спине овода?» [9. Т. 6. С. 20]. Произвольно автор опирается на мотивы мусульманской мифологии: «По одной версии, земля покоится на плечах ангела, опирающегося на скалу, которую поддерживает бык, стоящий на плывущей рыбе, по другой – земля держится на роге быка, бык на рыбе, рыба на воде, вода на воздухе, а воздух на влажности» [18. Т. 2. С. 184]. Образы верований, дополненные авторской фантазией, соответствуют барочному принципу пышности, затейливости и конкретности зоологической эмблематичности.

В барочном романе испытаний религиозная модель становится «игровой» или метафорической. Все местные жители веруют в двух богов: высшего мира – Макука[16], и бога низшего мира – Кукама. Имена этих богов соотносятся по принципу палиндромии (перевер-

[16] В вымышленном имени бога Макука у Нарежного в барочном ключе соединяются «высокий» план (Ж. Дюмезиль упоминает небесного Марсуга у осетин [12. С. 106]) и «низкий» игровой план прозвища (П. Михед делает предположение, что имена богов у Нарежного «по своему происхождению они, вероятно, связаны с детской считалкой, начальные слова которой: “Кук, мак, отдавай свой кулак”. При этом участвующие в игре касаются верха и низа кулака второго играющего» [17. С. 46]).

нутого тождества)[17]. Кайтук на протяжении романа, то достигая благополучия, то низвергаясь в несчастье, постоянно обращается к этим богам, которые, по его мнению, «борются» между собой за его судьбу[18]. В этом контексте в романе не только «родные» для героя языческие образы, но случайные реалии магометанства несут отпечаток метафор человеческого удела, важного для барокко вопроса судьбы в ее соотношении с индивидуальной волей[19].

Реально-историческая пороговость национальной жизни Кавказа, присоединяемого к России, сублимирована в герое как «внутренний сюжет»[20]. Контекст создания романа – Кавказ на пороге мировой политики. Выбор героя и его поиск корреспондируют с выбором нации. В образе «горских князей», и в том, что герой является повествователем, скрывается внутренняя связь автора с изображаемым, что предполагает личностную сублимацию национально-политической темы: национальное – не только объект, тема и пр., но как сокрытое личное, в его неразделенной двойственности «своего» и «чужого». На авторскую позицию Нарежного влияет то, что как непосредственный участник событий, инициирующих роман, в отношении его «материала» и «контекста» он – представитель империи, но наряду с этим – представитель Украины, в социальном ключе – исполнитель воли империи к местным народностям, и в то же

[17] Все, указывавшие на этот факт (В.Ф. Переверзев, В.А. Комбай, П.В. Михед), не интерпретировали его в контексте барочного соответсвия «верха» и «низа» в сюжете «Черного года».

[18] Имена богов «Макук» и «Кукам» не случайно имеют звуковую перекличку с именем князя Кайтука, постоянно обращающегося к своим богам, которые тем самым становятся аналогичны античным «гениям» или «демонам» и маркируют двойственность натуры человека: «В мусульманской традиции считается, что у каждого человека имеется “свой” шайтан <…> В противовес шайтану человеку придан и “свой” ангел, побуждающий его творить добро» [18. Т. 2. С. 186].

[19] Например, автор дает такое пояснение: «Согласно укоренившейся традиции в рай ведет мост Сират, тонкий как волос, острый, как меч. Под мостом – ад. Праведники свободно идут по мосту, грешники падают в пламя геенны» [9. Т. 6. С. 186].

[20] Известный исследователь барокко считает: «…возможность зашифровать в романе события совсем недавнего прошлого, совмещая их с событиями совсем иных эпох, укоренена в самом мышлении истории, как запечатлевается оно в барочном романе» [19. С. 122].

время «бедный чиновник», «маленький человек». Все эти установки оказываются противоположны и в своем соединении противоречивы: одна дает взгляд сверху, другая изнутри.

В парадоксальное (или обратное) соответствие с этим вступает герой, который пытается найти себя. Ценности им выстраиваются «с нуля» (как, впрочем, свойственно «воспитательному» метароману Нарежного). Герой – как личность, но и как «государь», т.е. олицетворение своего национального пространства, – испытывает дефицит себя как суверенно культурного *места*, переживает момент самоотчуждения; и в барочном ключе это ведет к самоутверждению через «другое» (барочное самоотчуждение «я» в навязываемых судьбой ролях). В связи с похождениями главного героя расширяется пространство и, соответственно, обогащаются этнографические характеристики. Действие начинается на Кавказе, затем в связи с изгнанием героя переносится в области предкавказские (равнинные), обрисованные Нарежным как «Восток» (Астраханское ханство, мусульманство и пр.). Здесь используются уже конкретные названия: Кабарда, Кизляр – Моздок – Астрахань. Это мир истории (пространство показано в своем временно́й проекции), но наряду с этим каждый романный топос репрезентирует «свое» время по принципу симультанной декорации: каждый топос – сцена, показывающая определенную ступень характера мира.

На первом этапе сюжета Кайтук в управлении своим маленьким «государством» осваивает инсигнии как предметы и знаки через увенчания, битье, тумаки. Венчает двуприродность конфликта реально-предметного и знакового – учрежденный Кайтуком «Орден нагайки». Второй этап, связанный со странствием изгнанного Кайтука, начинается с натурализма «голого человека»; акцентируется телесное начало (поэтому усиливается эротизм), темы ритуального, жертвенного. На третьем этапе Кайтук со своими сотоварищами проходит театр социальных ролей. А на четвертом этапе сюжета объектом изображения становится империя – Астраханское ханство, как «другое» по отношению к маленькой вотчине Кайтука, но и как зеркальное «свое».

Учрежденный Кайтуком «Орден нагайки» и странный дворец хана Самсутдина представляют собой вариант «образа-текста», с помощью которого его «хозяин» выражает претензии владения миром.

Область большой политики составляет соотношение государства с другими государствами: Кайтукова вотчина и ближайшие его соседи (издалека присылают посла из Тибета Далай лама), а далее – Астраханское и Казанское ханства. И здесь особую роль в отражении парадокса связи вассала и сюзерена выражают социокультурные знаки креативной природы: «Орден нагайки» и номинации дворцов астраханского хана Самсутдина по названию столиц других стран. Для барочной репрезентации «колониального текста» значима модель ханского дворца как «текста». Дворец Хана состоит из пяти «дворцов-зданий», каждый из которых (о чем не догадывается поначалу читатель) имеет свое название: 1. Астрахань; 2. Москва; 3. Стамбул; 4. Неаполь; 5. Лондон. Дворец Хана – это своего рода модель или метафора мира.

> Я думаю так, – продолжал Хан: – отобедаем в Москве, ибо я давно не ел русских пирогов; после обеда посетим Неаполь и послушаем музыки и пения; – там завернем в Лондон, ибо мне сказали, что кабардинский князь Гирей прислал в подарок пару добрых жеребцов; – вечер проведем в Стамбуле, а на ночь отведите меня в Астрахань [9. Т. 7. С. 89].

Автор специально не сразу объясняет, как может хан преодолевать пространство из Москвы в Лондон или Неаполь. Мнимость возникает от наложения реального пространства (мы воспринимаем названия буквально) и культурно-символического (а также семантически «нулевого» – поскольку перед нами образ-симулякр). «Астрахань», т.е. Астраханское ханство (представленное дворцом Самсутдина) является такой же частью мира, как Московия или Неаполитанское королевство, но через знаковое присвоение этих частей оно репрезентирует себя как целое мира. Части дворца начинают сополагаться по критерию своей объектно-функциональной специализации: «Астрахань» – «арсенал, кладовая и храмина Верховного Совета»; «Москва» – столовая; «Стамбул» – лень, отдых; «Неаполь» – пение, т.е. искусство; «Лондон» – лошади и конюхи. За исключением «Лондона» каждой части соотвествует свой тип красавиц. Этот критерий сужает «государственно-географический» принцип соположения и поэтому сопровождается гротескным усилением искусственности, заложником которой становится сам владелец.

Назир: «…ох мне эта неверная Москва! Как скоро его веление туда заберется, то уже никто, кроме особого приглашенных, не смеет показать и носу. Так де водится у князей и вельмож московских, и их терема столько же непроницаемы, как гаремы турецкие!» [9. Т. 7. С. 91].

При этом возникает уравнивающее соотвествие: терема московские – гаремы турецкие – покои астраханского хана. Знаковое начинает довлеть над буквальным, проблематизируя критерий их различения. Игровая инициатива Я в упорядочивании осуществляется в малом (искусственном) масштабе по аналогии с «театром» прециозного романа или рококо[21]. Объект колонизации (т.е. потенциально колонизируемый или зависимый) начинает разыгрывать себя как субъект колонизации, вводя части мира как имена-знаки в пределы своего владения, т. е. осуществляя фиктивную компенсацию своего реального положения подчинения миру как целому. В такой барочной модели, как своего рода «вавилонской башне», осуществляется симультанная декорация пяти дворцов хана Самсутдина.

В систему отношений власти-подчинения у Нарежного включаются важные составляющие: социальное положение, национальная принадлежность, религиозные воззрения. Личность начинает их самовольно использовать как игровые формы самоидентичности. Знаковое моделирование как альтернатива реальному порядку не исключает, в конце концов, столкновения с этим порядком. Награждая князя Мирзабека нагайкой как знаком ордена, представитель Кайтука сам оказывается наказан реальной нагайкой. Кайтук в своей вотчине мнит себя властителем, присваивая сан первосвященника, затем, изгнанный, надеется на помощь «равных» ему князя Гирея или хана Самсутдина, попадая к последнему в качестве слуги или вассала, подобно тому, как Самсутдин оказывается в плену у своего тестя Курмангалея, а тесть – в плену у Самсутдина («ханство» и того и другого, а также родственные узы – знак этого потенциального равенства).

[21] Аналогию культурно-национальной специализации наложниц астраханского хана в их типе красоты можно увидеть в распределении признаков красоты встречающихся Кайтуку женщин по их национальности (татарки, черкешенки, армянки), когда он попадает в Моздок [9. Т. 6. С. 183].

Герой в своих сюжетных ролевых положениях (от заключения в тюрьме в качестве ложного сантона – до тюрьмы у хана Самсутдина) соприкасается с религиозной практикой, управленческой (общественный функционер); героико-военной. Когда он странствует – им движут интересы политические (вернуть царство) и он – политический изгнанник. Но одновременно он – *никто* (не царь и не личность, а «имитатор» – потенциальный актер). Происходит смена ролей с нулевого положения «голого человека» – до государственного, но эти роли составляют промежуточный слой репрезентации Я, переживающего в них самоотчуждение.

Из плоскости реальных отношений, которые выражает каждая позиция – превосходство, равенство, подчинение – герой в конце концов выталкиваем к осознанию относительности (фиктивности) как реальной (Vanitas) так и креативно-знаковой их ценности; через корреляцию «государя» пространству он ходом событий обращается к скрытому «вертикальному» критерию; он проходит «лабиринт» мира от низшего положения (раб) до высшего (господин) и через драматизм невзгод вмещает мир уже как художественный коррелят: образ героя в системе романа коррелирует с каждым его элементом не только фабульно (горизонтально), но и парадигматически-знаково (вертикально).

В названии «Черный год или горские князья» отражается высокая степень анонимности (через множественное число, через географическую привязку). А с другой стороны, князя Кайтука и его визиря Шамагула и военачальника Бектемира неслучайно читатели назвали тремя осетинскими «мушкетерами» за их дружбу, демократически возобладавшую над царедворской иерархией. Испытания героя определяют его единство с другими: в дружбе (Кайтук и его друзья); в любови (Кайтук – Сафира); в осознании участи народа (Кайтук справедливо оценивает грабеж, чинимый воинами над крестьянами при ханских сражениях; а в финале подчиненый ему народ благоденствует как единая семья).

Но, прежде всего, значимо то, что Кавказ становится контрапунктом к этому горизонтальному пространству движения-странствия. В сюжете романа по-барочному эксплицируются повторы мотивов возвышения и падения. Это в контексте «горной» родины героя (по-

вествователем часто повторяется: «у нас на горах») начинает оплотнятся в метафору «кремнистого пути» как испытания:

> «…сначала объяснения Муллы о близкой моей казни потрясли во внутренности моей то, что не потрясали рыкающие громы и ослепляющие молнии, самовластно правящие вершинами Кавказа с его пропастями, льдами и снежными долинами» [9. Т. 6. С. 154–155]; «однако теперь был я несравненно в лучшем положении, чем прежде, блуждая по родимым горам своим. – Там за утесами и лесами редко видал я солнце небесное, и должен был или умирать с голоду, или услаждать вкус свой сушенными ястребами. Здесь, напротив…» [9. Т. 6. 166–167].

Слова Бектемира в ответ на уныние Кайтука при виде падающих листьев: «На вершинах Кавказа – были мы в своем лете, ныне настала наша осень; легко станется, что не убежим и от зимы суровой. Но неужели никогда не расцветет для нас весна прелестная? Нет!» [9. Т. 6. 263]; «…в перенесении бедствий, обще на нас устремленных с высоты горней, или из пропасти преисподней» [9. Т. 6. 301].

В романе Нарежного присутствует внутренний метафорический смысл или код, который связан с «горой». «– Увы! отвечал он: – после рокового поражения, постигшего тебя на горах, у нас все пошло под гору» [9. Т. 6. С. 327]. С топосом горы связана «вершина» сюжетного положения героя: первоначально Кайтук волюнтаристски присваивает власть и религиозное верховенство. Однако Нарежный обыгрывает и принцип обратного соответствия: вершина власти пробуждает в герое стихию его индивидуалистического и животно-телесного начала (духовный «низ»). «Падение» власти князя сопровождается его спуском с горы, герой попадает в «историческое» горизонтальное пространство, спустившись с гор (как бы упав на землю). И все последующие события, определяющие инициацию «просвещенного властителя», связаны с постепенным внутренним «восхождением» духовного существа героя, его сознания. И пройдя все испытания и достигнув благополучия, князь Кайтук вновь возвращается на «вершину» положения среди своего народа. Тем самым определяется схема «спуска-подъема» сюжета: от дикости через спуск в большой мир – к возвращению в горы с достигнутым знанием мира.

Кавказские горы выражают натуралистический низ примитивных и грубых форм жизни и одновременно «верх» патриархально-

родовой цикличности, так сказать, историческую «девственность» Золотого века как райского безвременья. В этом сказывается «вертикальная» отдаленность этого точечного горного топоса от большого равнинного (исторического) мира, что позволяет Нарежному в финале обратиться к Кавказу как утопии.

В связи с идиллическим поворотом финала контрастно меняются природные реалии горского уклада. В начале романа храм располагался в пещере, а княжеский Совет в каком-то закуте без крыши. В качестве трона использовались покрытые коврами козлы (с которых однажды свалился опьяневший молодой властитель). При неистовом дудении новоявленного первосвященника Кайтука с вершины горы обрушился огромный камень, что потребовало установления нового ритуала поклонения и пр. Естественные факты природной архаики (пещера – храм; козлы – трон; Совет без крыши) в финале превращаются в артефакты. Новая жизнь начинается со строительства, когда в основании крепости Кайтуком закладывается в грязь (низ) камень; а после строительства домов для подданых заканчивается эта тема строительства возведением храмов из цветных камней (где «камень» относится к «верху»). Сакральную акцентировку через «цвет-свет» связи «камня» с виртуальной семой «гор» задает перед возвратом в горы обращение муфтия Шамагулы к своей астраханской свите, при передаче ее Кайтуку: «Великий Алла, да будет вечная хвала ему! осенил души ваши светом истинного разумения; вы охотно за мною устремились, и теперь видите уже блистающие в различных цветах вершины Кавказские, а посреди себя будущего своего властелина» [9. 7. С. 278]. На основе модели «пирамиды» (которая в сакрально-мифологическом ключе имеет переклички с «горой») сакральная и гуманистическая легитимность власти теперь уже определяется снизу вверх: ходом строительства жизни и тем, что сначала создаются семьи, объединяющие пришлых подданых с местными, магометан с язычниками, а уже после возводится княжеский дворец и играется свадьба Кайтука. Утопия самоорганизации на основе семейных отношений между подданными и властителем (автономность, содружество, интернационализм) исключает идею политической зависимости в теме колониальных отношений. Тема «малой» семьи и большой «семьи» властителя и подданных в финальной идиллии опирается на традиции национально-племенной

связи, выступающей для кавказских народов непререкаемым нравственным авторитетом. «Верность роду и святыне домашнего очага – абсолютные ценности для народов Кавказа» [20. С. 87]; «Очень сильные родоплеменные связи на Кавказе сформировали особые братские отношения внутри национальной общности, поддержание которых приобрело культовый характер» [20. С. 88]. Нарежный, связанный с сентиментализмом, подводит под это основание мир бидермайера (житейский круг, семья), как иной срез мира по отношению к индивидуализму и обществу; этот мир нейтрализует (усмиряет) в себе как природно-мифологическое, так и историческое отчуждающее время. За этим проводится ценность покоя народа вдали цивилизации, а образ храма – выражает идею бесконфликтного единства религий[22]. Соединение «Дома» и мира в финале соответствует установке «кавказского текста» на архетип «рая»: «древнейших представлений о существовании гармоничной вселенной (Эдема-Рая) и высшего Знания (Тайны) мироздания, некогда ассоциировавшихся с условно-географическим Востоком» [22. С. 223].

Можно сказать, что последующая литература о Кавказе создает контекст дополнительной актуализации для различных подтекстов этой темы у Нарежного в «Черном годе» и, в свою очередь, резонирует, так сказать, «задним числом» в этом романе.

Литература

1. *Комбай В.А.* В.Т. Нарежный и его кавказский роман: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тбилиси, 1967. 17 с.

2. *Шадури В.* Первый русский роман о Кавказе. Тбилиси: Заря Востока, 1947. 102 с.

3. *Белозерская Н.* Василий Трофимович Нарежный. Историко-литературный очерк. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1896. Ч. 2. 297 с.

4. *Багратион-Мухранели И.Л.* Первый русский роман о Кавказе («Черный год, или Горские князья» В.Т. Нарежного) // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 34–37.

5. *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 847 с.

[22] Эту тему «кавказского текста будет развивать последующая литература (например, у А.С. Пушкина: «…стихотворение “Монастырь на Казбеке“ и его заключительное пятистишие воспринимаются как эпилог путешествия на войну и возвращения в мир духовного покоя и воли» [21. С. 13]).

6. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русское слово, 1997. Т. 5. 730 с.

7. *Манн Ю.В.* Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.

8. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М.: Типография С. Селивановского, 1823. Т. 1. 385 с.

9. *Нарежный В.Т.* Черный год, или Горские князья // Нарежный В.Т. Романы и повести. 2-е издъ.. СПб.: Типография А. Смирдина, 1836. Т. 6. 303 с.; Т. 7. 347 с.

10. *Атеней*. 1829. Ч. IV.

11. *История* русского романа: В 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. 629 с.

12. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976. 276 с.

13. *Кёхэй.* Субъекты колониальной репрезентации // Лев Толстой: Сквозь рубежи и межи. Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University, 2011. С. 167–187.

14. *Русская* монета. URL: http://rucoin.ru/catalogue/aleksandr1/6/

15. *Лотман Ю.М.* Блок и народная культура города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 3. С. 185–200.

16. *Смирнов И.П.* Бытие и творчество. СПб.: Канун, 1996. 192 с.

17. *Михед П.В.* Крізь призму бароко. Киев: Ніка-Центр, 2002. 328 с.

18. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.

19. *Михайлов А.В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры: учебное пособие по культурологи. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.

20. *Урюпин И.С.* «Кавказский текст» в творчестве М.А. Булгакова // От текста к контексту. 2014. № 1. С. 83–89.

21. *Янушкевич А.С.* Русская романтическая монтанистика 1810–1830-х гг. как имагологический и компаративистский текст // Имагология и компаративистика 2015. № 2 (4). С. 5–19.

22. *Багратион-Мухранели И.Л.* Репрезентация Грузии и Кавказа в русской литературе XIX – начала XX века: дис. …д-ра филол. наук. Тверь, 2015. 365 с.

THE BAROQUE STRATEGY OF REPRESENTING THE "CAUCASIAN TEXT" IN THE NOVEL BY V.T. NAREZHNY *BLACK YEAR, OR THE MOUNTAIN PRINCES*

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 90–112. DOI: 10.17223/24099554/12/5

Nikolay V. Khomuk, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: homuk1@yandex.ru

Keywords: V.T. Narezhny, *Black Year*, Caucasus, Caucasian text, Baroque.

V.T. Narezhny's *Black Year, or The Mountain Princes* (1829) was perceived as a social satire and fell out of the imagological context of the Caucasian theme. Narezhny witnessed and participated in the events of Georgia's annexation to Russia, which influenced his novel. It was Narezhny, who switched the political novel of the 18th century to the reality in its familiarly reorganizing intentions. The life of Caucasian peoples is portrayed through a "carnival" culture. *Black Year* is a popular-laughable overture of the Baroque type of Caucasian text. The explication of the historical and cultural concreteness of space allows playing with the real, fictional, and metaphorical, for which Narezhny employs various forms of the "street theatre", Little Russian Nativity plays, the baroque effects of emblemisation, the rococo theatricality and the ideological edification of the Enlightenment theatre. The metaphysical component of the local text makes religious motives important for Narezhny's novel. The real historical "liminality" of the national life in the Caucasus being annexed to Russia is sublimated into the hero as an "internal plot": his choice and search correspond to the choice of Caucasian nationalities on the threshold of world politics. The writer's position is influenced by his direct participation in the events that initiate the novel. He is a representative of the empire with regard to the "material" and "context" of the novel; however, he is a representative of Ukraine. Socially, he is to execute the emperor's will to local peoples, while, on the other hand, he is a "poor official", "little man". These attitudes are opposite and contradictory in their combination, with one giving a view from above, and the other from the inside. The hero, striving for self-identification, paradoxically corresponds to this narrative. As an individual and a "sovereign", personifying his national space, the hero suffers from a deficit of his cultural *place*, experiencing a moment of self-alienation. In the Baroque vein, this leads to self-assertion through the "other" (the Baroque "I" self-estrangement in roles imposed by fate). Narezhny's system of power-subordination includes social status, nationality, and religious views. The person begins to arbitrarily use them as play forms of self-identity. The plot contains a baroque-like explication of repeated motives of rise and fall. In the context of the "mountainous" homeland, it begins to condense into the metaphor of the "stony path" as an ordeal. The novel contains a metaphorical code associated with the "mountains". In the final, the description of the life order fits into cosmological coordinates, and the theme of the "family" of the ruler and subjects is based on the tradition of national-tribal communication, which is a moral authority for the Caucasian peoples.

References

1. Kombay, V.A. (1967) *V.T. Narezhnyy i ego kavkazskiy roman* [V.T. Narezhny and his Caucasian novel]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.

2. Shaduri, V. (1947) *Pervyy russkiy roman o Kavkaze* [The first Russian novel about the Caucasus]. Tbilisi: Zarya Vostoka.

3. Belozerskaya, N. (1896) *Vasiliy Trofimovich Narezhnyy. Istoriko-literaturnyy ocherk* [Vasily Trofimovich Narezhny. Historical and literary essay]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva.

4. Bagration-Mukhraneli, I.L. (2012) The First Russian Novel about The Caucasus "Black Year, or The Mountain Princes" by V.T. Narezhny. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4(30). pp. 34–37. (In Russian).

5. Lotman, Yu.M. (2000) *Pushkin* [Pushkin]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.

6. Bakhtin, M.M. (1997) Sobranie sochineniy: v 7 t [Collected Works: In 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkoe slovo.

7. Mann, Yu.V. (1987) *Dialektika khudozhestvennogo obraza* [The Dialectic of the Artistic Image]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

8. Bronevsky, S. (1823) *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavakaze* [Latest geographic and historical information about the Caucasus]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo.

9. Narezhny, V.T. (1836) Romany i povesti [Novels and novellas]. Vols 6–7. St. Petersburg: Tipografiya A. Smirdina.

10. *Ateney*. (1829). 4.

11. Bushmin, A.S. et al. (eds) (1962) *Istoriya russkogo romana: V 2 t* [History of the Russian Novel: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS.

12. Dumézil, G. (1976) *Osetinskiy epos i mifologiya* [Ossetian Epic and Mythology]. Moscow: Nauka.

13. Kyouhei, N. (2011) Sub"ekty kolonial'noy reprezentatsii [The subjects of colonial representation]. In: Nakamura, T. (ed.) *Lev Tolstoy: Skvoz' rubezhi i mezhi* [Leo Tolstoy: Through the boundaries and interies]. Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University. pp. 167–187.

14. Rucoin.ru. (n.d.) *Russkaya moneta* [Russian coins]. [Online] Available from: http://rucoin.ru/catalogue/aleksandr1/6/

15. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: V 3 t*. [Selected Articles: In 3 vols]. Vol. 3. Tallinn: Aleksandra. pp. 185–200.

16. Smirnov, I.P. (1996) *Bytie i tvorchestvo* [Being and Creativity]. St. Petersburg: Kanun.

17. Mikhed, P.V. (2002) *Kriz' prizmu baroko* [Through the prism of the Baroque]. Kyiv: Nika-Tsentr.

18. Tokarev. S.A. (ed.) (1992) *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World. An Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

19. Mikhaylov, A.V. (1997) *Yazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 112–175.

20. Uryupin, I.S. (2014) "Kavkazskiy tekst" v tvorchestve M.A. Bulgakova ["The Caucasian text" in works by M.A. Bulgakov]. *Ot teksta k kontekstu*. 1. pp.83–89.

21. Yanushkevich, A.S. (2015) Mountain art, or the "mountain philosophy" of Russian Romanticism of 1810s – 1830s. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2(4). pp. 5–19. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/4/1

22. Bagration-Mukhraneli, I.L. (2015) *Reprezentatsiya Gruzii i Kavkaza v russkoy li-terature XIX – nachala XX veka* [Representation of Georgia and the Caucasus in Russian literature of the 19th – early 20th century]. Philology Dr. Diss. Tver.

УДК 82.091 + 821.161.1
DOI: 10.17223/24099554/12/6

Е.Ю. Сафронова

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ В СИБИРСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается, как в сибирских произведениях Ф.М. Достоевского создается емкий, многогранный образ Германии. Писатель преклоняется перед центром европейской цивилизации (литература, философия, музыка, образование, техника), названы знаковые фигуры немецкой культуры (Кант, Бетховен и др.), обозначены топосы (Франкфурт, Карлсруэ), в произведениях используются немецкие выражения. Однако бездумное копирование, увлечение европейским грозит России утратой национальной самобытности.
Ключевые слова: *Достоевский, Германия, Сибирь, топос, образ, немец, «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», поэтика, комическое*.

Тема взаимосвязи Достоевского и Германии широка и многоаспектна, но недостаточно изучена. Наиболее исследован биографический аспект, связанный с путешествиями писателя в Европу в 1862, 1863, 1865, 1867 и 1879 гг. (А.С. Долинин [1], С.В. Белов [2], K. Hielscher [3] и др.). Другой, не менее интересный, – немецкая литература и философия как один из источников творчества Достоевского. Так, ученых особенно интересовало влияние Ф. Шиллера (Н. Вильмонт [4], Ю. Данилевский [5. С. 464-490], Kim R. Humiston [6], C. Schulz [7], И.И. Евлампиев [8] и др.), Г. Гейне (В. Комарович [9]), И.В. Гете (Г.К. Щенников [10], И.З. Серман [11], А. Ковач [12], Э.М. Жилякова [13]), И. Канта (Я.Э. Голосовкер [14], О. Осмоловский [15]), Ф. Шеллинга (В.Н. Белопольский [16] и др.), И. Фихте (И.И. Евлампиев [8]) на формирование индивидуальности и нарративных стратегий русского писателя. Много исследователей изучают и обратное влияние: метатекста Достоевского на развитие немецкой литературы, философии, культуры в целом (В.В. Дудкин [17], К.М. Азадовский [18], О.А Богданова [19], H.-J. Gerigk [20, 21] и др.). Интегри-

рующую функцию в этом направлении исследований выполняет Немецкое общество Достоевского. Так, например, цель конференции в 2009 г. в Католической академии имени Франца Хитце Хауса в Мюнстере состояла в том, чтобы проследить многочисленные связи писателя с европейской интеллектуальной историей, «оживить» его путешествия по Западной Европе, представить его письма и журналистику об европейском настоящем, осмыслить предлагаемую Достоевским антропологическую, географическую и, прежде всего, духовную перспективу[1].

Кроме того, продуктивными являются имагологические исследования, созданные в междисциплинарном диалоге, на стыке истории, социологии, культурологии, географии, литературоведения, сравнительно-исторического языкознания, философии культуры.

В таком геокультурном, геопоэтическом аспекте особенно интересным представляется именно немецкая тема русской литературы. Во-первых, Россия со времен Петра I получила «прививку» немецкой культуры. Из Германии прибыло большое количество мигрантов, в основном представители интеллектуальной и культурной элиты (наука, медицина, образование, театр). По словам С.В. Оболенской, «ни с одним из европейских народов русские не имели, начиная с XVIII века, такого тесного и даже отчасти “домашнего” соприкосновения, как с немцами» [23. С. 10]. Во-вторых, А.Б. Криницын справедливо акцентирует родство русского и немецкого менталитетов, особую геополитическую близость, типологическое сходство культурного развития, культурную гомогенность России и Германии [24. С. 178–179]. В-третьих, в России в XIX в. наблюдается рост национального самосознания, осмысления места страны в мировой истории. Соответственно «многочисленные и разнообразные контакты русских с немцами не могли не войти в качестве сущностного компонента в реальность художественных произведений. Со временем образовался более или менее устойчивый комплекс неких сте-

[1] «Diese Tagung sollte Fëdor Dostoevskijs unterschiedlichen Beziehungen zur europäischen Geistesgeschichte aufdecken, seine Reisen durch Westeuropa aufleben und seine Briefe und Publizistik über die europäische Gegenwart vorstellen. Europa sollte eine anthropologische, geographische und vor allem eine geistige Perspektivisierung erhalten» [22. С. 7].

реотипных черт, маркируемых конвенциональной литературной “немецкостью”» [25. С. 126]. Так, уже в романтической литературе образ немца – зачастую бытовой типаж, «идеальный» филистер, квинтэссенция мещанской пошлости: «расчетливость, переходящая в скупость, аккуратность, переливающаяся в педантизм» [23. С. 42].

Как справедливо отмечает Н.В. Буткова, посвятившая диссертацию сравнению образов Германии и немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского, немецкие персонажи возникают «уже в ранних произведениях Достоевского («Бедные люди», «Двойник», «Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные»). В основном это эпизодические персонажи, нередко данные в комедийном ключе. Писатель как бы продолжает гоголевскую галерею петербургских немцев» [26. С. 15]. Для такой сатирической традиции характерно пародирование путем снижения и гиперболизации черт характера инородцев: немецкая точность, расчетливость, педантизм, планирование за полгода, сентиментальность и т.д.

Есть исследования, посвященные изучению образа Германии в отдельных текстах Достоевского. Н.В. Буткова в своей диссертации [26] в основном касается больших романов писателя: «Униженные и оскорбленные», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Р. Кидера рассматривает образы немцев и проявления немецкой культуры в романе «Преступление и наказание», вскользь затрагивая и другие произведения: «Зимние заметки о летних впечатлениях», роман «Игрок». Анализируя жизнь немецких эмигрантов в столице и немецкие артефакты в текстах Достоевского, она приходит к выводу, что «Петербург находился под влиянием немецкой культуры, а жизнь простых горожан было наполнено немецкими вещами» [27. С. 39] и Достоевский достоверно воссоздает эту особенность многонационального мира Петербурга.

Образ Германии в «Дневнике писателя» Ф. Достоевского рассматривали П.В. Алексеев и Э. Биллиет [28].

Всесторонне исследована тема Германии в повести «Двойник» (В.П. Владимирцев, Н.В. Константинова). Произведение отличается «художественным совершенством в разработке (раскручивании) немецкой темы в творчестве Достоевского» [29. С. 176]. Н.В. Константинова уделяет особое внимание интерпретации имен героев немецкого происхождения, описанию их функции в сюжете, делает вывод о диалогиче-

ском строении сознания Голядкина, акцентирует связь героя с традицией народного кукольного театра (театра Петрушки).

В процессе подготовки «Словаря языка Достоевского» анализируя реалии культуры, истории и быта Германии, Р. Чаппл приходит к выводу, что интерес писателя к немецкой культуре «прослеживается с первых до последних произведений, начиная с «Бедных людей» и кончая «Братьями Карамазовыми», однако «в разные годы его интересуют неодинаковые ее тенденции» [30. С. 254]. В подтверждение своей точки зрения, ученый приводит следующую частотную таблицу [30. С. 254]:

Произведение	Дата издания	Число ссылок
«Бедные люди»	1846	1
«Белые ночи»	1848	3
«Чужая жена и муж под кроватью»	1848	1
«Маленький герой»	1857	2
«Дядюшкин сон»	1859	3
«Униженные и оскорбленные»	1861	12
«Записки из подполья»	1864	1
«Преступление и наказание»	1866	4
«Игрок»	1866	1
«Идиот»	1868	5
«Вечный муж»	1870	2
«Бесы»	1871—1872	9
«Подросток»	1875	8
«Кроткая»	1876	5
«Братья Карамазовы»	1879	18

Комментируя данные, Р. Чаппл пишет: «12 из 22 упоминаний немецких реалий найдены в одном произведении – «Униженные и оскорбленные», где значительная часть фабульной истории героев развертывается в Западной Европе. Можно с достоверностью утверждать, что интерес Достоевского к немецкой культуре зрел одновременно с его творчеством в целом. Наибольший интерес вызывали у Достоевского три писателя: Гете, Шиллер и Гейне. Из 75 отсылок к произведениям немецких писателей в различных сочинениях его, принятых во внимание в приведенной таблице, 41 относится к этим трем писателям: 19 отсылок к имени и сочинениям Шиллера, 15 – к произведениям Гете, 7 – к стихотворениям Гейне. Причем в «Братьях Карамазовых» отмечается больше ссылок на явления немецкой культуры, чем в любом другом произведении. 15 из 18 отсылок относятся здесь к трем названным писателям, 11 – к Шиллеру» [30. С. 254].

Недостаточно изученными видятся сибирские произведения писателя. Темы образов Германии касался М. Гиголашвили и вскользь Р. Чаппл, хотя она нуждается в более тщательном и подробной анализе. На наш взгляд, рецепция немецкой культуры в творчестве Ф.М. Достоевского до его посещения Германии (первый раз в 1862 г.) представляется наиболее интересной, поскольку позволяет осмыслить, как в художественном творчестве создается мифологема немецкой культуры, основанная не на индивидуальном опыте личности, а базирующаяся на стереотипных клишированных представлениях о стране и литературных претекстах.

Тема статьи логично вытекает из биографического контекста. Первое письмо Достоевского, адресованное брату Михаилу 30 января – 22 февраля 1854 г. из Омска, рассказывает о пережитом, но и также выражает стремление скорого возвращения в литературу. Пунктирно намечая творческие планы, автор просит прислать свежих литературных журналов («Отечественные записки»), историков древних, экономистов и отцов церкви. Понимая, что его запросы большие, конкретизирует просьбу: «Знай только, что самая первая книга, которая мне нужна, – это немецкий лексикон» [31. Т. 28-1. С. 172]. И далее: «Не забудь меня книгами, любезный друг <…> Пришли мне Коран. „Critique de rason pure“ Канта и <…> пришли непременно Гегеля, в особенности Гегелеву «Историю философии». С этим вся моя будущность соединена!» [31. Т. 28-1. С. 173]. Т.е. Германия, немецкий язык и философия воспринимались автором как основание, предпосылки и источники творчества.

В сибирских произведениях Достоевского образы Германии и немецкой культуры представлены неоднозначно, амбивалентно. С одной стороны, Германия – сердце Европы, сокровищница высших достижений науки, образования, философии, искусства, популярное место стажировок, повышения квалификации, особенно в области инженерных наук, кораблестроения, медицины и т.д. Связи Германии с Россией были тесными и продолжительными, большое количество немцев привез Петр I и миграция продолжалась в XVIII–XIX веках.

Благодаря частым научным и культурным связям, Германии казалась близкой, почти родной, вследствие чего ее образ с легкостью подвергался комическому снижению и обыгрыванию. В литературе к обра-

зу Германии обращался А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь. Эту традицию сатирического снижения и осмеяния продолжает и Достоевский.

Важно отметить, что в повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели», восходящим к единому замыслу комического романа [31. Т. 2. С. 510], воспроизводится не реальный топос, а создается мифологема Германии. Так, например, сатирически обыгрываются небольшие размеры Германии по сравнению с огромной территорией Российской империи. Как остроумно замечает П.А. Мозгляков, у кучера князя К. Феофила «…борода с немецкое государство» [31. Т. 2. С. 318]. В этом ироничном сравнении очевидна разница масштабов стран по географической площади. В этой шутке сосредоточен сарказм автора: как при такой очевидной разности масштабов стран Россия может слепо, бездумно подражать модным тенденциям времени, иногда прямо противоречащим здравому смыслу. Например, князь К., выписал из-за границы «…бороду кучерскую, – действительно, борода заглядение! Но оказывается, что у Феофила своя собственная чуть не в два раза больше. Разумеется, возникло недоумение: сбрить ли свою или присланную назад отослать, а носить натуральную? Я думал-думал и решил, что уж лучше носить искусственную» [31. Т. 2. С. 318]. Тема бороды как знака «русскости» продолжена в реплике Москалевой о купце Бородуеве: «Я и всегда, впрочем, любила в нем всё это старинное русское, неподдельное...» [31. Т. 2. С. 339], а также авторском акцентировании облика князя К., который «…носил парик, усы, бакенбарды и даже эспаньолку – всё, до последнего волоска, накладное и великолепного черного цвета» [31. Т. 2. С. 300].

Протест против господского произвола кучером с говорящим именем Феофил (греч. Θεόφιλος – любящий Бога) реализован в виде индивидуальной революции – перевернутой коляски с господином, что отменяет путешествие. При этом сам князь в дорожной «случайности» видит попытку покушения на убийство, позднее, вслед за Мозгляковым оценивает происшествие как анекдот. Петр Александрович, стремясь поразить слушателей в салоне Марьи Александровны своей образованностью называет случай спасения князя по дороге в Мордасов по-немецки: «Вот и вся история! Eine allerliebste

Geschichte!» [31. Т. 2. С. 306], что можно перевести как премилая или прелестная история[2].

Использование немецкого выражения в щекотливой ситуации демонстрирует не столько способность Мозглякова с юмором отнестись к неприятной ситуации или гуманность героя, который всегда

[2] Отметим, что похожее выражение встречается и в повести «Крокодил», но с использованием траслитерации, в кириллице – «о мейн аллерлибстер Карльхен!» [31. Т. 5. С. 183]. В ППС это выражение (нем. O mein allerliebster Karlchen!) переводится как «мой милейший Карльхен» [31. Т. 5. С. 394]. На наш взгляд, более точно на русский язык это можно передать как «о мой дорогой или самый любимый Карлуша!», поскольку суффикс – chen имеет уменьшительно-ласкательное значение (Ср. Гретхен от Маргаретта, Грета в поэме Гете «Фауст»). При этом важно, что у обоих героев (Мозгляков и немец) «приступ» нежности появляется в момент возможной потери. Фраза в контексте обретает дополнительные смыслы: «О мой крокодил, о мейн аллерлибстер Карльхен! Муттер, мутер, мутер!» [31. Т. 5. С. 183], что переводится как «О мой крокодил, о мой самый любимый Карлуша! Матушка! Матушка! Матушка», отсылая в фольклорной немецкой песенке «Ach, du lieber Augustin»:

O, du lieber Augustin, Augustin, Augustin,	Ох, милый Августин, Августин, Августин,
O, du lieber Augustin, alles ist hin.	Ох, милый Августин, всё пропало.
Geld ist weg, s' Mäd´l ist weg,	Нет ни денег, ни девушек,
Alles weg, Augustin.	Всё прошло, Августин.
O, du lieber Augustin,	Ох, милый Августин,
Alles ist hin.	Всё пропало.
<…>	<…>
Jeder Tag war ein Fest,	Каждый день был праздник,
Und was jetzt? Pest, die Pest!	А теперь? Чума, чума!
Nur ein groß' Leichenfest,	Только большой праздник мёртвых,
Das ist der Rest.	Это конец.
Augustin, Augustin,	Августин, Августин,
Leg' nur ins Grab dich hin!	Ложись в могилу!
Oh, du lieber Augustin,	Ох, милый Августин,
Alles ist hin!	Всё пропало!

Слова этой фольклорной песенки «Ach, du lieber Augustin», по наблюдению Р. Чаппла, также цитируются в оригинале («Mein lieber Augustin»), и в русской транслитерации («О мейн либер Августин») в романе «Униженные и оскорбленные» с целью осмеяния Генриха [30. С. 243].

готов прийти на помощь, а скорее показывает, что столичный франт твердо знает по-немецки лишь несколько фраз.

Германия представлена в повести «Дядюшкин сон» не только как законодательница мод. Достоевским иронически обыграны высокие стандарты немецкого образования, которое до сих пор считается лучшим в мире. В XVIII–XIX вв. оно пользовалось большим успехом среди русской дворянской молодежи, обучение было массовым и похожим на паломничество. С иронией об этом обстоятельстве биографии Ленского писал А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин»:

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал:
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо **геттингенской**,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч [32. С. 68–69].

Геттингенский университет имени Георга Августа, который окончил пушкинский герой, славится классическим гуманитарным образованием, духом свободы. Однако воспитанные в Alma Mater высокие идеалы Ленского становятся плодом сплетен провинциальных помещиков и являются, в какой-то мере, и причиной гибели влюбленного поэта.

Продолжая литературную традицию, Достоевский очень иронично относится к классическому немецкому образованию и достижениям философии, воплотившей цвет немецкой культуры. Так, престарелый князь К. вспоминает о молодости за границей: «Я и философии обучался в Германии, весь курс прошел, но только тогда же все совершенно забыл» [31. Т. 2. С. 315]. Уточним, что во время молодости героя – начале XIX века – преподавали, к примеру, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, И.К. Розенкранц, А. Тренделенбург, Ф. Шеллинг, Ф. Шлейермахер.

Еще одним объектом пародии писателя становится основоположник немецкой классической философии, преподававший в Кёнигсбергском университете в 1755-1795 гг. Иммануил Кант. Фундаментальность и неприменимость к жизни немецкого классического образования саркастически высмеивается через сопоставление философа с образом слуги Тирентия, который «Глуп фе-но-менально! смотрит, как баран на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! Ну, а – ведь это в белом галстухе и во всем параде составляет эффект. Я душевно его полюбил. Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет, – такой важный вид! одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» [31. Т. 2. С. 313].

Бесспорно, что изображение Терентия имеет карикатурный характер. По одной этой фразе можно сделать выводы о степени воспитанности князя и уровне его остаточных знаний. Поразительна способность героя сопоставлять, точнее, хаотично объединять, казалось бы, абсолютно несопоставимые вещи. В то же время, комическое сопоставление Достоевского, кажущееся на первый взгляд нелепым, имеет под собой глубокие основания и демонстрирует «глубину» сарказма, доходящего до гротеска. Кроме того, рискнем предположить, что Достоевский обыгрывает и некоторые любопытные подробности бытовой жизни философа.

Во-первых, И. Кант – основатель немецкой классической философии, преподаватель логики и метафизики, автор фундаментальных работ по гносеологии, этике и эстетике: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога», «Основы метафизики нравственности». Ему принадлежат философские категории категорического императива, трансцедентального идеализма, трансцедентального единства апперцепции, способности суждения, вечного мира. При условии, что князю К. около восьмидесяти лет, он теоретически мог быть учеником Канта:

«– Скажите, дядюшка, вы учились логике? <…>

– Учился, друг мой, но только очень давно. Я и философии обучался в Германии, весь курс прошел, но только тогда же все совершенно забыл» [31. Т. 2. С. 315].

Во-вторых, у Канта есть трактат «Религия в пределах только разума», в котором идет речь о вариативности соотношения в человеке природно-биологического и когнитивно-социального. Другими словами, масштаб личности человека определяется его способностью духовного роста и доминированием одного из трех уровней.

«1. Задатки животности человека как живого существа.

2. Задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного.

3. Задатки его личности как существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки» [33. С. 96].

Сатирическое снижение и обыгрывание этой философской идеи Канта происходит в романе «Житейские воззрения кота Мурра» Э.Т.А. Гофмана, который также жил в Кенисберге и был учеником И. Канта, что подробно исследовал Л.А. Калинников [34–36]. Возможно, что и Достоевский проявляет интерес к этой книге философа. С другой стороны, в сопоставлении величайшего философа с индюком «просвечивают» некоторые интересные подробности бытовой жизни Канта.

Известно, что Кант не обладал красивой внешностью, был низкого роста, имел низкие плечи и впалую грудь. В его доме всегда было прохладно – не более 15 градусов, потому что он считал необходимым держать голову и ноги в холоде для сохранения здоровья.

В-третьих, Кант всегда был обаятелен и элегантно одет. В молодости у него даже было прозвище «элегантный магистр». Он исправно посещал портного и парикмахера, с тщательностью и педантичностью относился к мельчайшим деталям своего туалета. Однажды он даже потерял мысль и логику лекции, когда увидел беспорядок костюма его студента. «Кант имел обыкновение во все время лекции устремлять взор на одного из студентов, сидевших на передней скамье. Однажды случилось так, что Кант избрал студента, у которого не хватало на сюртуке пуговицы. Этот пробел в костюме молодого человека до такой степени нарушил покой Канта, что он был крайне рассеян, сбивался и прочел совсем неудачную лекцию» [37].

Пожалуй, самым юмористическим фактом в бытовой жизни Канта является то, что выдающийся философ был редким гурманом, превращающим еду в культ. Кант никогда не обедал в одиночестве, а был гостеприимным хозяином. Он считал, что число сотрапезников

должно быть от трех до шести, чтобы беседа была приятной и всеобщей. Он далеко не был занудой даже в аудитории: он читал лекции медленно, разбавляя свои философские идеи юмором. «Знакомый с Кантом по работам и лекциям, – утверждает Яхман, – знает его лишь наполовину: полностью мудрец раскрывался в кругу собеседников» [38]. Застольный разговор превращался в игру, в которой нельзя допускать тягости тишины. За столом также важны умение поддержать беседу со всеми на любую тему, владеть аудиторией, выслушивать собеседника, примирять дебаты шуткой. Такова «эстетика разговора» [38].

Философ, одержимый идеей здорового образа жизни, позволял себе только одну трапезу в день. Обед был достаточно обильным, с хорошим вином и продолжался с 13.00 до 15.30. «Он ел не просто с аппетитом, но с наслаждением, – вспоминал один из гостей Канта (вероятно, не подозревавший, что у хозяина сутки до этого во рту не было ни крошки). На его лице читалось вожделение; выразительные взгляды, которые он бросал то на одно блюдо, то на другое, говорили о том, что в этот момент он целиком человек застолья» [38]. Кант действительно любил вкусно поесть, понимал толк в приготовлении пищи и был не прочь порассуждать на эту тему. Хиппель уверял, что Кант намеревался написать «Критику кулинарного искусства» [38].

Можно предположить, что Достоевский создает едкую пародию не только на личность, но и на философское учение Канта, соединяя и переворачивая в комическом образе кантианскую концепцию ступеней развития человека. Высшая ступень развития индивидуума – это существо разумное и вместе с тем способное отвечать за свои поступки. Это сам великий немецкий философ Кант с его категорическим императивом. Вторая ступень развития индивидуума – задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного – представлена в образе Тирентия, который «Глуп фе-номенально! смотрит, как баран на воду! Но какая са-но-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! Ну, а – ведь это в белом галстухе и во всем параде составляет эффект. Я душевно его полюбил. Иной раз смотрю на него и засматриваюсь: решительно диссертацию сочиняет…» [31. Т. 2. С. 313]. Низшая ступень развития индивидуума – это задатки животности, доминирование в чело-

веке природно-биологического – «…такой важный вид! <…> откормленный жирный индюк» [31. Т. 2. С. 313]. Приемы нисходящей градации и оксюморона создают мощный пародийный эффект, низводя создателя немецкой идеалистической философии, автора категории чистого разума до жирного индюка.

Отметим, что индюк (Meleagris gallopavo Linnaeus) производит впечатление важной, самодостаточной птицы, которая с чувством собственного достоинства осуществляет незамысловатую деятельность. Первоначальное название – индейский петух. У индюка всегда шея и ноги красного цвета и сама птица имеет нарядный вид. В отличие от других пернатых индюк хорошо переносит холод.

Кроме того, в русском языке есть пословица «надулся как индюк (индейский петух)», которую используют по отношению к заносчивому, надменному, гордому человеку, имеющему напыщенный и глупый вид. Выражение имеет помету разговорно-сниженное и бранное. Словарь Даля фиксирует и выражение «думает как индейский петух» [39. С. 45]. То, что князь намекает на такие выражения в светском обществе, стремясь произвести впечатление на дам искрометностью юмора, напротив, обнажает изъяны его образования и манер. Кроме того, он использует разговорно-сниженные или диалектные формы слов: галстух, бакены, мамзель и т.д. В то же время по контрасту имя слуги Терентия происходит от лат. teres – вежливый.

Возможно, что к биографии Канта[3], точнее его одиночеству, восходит следующий эпизод повести: «Я помню, когда я был за грани-

[3] Кроме того, с ориентацией и в полемике с И. Кантом будет разворачиваться дальнейшая художественная и публицистическая рефлексия Ф.М. Достоевского Важно, что имя философа возникает и в «Дневнике писателя». Так, в «Дневнике писателя» за август 1880 г. изображается картинка идеального общества – совершенного христианства, где каждый занимается тем, в чем имеет способности: «Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, волей своей придет и будет выносить у Шекспира ненужное» [31. Т. 26. С. 163]. При этом важно, что среди гениев духа, за которых добровольно выполняют физическую работу другие, чтобы освободить их часы, называется И. Кант. В «Дневнике писателя» за январь 1881 г. Достоевский вновь

цей в двадцатых годах, там было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессе, француженке. Я тогда был чрезвычайно влюблен и хотел посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочем, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовал, один немецкий барон» [31. Т. 2. С. 315]. Кант был поклонником женской красоты. «Мыслителю нравились женщины, и он дважды хотел жениться. Но это был такой человек, который тщательно обдумывает важные решения. И оба раза Кант так долго думал над женитьбой, что первая невеста успела выйти замуж за другого, а вторая – переехать» [40]. В данном случае пародируется процесс быстроты / долготы обдумывания в принятии решения о заключении брака.

Кроме того, отметим, что «[в] глубокой старости Кант ослеп на левый глаз, но сохранил способность наслаждаться женской красотой: на застольях он предлагал красивым девушкам занять место справа от себя» [41]. Так и старый князь К. невзирая на возраст, является большим поклонником женщин.

Утрата Кантом в старости не только зрения, но и слуха сближает его с еще одним выдающимся представителем немецкой культуры Бетховеном, который тоже появляется в повести в речи старого князя К. в процессе хвастливого самоутверждения:

«Я очень люблю му-зы-ку. Я за границей с **Бетховеном** был знаком.

– С **Бетховеном**! Вообрази, Зина, князь был знаком с **Бетховеном**! – кричит в восторге Марья Александровна. – Ах, князь! неужели вы были знакомы с Бетховеном?

– Ну да… мы были с ним на дру-жес-кой но-ге. И вечно у него нос в табаке. Такой смешной!

упоминает И. Канта, размышляя о том, почему европейцы не могут русских «*своими* признать» [31. Т. 27. С. 35]. Автор подчеркивает, что «[о]ни, например, охотно сознаются, что русская наука может выставить уже несколько замечательных деятелей, представить несколько хороших работ, даже послуживших уже их европейской науке в пользу. Но ни за что, однако же, не поверит теперь Европа, что у нас в России могут родиться не одни только работники в науке (хотя бы и очень талантливые), а и гении, руководители человечества вроде Бэкона, Канта и Аристотеля. Этому они никогда не поверят, ибо в цивилизацию нашу не верят, а нашей грядущей идеи еще не знают» [31. Т. 27. С. 35].

– **Бетховен**?

– Ну да, **Бетховен**. Впрочем, может быть, это и не **Бет-хо-вен**, а какой-нибудь другой **не-мец**. Там очень **много нем-цев**… Впрочем, я, кажется, сби-ва-юсь» [31. Т. 2. С. 343].

Фигура Бетховена описывается пародийно, в духе хлестаковской лжи и не имеет ничего общего с реальностью, емко характеризуя князя Гаврилу. Во-первых, основным местожительства и творчества композитора был не родной Бонн, а Вена. Во-вторых, Бетховен никогда не курил. Скорее, это музыкальный символ Германии. Семикратное повторение в таком небольшом фрагменте текста имени немецкого композитора выполняет очень важную характеризующую роль. Князь стремится сделать себя причастным к выдающимся проявлениям европейской культуры, хотя бы в мордасовском салоне стать равновеликим творцам. Англия, Австрия, Германия, Франция быстро мелькают в речи престарелого князя К., причем литература, музыка, политика, философия упоминаются им в одном ряду, пародируя типичные темы «культурного» светского разговора. В этом заключается ирония Достоевского, что знакомство князя с ключевыми фигурами, творцами истории настолько поверхностно, нет глубокого знания и понимания, поэтому большой разницы между Бетховеным и, к примеру, Байроном и Наполеоном и поляком, ухарски танцующем краковяк на венском конгрессе, нет.

Ложь в духе Хлестакова продолжается совсем фантастической историей о том, как лакей Сидор сбежал от князя во Франкфруте: «Я, дейст-ви-тельно, в старину к одной масонской ложе за границей при-над-лежал и даже имел, в свою очередь, очень много великодушных идей. Я даже собирался тогда много сделать для сов-ре-менного прос-вещения и уж совсем было положил в **Франкфурте** моего Сидора, которого с собой за границу повез, на волю от-пус-тить. Но он, к удивлению моему, сам бежал от меня. Чрезвычайно странный был че-ло-век, потом вдруг встречаю его в Па-ри-же, франтом таким, в бакенах, идет по буль-вару с мамзелью. Поглядел на меня, кивнул го-ло-вой. И мамзель с ним такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая…» [31. Т. 2. С. 375–376].

В Германии действительно было очень развито масонское движение и ложи находились во многих городах, в том числе и во Франкфурте. К масонам принадлежал, в частности, и Бетховен. Гу-

манистические идеи братского отношения комично преломляются в желании князя отпустить на волю своего слугу Сидора.

Таким образом, в существующей в сознании князя К. мифологической карте Германии имплицитно представлены топосы Кенисберга (Кант) и Бонна (Бетховен). Кроме того, гипотетически можно восстановить (скорее воображаемый, чем реальный) маршрут князя по Европе. Возможно, что в повести пародируются модные курорты Германии: Бад, Эмс, Висбаден, Баден-Баден, в которых практиковалось лечение гидропатией как универсальное средство от всех болезней. «Я, признаюсь, ничем не был болен; ну, пристали ко мне: "Лечись да лечись!" Я, из деликатности, и начал пить воду; думаю: и в самом деле легче сделается. Пил-пил, пил-пил, выпил целый водопад, и, знаете, эта гидропатия полезная вещь и ужасно много пользы мне принесла, так что если б я наконец не забо-лел, то уверяю вас, что был бы совершенно здоров…» [31. Т. 2. С. 315], – признается князь. Для создания юмористического эффекта используется гипербола («выпил целый водопад»), восходящая градация, а также прием обманутого ожидания: новейший способ лечения провоцирует болезнь.

В повести «Дядюшкин сон» травестийно обыгрывается увлечение наукой: «один немецкий ученый, нарочно приезжавший из Карльсруэ исследовать особенный род червячка с рожками, который водится в нашей губернии, и написавший об этом червячке четыре тома in quarto [в одну четверть листа *(лат.)*], так был обворожен приемом и любезностию Марьи Александровны, что до сих пор ведет с ней почтительную и нравственную переписку из самого Карльсруэ» [31. Т. 2. С. 297].

Название города, из которого приезжает безымянный энтомолог, в повести дано в неверной фонетической оболочке, с мягким л – Карльсруэ для усиления юмористического эффекта. Вероятнее всего, что г. Карлсруэ (Karlsruhe) – столица Великого герцогства Баденского с населением в середине XIX в. в 50 тысяч жителей возникает в произведении Достоевского как символ европейской научной мысли и культуры. Основанный в 1825 г. по приказу великого герцога Людвига I Политехникум (Polytechnische Schule) стал первым техническим высшим учебным заведением в Германии. Возможно, что Достоевский мог слышать об этом от горных офицеров Барнаула, многие из которых были немцами и / или проходили стажировки в

Германии. Внук основателя Карл Фридрих и его супруга Каролина Луиза Гессен Дармштадтская провозгласили Карлсруэ «двором муз», открыли придворный театр и Ботанический сад. Карл Фридрих особенно покровительствовал школам и университетам, его имя носит Гейдельбергский университет. Каролина Луиза была известна как коллекционер искусств, меценат и ботаник. В гостях при дворе бывали М.А. Вольтер, К.В. Глюк и И.В. Гете.

Возможно, что Достоевский также обыгрывает историю возникновения города и его названия. Согласно легенде, маркграф Карл III Вильгельм Дурлахский уснул в лесу во время охоты. Ему приснился прекрасный город-солнце, в центре которого стоял его замок. Он воплотил сон в жизнь в 1715 г., построив целый город, и перенес в него свою резиденцию. Karlsruhe буквально означает Карлова тишина, покой, отдых. Т.е., с одной стороны, это город, связанный с чудесным сном о будущем, а, с другой, – со смертью, могилой. Это еще и Карлов покой, место, где упокоено тело основателя. В центре города расположена каменная усыпальница, возведенная в 1823 г. великим герцогом Людвигом I Баденским. Она является символом города. Допускаем, что Достоевского заинтересовала перверсия смысла названия Карлсруэ: сон – смерть, созвучная главным событиям повести (чудесный сон, обернувшийся внезапной смертью дядюшки).

Кроме того, в пародийном образе биолога-немца из Карлсруэ содержится аллюзия на барнаульскую могилу энтомолога и врача Фридриха Августа Геблера, предки которого принадлежали к знатному старинному роду и занимали высокие должности при прусском и австрийском дворах.

Наконец, Карлсруэ в повести «Дядюшкин сон» включается в общую негативно-сатирическую обрисовку Германии в целом. Ироническое отношение к городу и Германии вызвано критикой писателя бездумной русской привязанности ко всему иностранному.

В сибирских произведениях Достоевского немецкие слова употребляются очень редко, т.к. автор плохо знал немецкий язык (в отличие, к примеру, от И.С. Тургенева, который обучался в Берлинском университете). Мы уже упоминали, что познания в немецком петербургского франта Мозглякова крайне скудны: он называет анекдот с перевернувшийся коляской князя премилой историей. Есть еще одно немецкое выражение, которое используется Достоевским в

русской огласовке в ситуации, когда он подслушал разговор Москалевой с Зиной о необходимости выхода замуж за князя:

«– Что с вами, mon ami? – сказала она, подходя к нему и дружески протягивая ему свою руку.

– Как: *monami!* – вскричал он в бешенстве, – после того, что вы натворили, да еще: *monami.* **Морген-фри**, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще раз?

– Мне жаль, мне очень жаль, что вижу вас в *таком* странном состоянии духа, Павел Александрович. Какие выражения! вы даже не удерживаете слов ваших перед дамой.

– Перед дамой! Вы… вы все, что хотите, а не дама! – вскричал Мозгляков. Не знаю, что именно хотелось ему выразить своим восклицанием, но, вероятно, что-нибудь очень громовое» [31. Т. 2. С. 349].

Если Марья Александровна сохраняет наружное спокойствие и, как ни в чем не бывало, называет Павла Александровича «mon ami» (фр. – мой друг), то Мозгляков почти в бешенстве, о чем свидетельствует мешанина русского, французского и немецкого в его речи. Принципиально важен контраст благозвучного, плавного и изящного французского с грубоватым, отрывистым произношением в немецком.

Выражение морген-фри в русской фонетической оболочке и через дефис (что свидетельствует о большей степени ассимиляции) используется дважды в следующем романе «Село Степанчиково и его обитатели» в устах степного помещика Бахчеева для характеризации героя.

«– Ну, так и есть! – вскричал господин Бахчеев, дав полную волю своему негодованию. – Я, батюшка, еще прежде, чем вы рот растворили, догадался, что вы **философии обучались**! Меня не надуешь! **морген-фри**! За три версты чутьем услышу **философа**! Поцелуйтесь вы с вашим Фомой Фомичом! Особенного человека нашел! тьфу! прокисай все на свете! Я было думал, что вы тоже благонамеренный человек, а вы… Подавай! – закричал он кучеру, уж влезавшему на козла исправленного экипажа. – Домой!» [31. Т. 3. С. 30].

В романе вновь пародируется классическое образование, включающее философию как неприменимую к практической жизни область. Акцентируем тот факт, что это выражение употреблено Бахчеевым еще раз, когда он рассказывает о заграничной игрушке для Илюши: «Завтра Ильи-пророка (господин Бахчеев перекрестился): Илюша,

сынок-то дядюшкин, именинник. Я было думал и день у них провести, и пообедать там, и игрушку столичную выписал: немец на пружинах у своей невесты ручку целует, а та слезу платком вытирает – превосходная вещь! (теперь уж не подарю, **морген-фри**! Вон у меня в коляске лежит, и нос у немца отбит; назад везу)» [31. Т. 3. С. 27].

Обратим внимание, что комментаторы ППС дают неверное толкование этому немецкому выражению как morgen früh – ранним утром [31. Т. 3. С. 509]. Поскольку все существительные немецкого языка пишутся с заглавной буквы, то это выражение писалось бы в немецкой транскрипции как Morgen früh. Правильнее интерпретировать это выражение как восходящее к немецкому morgen früh – завтра утром. Из контекста повести и романа понятно, что присказка Мозглякова и Бахчеева функционирует в языке писателя как пословичное выражение и означает «нет», «не верю», «не сделаю», «меня не надуешь». М. Гиголошвили сравнивает значение указанного выражения с аналогичными разговорным в русском языке «черта с два», «жди у моря погоды» или с современным «разбежался» [42]. Добавим, что Достоевский мог обыграть разницу русского и немецкого менталитетов: когда немцы говорят «завтра утром», они действительно делают завтра утром. А если русские говорят «завтра», это может быть послезавтра, через месяц или даже никогда. И, следовательно, писатель использует вместо немецкого früh английскую фонетическую вокализацию free, что значит свободный (к примеру, free time –свободное время). Так у Достоевского получается языковая игра, выражение приобретает смысл «никогда не делать» (ср. в современном разговорном русском языке есть выражение «кормить завтраками» в значение многократно обещать сделать завтра, но так и не сделать обещанного). Также возможно, что автор смешивает в пределах фразы разные языки, чтобы показать волнение, эмоциональное состояние персонажа. М. Гиголошвили связывает переход немецкого «ü» в русское «и» при транслитерации с влиянием восточно-прусского диалекта, «который использовался и прибалтийскими немцами, основными «поставщиками» немецкого языка в России (среди колонистов, прибывающих через западно-южные границы России, был распространен швабский диалект). Сходное явление находим в «Скверном анекдоте», где слово «Frьhstьck» дано Достоевским в том же восточно-прусском диалекте – «фрыштык» [42].

Тонкая ирония Достоевского заключена в том, что употребление разными персонажами в двух сибирских произведениях одного немецкого выражения в пословичном значении словно уравнивает степень владения немецким столичного франта Мозглякова и сельского помещика Степана Бахчеева.

Подробнее остановимся на семантике механической игрушки, купленной Бахчеевым в качестве подарка на день рождения Илюши. С одной стороны, диковинная игрушка немецкого производства олицетворяет достижения науки Германии, это символ надежности и качества. Но парадокс заключается в том, что чудесная вещь не выдерживает российских дорог – игрушечный немец теряет нос, вследствие чего дорогая игрушка уже непригодна для подарка. Казалось бы, эпизод исчерпан. Однако игрушка возвращается в финале романа, создавая кольцевую композицию и приобретая символическое значение. О «превосходной вещи» [31. Т. 3. С. 152] вспоминает Бахчеев в эпизоде благословения на брак полковника Ростанева и Настеньки.

«– А нос-то немцу ведь подклеили! – шепнул он мне конфиденциально, радостно смотря мне в глаза.

– Какой нос? какому немцу? – спросил я в удивлении.

– А вот выписному-то, что ручку-то у своей немки целует, а та слезу платком вытирает. Евдоким у меня починил вчера еще; а давеча, как воротились с погони, я и послал верхового… Скоро привезут. Превосходная вещь!» [31. Т. 3. С. 152].

Мы узнаем, что игрушку починил русский крепостной Евдоким. Бахчеев посылает за ней верхового домой: заграничная игрушка в виде влюбленной немецкой четы становится подарком на свадьбу. Сексуальный символизм игрушки с оторванным носом оказывается удивительно пророческим: любовь героев имеет духовно-сентиментальный характер: «Детей им бог не дал; они очень горюют об этом, но роптать не смеют. <…> дядя и Настя живут одни и не могут надышаться друг на друга» [31. Т. 3. С. 166].

Кроме того, в негативно-обобщенном виде Германия как страна чуждой европейской культуры оценивается крестьянином Григорием, уже пострадавшего от «просвещения» Фомы в виде французского языка. Говоря об утрате Видоплясовым патриотизма и нацио-

нальной самобытности, он предлагает решить вопрос по-русски, радикально, с помощью физического насилия:

«– Да я б его, Видоплясова, – ввязался Григорий, который до сих пор чинно и строго наблюдал разговор, – да я б его, Видоплясова, из-под розог не выпустил. Нарвись-ко он на меня, я бы **дурь-то немецкую** вышиб! задал бы столько, что в два-ста не складешь.

– Молчать! – крикнул барин, – держи язык за зубами; не с тобой говорят!» [31. Т. 3. С. 26]. В этой реплике проявляется сатирическое снижение Германии как символа европейской культуры, моды и просвещения, которое не соответствует русскому менталитету и традициям. И здесь уже речь идет не о немецком как германском, а о немецком как любом чужом, иноязычном, пугающем, грозящем утратой национальной идентичности.

Видоплясов в романе представлен как шаржированный образ, воплощающий бездушное следование европейским течениям в «редакции» Фомы Фомича, а сам Опискин пытается учить крестьян французскому языку, хотя его собственные знания об этом предмете крайне ограничены. Об этом мы можем сделать вывод исходя из его странной и бессмысленной речи против ученого племянника Сережи:

«– Ученый! – завопил Фома, – так это он-то ученый? Либертеэгалите-фратерните! Журналь де деба! Нет, брат, врешь! в **Саксонии** не была! Здесь не Петербург, не надуешь! Да плевать мне на твой де деба! У тебя де деба, а по-нашему выходит: «Нет, брат, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемерно столько забыл! вот какой ты ученый!» [31. Т. 3. С. 76].

В речи Фомы хаотично смешиваются с русскими словами девизы французской революции liberte, egalite, fraternite, название политической газеты «Journal des Debats», которое рифмуется с Саксонией – восточной частью Германии. Это позволяет делать выводы, что не только знание французского, но и географические сведения героя поверхностны, не отличаются глубиной и системным характером.

В сибирских произведениях персонажи-немцы представлены эпизодически и слегка обозначены. «Так, например, в повести «Дядюшкин сон» среди желающих посетить Марию Александровну Москалеву по поводу якобы обсуждения театральных дел упоминается «…некая Луиза Карловна, которая “хотела быть”» [31. Т. 2. С. 369]. «Имя “Луиза ”, усиленное отчеством “Карловна” – тут не

может быть сомнений по поводу немецкого происхождения почтенной дамы», – считает Гиголашвили [42].

В романе «Село Степанчиково и его обитатели» в эпилоге упоминается безымянный управляющий-немец, который занимается воровством. «Говоря о судьбе Мизинчикова, автор замечает, что Ростанев рекомендовал его одному богатому графу, и тот “предложил ему место управляющего в своих поместьях, прогнав своего прежнего управителя немца, который, несмотря на прославленную немецкую честность, обчищал графа как липку”» [31. Т. 3. С. 167; 42]. Похожий персонаж возникает «в романе «Униженные и оскорбленные» с некоторым усилением темы и добавлением обстоятельств и подробностей» [42]. Князь Валковский «…прогнал своего управляющего, одного блудного немца, человека амбициозного, агронома, одаренного почтенной сединой, очками и горбатым носом, но, при всех преимуществах, кравшего без стыда и цензуры и, сверх того, замучившего нескольких мужиков. Иван Карлович был наконец пойман и уличен на деле, очень обиделся, много говорил про немецкую честность; но, несмотря на все это, был прогнан и даже с некоторым бесславием [31. Т. 3. С. 19]. По замечанию Гиголошвили, «[в] “Селе Степанчикове...” вор-управитель анонимен и лишен внешних примет, в “Униженных и оскорбленных” – уже назван (Иван Карлович) и бегло очерчен. Ироническое причастие “прославленная немецкая честность” во втором случае динамизируется с помощью наречия и глагола: “много говорил о немецкой честности”. Оба раза подчеркнуто, что управитель был прогнан» [42].

На наш взгляд, в этом эпизоде сатирически обыгрывается процесс обрусения немцев, когда их хозяйственность, меркантильность поставлены на службу собственного обогащения. Однако такие проявления имеют скорее индивидуальный, нежели национальный характер. Достоевский справедлив, когда тут же добавляет, что «Мизинчиков тоже пристроился» [31. Т. 3. С. 168]. Бросив надежды на обогащение с помощью выгодной женитьбы, он по рекомендации Ростанева становится управляющим. За пять лет ему удается нажить состояние для покупки «превосходнейшего имения, во сто душ», заложив которые через год он покупает еще шестьдесят. «Теперь он сам помещик, и хозяйство у него бесподобное» [31. Т. 3. С. 168]. Тем

самым разница между действиями управляющего-немца и Мизинчикова заключается лишь в масштабах «практической сметки».

Итак, «немецкий мир» в художественном метатексте Достоевского подвергается мифопоэтической обработке. Писатель не только наследует литературную традицию сатирической обрисовки немецких артефактов и знаков культуры, но и углубляет ее. Комические художественные образы строятся на парадоксе, оксюмороне (борода размером с немецкое государство, Тирентий – Кант – индюк, от лечения гидропатией князь заболел и т.д.). Образ Германии создается стереоскопически, через обозначение знаковых культурных символов страны и личностей, представляющих вершины немецкой культуры (Кант, Бетховен, Шиллер, Гете). Обозначены важные топосы: Карлсруэ – город-солнце, основанный маркграфом Карлом III Вильгельмом; Франкфурт – хранилище государственной казны. Имплицитно обозначены водные курорты Бад, Эмс, Висбаден и Баден-Баден. Символом достижений науки и техники Германии является механическая игрушка в виде влюбленной пары, демонстрирующей нормативно вежливое отношение джентльмена и его дамы.

В сибирских произведениях Достоевского нет ярких образов героев-немцев, это второстепенные эпизодические персонажи. Как правило, они безымянны (ученый-энтомолог, управляющий), либо имеют типичные имена – Луиза Карловна. Важно уточнить, что одной из причин создания Достоевским порой сатирических, доходящих до шаржа художественных образов являлось не выражение негативного отношения к Германии как таковой, сколько следствие недостаточного владения автором немецким языком в отличие от французского и английского. Язык Германии казался трудным и неблагозвучным писателю, поэтому немецкие выражения чаще даны в русской огласовке, а в зрелом творчестве немцы коверкают русские слова. Так проявляется автоирония Достоевского.

В итоге создается емкий, многогранный образ Германии. Средствами комического, путем гиперболизации, акцентирования, антитезы Достоевскому удается поставить серьезные вопросы чистоты русского языка, престижа и качества европейского образования, целесообразности культурной трансплантации, сохранения национальной идентичности.

Литература

1. *Долинин А.С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Художественная литература, 1989. 479 с.

2. *Белов С.В.* Федор Михайлович Достоевский: книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 206 с.

3. *Hielscher K.* Dostojewski in Deutschland. Erste Auflage. Frankfurt am Main und Leipzig: Insel Verlag, 1999. 290 s.

4. *Вильмонт Н.Н.* Достоевский и Шиллер: Заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984. 279 с.

5. *Данилевский Р.Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2013. 656 с.

6. *Humiston Kim R.* The Influence of Shiller's concept of aesthetics on Dostoevsky's major Fiction. The Florida State Universaty, 1987. 263 p.

7. *Schulz C.* Aspekte der Schiller'schen Kunsttheorie im literarischen Konzept von Dostojewski. München: Verlag Otto Sagner, 1992. 270 s.

8. *Евлампиев И.И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.

9. *Комарович В.* Достоевский и Гейне // Современный мир. 1916. № 10. С. 102–103.

10. *Щенников Г.К.* Иван Карамазов – русский Фауст // Достоевский в конце XX века. М.: Классика Плюс, 1996. С. 298-329.

11. *Серман И.З.* Достоевский и Гёте // Достоевский: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 46-57.

12. *Ковач А.* Иван Карамазов: Фауст или Мефистофель // Достоевский: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1997. Т. 14. С. 153–163.

13. *Жилякова Э.М.* «Страдания юного Вертера» Гёте в контексте творчества Ф.М. Достоевского // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. Вып. 19. С. 84–97.

14. *Голосовкер Я.Э.* Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом Достоевского «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Изд-во АН СССР, 1963. 102 с.

15. *Осмоловский О.* Этическая философия Достоевского и Канта // Достоевский и мировая культура. 1999. № 12. С. 216–230.

16. *Белопольский В.Н.* Ф.М. Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. 206 с.

17. *Дудкин В.В.* Достоевский – Ницше: Проблема человека. Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1994. 153 с.

18. *Дудкин В.В., Азадовский К.М.* Достоевский в Германии (1846-1921): Новые материалы и исследования // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. С. 659–740.

19. *Богданова О.А.* «Братья Карамазовы» в Германии: В.Л. Комарович о последнем романе Ф.М. Достоевского // Русский язык за рубежом. 2012. № 4 (233). С. 72–77.

20. *Gerigk H.-J.* Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute) // Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert / Herausgeben von Dittmar Dahlmann, Wilfried Potthoff. Wiesbaden: Herrasowitz Verlag, 2004. S. 95–126.

21. *Gerigk H.-J.* Dostojewskij, der «vertrackte Russe». Die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute. Tübingen: Attempto Verlag, 2000. 93 s.

22. Dostojewskij und Europa / ed. Gudrun Goes. München Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010. 192 s.

23. *Оболенская С.В.* Германия и немцы глазами русских (XIX в.). М.: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000. 209 с.

24. *Криницын А.Б.* Достоевский в Германии // Достоевский и XX век: В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 178–249.

25. *Константинова Н.В.* Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф.М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 126–133.

26. *Буткова Н.В.* Образ Германии и образы немцев в творчестве И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 252 с.

27. *Кидэра Р.* Образ немцев в творчестве Достоевского // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2016. № 1 (34). С. 25–40.

28. *Алексеев П.В. Биллиет Э.* Образ Германии в «Дневнике писателя» Ф. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2018. № 9. С. 67–79.

29. *Владимирцев В.П.* Немецкая тема в «петербургской поэме» Ф.М. Достоевского «Двойник» // Три века русской литературы. Москва; Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2004. Вып. 9. С. 176–182.

30. *Чаппл Р.* Материалы для «Словаря языка Достоевского» (реалии культуры, истории и быта Германии) //Достоевский: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 242–254.

31. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

32. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 531 с.

33. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

34. *Калинников Л.А.* «Житейские воззрения кота Мурра…» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть I. а // Кантовский сборник. 2012. № 2 (40). С. 30–47.

35. *Калинников Л.А.* «Житейские воззрения кота Мурра…» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть 2. б // Кантовский сборник. 2012. № 3 (41). С. 35–48.

36. *Калинников Л.А.* «Житейские воззрения кота Мурра…» в зеркале житейских и метафизических воззрений Э.Т.А. Гофмана. Часть 3. в // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 59–69.

37. *Филиппов М.М.* Иммануил Кант. Его жизнь и философская деятельность: биографический очерк. URL: https://7lafa.com/book.php?id=60420&page=7

38. Историческая кулинария. Иммануил Кант. URL: https://paraboz.livejournal.com/142780.html

39. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Тип. М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. 814 с.

40. Странные привычки Иммануила Канта. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5af71e6ac3321b2347a22fb3/strannye-privychki-immanuila-kanta-5afdc133a936f442b08bae87

41. Пища для ума. Иммануил Кант (1724–1804). URL: https://psiholog.mirtesen.ru/blog/43259853921/Pischa-dlya-uma.-Immanuil-Kant-(1724–1804)?nr=1

42. *Гиголашвили М.* Борьба с европейщиной в «Сибирских повестях» Достоевского // Топос: сетевой журнал. 2012. URL: http://www.topos.ru/article/ bibliotechka-egoista/borba-s-evropeishchinoi-v-sibirskikh-povestyakh-dostoevskogo

THE GERMANY'S IMAGE IN F.M. DOSTOEVSKY'S SIBERIAN WORKS

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 113–141. DOI: 10.17223/24099554/12/6

Elena Yu. Safronova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: esafr@mail.ru

Keywords: Dostoevsky, Germany, Siberia, topos, image, German, *Uncle's Dream*, *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants*, poetics, comic.

Dostoevsky's Siberian works present a vivid, multidimensional image of Germany, created by topographic contrast as an attempt to reflect on national identity. If Siberia is the quintessence of Russia, then Germany is a symbol and centre of European civilization. On the one hand, Dostoevsky admires European culture (literature, philosophy, education), while on the other hand, the comic genre implies the reduction and parody of negative features of reality. The fruits of a cultural dialogue down to the extreme mindless passion for Germany are depicted in the humorous mode. The analysis of the writer's Siberian works demonstrates the following tendency: the lower the character's education, the worse his attitude to German (Gregory). On the contrary, people of culture show a different attitude towards Germany: respect and admiration, often leading to a loss of patriotism (Vidoplyasov, Opiskin, Prince K.). The "German world" in Dostoevsky's artistic metatext undergoes mythopoetic processing. The writer not only inherits the literary tradition of satirical depiction of German artefacts and cultural signs, but makes it more profound. The comic art images are built on a para-

dox, oxymoron (a beard the size of a German state, Trentius-Kant-turkey, the prince falls ill after hydropathy, etc.). The image of Germany is created stereoscopically, through iconic cultural artefacts – symbols of the country and personalities representing the heights of German culture (Kant, Beethoven, Schiller, Goethe). The writer indentifies the most important topoi: Karlsruhe – the city of the sun founded by Margrave Charles III Wilhelm; Frankfurt – the repository of the state treasury. The water resorts of Bad, Ems, Wiesbaden and Baden-Baden are represented implicitly. The symbol of German technological progress is a mechanical toy of a couple in love, demonstrating the conventional attitude of a gentleman to his lady. There are no vivid images of German characters: they are minor episodic characters. As a rule, they are nameless (entomologist, manager), or have typical names (Louise Karlovna). It should be clarified that one of the reasons for creating satirical, cartoon-like images was not Dostoevsky's negative attitude towards Germany as such, but rather his insufficient knowledge of the German language, which seemed to him difficult and discordant; therefore, in Siberian works, German expressions are more often given in Russian vocalisation. Using comic means of aesthetics, hyperbolisation, emphasis, and antithesis, Dostoevsky succeeds in raising serious questions about the purity of the Russian language, prestige and quality of European education, feasibility of cultural transplantation, and preservation of national identity.

References

1. Dolinin, A.S. (1989) *Dostoevskiy i drugie: Stat'i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature* [Dostoevsky and others: Articles and studies on Russian classical literature]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

2. Belov, S.V. (1990) *Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy* [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky]. Moscow: Prosveshchenie.

3. Hielscher, K. (1999) *Dostojewski in Deutschland. Erste Auflage*. Frankfurt am Main; Leipzig: Insel Verlag.

4. Vilmont, N.N. (1984) *Dostoevskiy i Shiller: Zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of the Russian Germanist]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

5. Danilevsky, R.Yu. (2013) *Fridrikh Shiller i Rossiya* [Friedrich Schiller and Russia]. St. Petersburg: The Pushkin House.

6. Humiston, K.R.(1987) *The Influence of Shiller's concept of aesthetics on Dostoevsky's major fiction*. Florida State University.

7. Schulz, C. (1992) *Aspekte der Schiller'schen Kunsttheorie im literarischen Konzept von Dostojewski*. München: Verlag Otto Sagner.

8. Evlampiev, I.I. (2012) *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k "Brat'yam Karamazovym")* [The philosophy of man in the works of F. Dostoevsky (from early works to "The Brothers Karamazov")]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.

9. Komarovich, V. (1916) Dostoevskiy i Geyne [Dostoevsky and Heine]. *Sovremennyy mir*. 10. pp. 102–103.

10. Shchennikov, G.K. (1996) Ivan Karamazov – russkiy Faust [Ivan Karamazov – Russian Faust]. In: Stepanyan, K. (ed.) *Dostoevskiy v kontse XX veka* [Dostoevsky in the late 20th century]. Moscow: Klassika Plyus. pp. 298–329.

11. Serman, I.Z. (1997) Dostoevskiy i Gete [Dostoevsky and Goethe]. In: Budanova, N.F. & Arhipova, A.V. (eds) *Dostoevskiy: Materialy i issledovania* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 14. St. Petersburg: Nauka. pp. 46–57.

12. Kovach, A. (1997) Ivan Karamazov: Faust ili Mefistofel' [Ivan Karamazov: Faust or Mephistopheles]. In: Budanova, N.F. & Arhipova, A.V. (eds) *Dostoevskiy: Materialy i issledovania* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 14. St. Petersburg: Nauka. pp. 153–163.

13. Zhilyakova, E.M. (1997) "Stradaniya yunogo Vertera" Gete v kontekste tvorchestva F.M. Dostoevskogo [Goethe's "The Sorrows of Young Werther" in the context of F.M. Dostoevsky's creativity]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 84–97.

14. Golosovker, Ya.E. (1963) *Dostoevskiy i Kant. Razmyshleniya chitatelya nad romanom Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy" i traktatom Kanta "Kritika chistogo razuma"* [Dostoevsky and Kant. The reader's thoughts on Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" and Kant's treatise "Critique of Pure Reason"]. Moscow: USSR AS.

15. Osmolovsky, O. (1999) Eticheskaya filosofiya Dostoevskogo i Kanta [Ethical Philosophy of Dostoevsky and Kant]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 12. pp. 216–230.

16. Belopolsky, V.N. (1994) *F.M. Dostoevskiy i filosofskaya mysl' ego epokhi: Kontseptsiya cheloveka* [F.M. Dostoevsky and the philosophical thought of his era: The concept of man]. Rostov-on-Don: Rostov State University.

17. Dudkin, V.V. (1994) *Dostoevskiy – Nitsshe: Problema cheloveka* [Dostoevsky – Nietzsche: The Problem of Man]. Petrozavodsk: KSPI.

18. Dudkin, V.V. & Azadovsky, K.M. (1973) Dostoevskiy v Germanii (1846–1921): Novye materialy i issledovaniya [Dostoevsky in Germany (1846–1921): New materials and research]. In: Shcherbina, V.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 86. Moscow: Nauka. pp. 659–740.

19. Bogdanova, O.A. (2012) "Brat'ya Karamazovy" v Germanii: V.L. Komarovich o poslednem romane F.M. Dostoevskogo ["The Brothers Karamazov" in Germany: V.L. Komarovich about the last F.M. Dostoevsky's novel]. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 4(233). pp. 72–77.

20. Gerigk, H.-J. (2004) Dostojewskijs Wirkung im deutschen Sprachraum (Fragmente eines Überblicks vom Fin de siècle bis heute). In: Dahlmann, D. & Potthoff, W. (eds) *Deutschland und Russland: Aspekte kultureller und wissenschaftlicher Beziehungen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Wiesbaden: Herrasowitz Verlag. pp. 95–126.

21. Gerigk, H.-J. (2000) *Dostojewskij, der "vertrackte Russe". Die Geschichte seiner Wir-kung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute*. Tübingen: Attempto Verlag.

22. Gudrun, G. (ed.) (2010) *Dostojewskij und Europa*. Munich; Berlin: Verlag Otto Sagner.

23. Obolenskaya, S.V. (2000) *Germaniya i nemtsy glazami russkikh (XIX v.)* [Germany and Germans Through the Eyes of Russians (the 20th century)]. Moscow: RAS.

24. Krinitsyn, A.B. (2007) Dostoevskiy v Germanii [Dostoevsky in Germany]. In: Kasatkina, T. et al. (eds) *Dostoevskiy i XX vek: V 2 t* [Dostoevsky and 20th century: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: IMLI RAS. pp. 178–249.

25. Konstantinova, N.V. (2014) Germans and German in the early works by F.M. Dostoyevsky (on the basis of the story "The Double"). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 126–133. (In Russian).

26. Butkova, N.V. (2001) *Obraz Germanii i obrazy nemtsev v tvorchestve I.S. Turgeneva i F.M. Dostoevskogo* [The image of Germany and Germans in the works by I.S. Turgenev and F.M. Dostoevsky]. Philology Can. Diss. Volgograd.

27. Kidera, R. (2016) Obraz nemtsev v tvorchestve Dostoevskogo [The image of the Germans in the works by Dostoevsky]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putey soobshcheniya*. 1(34). pp. 25–40.

28. Alekseev, P.V. & Billiet, E. (2018) The image of Germany in "A Writer's Diary" by Fyodor Dostoevsky. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 9. pp. 67–79. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/9/5

29. Vladimirtsev, V.P. (2004) Nemetskaya tema v "peterburgskoy poeme" F.M. Dostoevskogo "Dvoynik" [The German theme in the "Petersburg poem" by F.M. Dostoevsky "The Double"]. In: Solntseva, N.M. (ed.) *Tri veka russkoy literatury* [Three Centuries of Russian Literature]. Vol. 9. Moscow; Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 176–182.

30. Chapple, R. (1992) Materialy dlya "Slovarya yazyka Dostoevskogo" (realii kul'tury, istorii i byta Germanii) [Materials for the "Dictionary of Dostoevsky's language" (realities of German culture, history, and life)]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. Vol. 10. St. Petersburg: Nauka. pp. 242–254.

31. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.

32. Pushkin, A.S. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: V 16 t* [Complete Works: In 16 vols]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.

33. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Translated from German. Moscow: Nauka. pp. 78–278.

34. Kalinnikov, L.A. (2012) "The Life and Opinions of Tomcat Murr…" in light of worldly and metaphysical views of Ernst Theodor Wilhelm Hoffmann. Part I. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 2(40). pp. 30–47. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2012-2-3

35. Kalinnikov, L.A. (2012) "The Life and Opinions of Tomcat Murr…" in light of worldly and metaphysical views of Ernst Theodor Wilhelm Hoffmann. Part 2. *Kantovskiy sbornik – Kantian journal*. 3(41). p. 35–48. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2012-3-3

36. Kalinnikov, L.A. (2012) “The Life and Opinions of Tomcat Murr…” in light of worldly and metaphysical views of Ernst Theodor Wilhelm Hoffmann. Part 3. *Kantovskiy sbornik – Kantian journal*. 4(42). pp. 59–69. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2012-4-7

37. Filippov, M.M. (n.d.) *Immanuil Kant. Ego zhizn’ i filosofskaya deyatel’nost’: biograficheskiy ocherk* [Immanuel Kant. His life and philosophical work: a biographical sketch]. [Online] Available from: https://7lafa.com/book.php?id=60420&page=7

38. Anon. (2012) *Istoricheskaya kulinariya. Immanuil Kant* [Historic cooking. Immanuel Kant]. [Online] Available from: https://paraboz.livejournal.com/142780.html

39. Dal, V.I. (1881) *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. St. Petersburg; Moscow: Tip. M.O Vol’fa.

40. Anon. (2018) *Strannye privychki Immanuila Kanta* [The strange habits of Immanuel Kant]. [Online] Available from: https://zen.yandex.ru/media/id/5af71e6ac3321b2347a22fb3/strannye-privychki-immanuila-kanta-5afdc133a936f442b08bae87

41. Anon. (2016) Pishcha dlya uma. Immanuil Kant (1724–1804) [Food for brain. Immanuel Kant (1724–1804)]. [Online] Available from: https://psiholog.mirtesen.ru/blog/43259853921/Pischa-dlya-uma.-Immanuil-Kant-(1724–1804)?nr=1

42. Gigolashvili, M. (2012) *Bor’ba s evropeyshchinoy v “Sibirskikh povestyakh”* Dostoevskogo [Fighting Europeanism in Dostoevsky’s “Siberian Tales”]. [Online] Available from: http://www.topos.ru/article/bibliotechka-egoista/borba-s-evropeishchinoi-v-sibirskikh-povestyakh-dostoevskogo

УДК 801.73
DOI: 10.17223/24099554/12/7

Е.Г. Новикова

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»[1]

В статье впервые специально изучена и осмыслена французская проблематика романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и проанализирован образ Наполеона, редко попадающий в сферу научного внимания исследователей Достоевского. В работе показано, что французская проблематика романа Достоевского определяется изображением публичной смертной казни за политическое преступление и образом Наполеона в горящей Москве; она обусловлена историософскими представлениями Достоевского о человеке как о жертве мирового исторического процесса, восходящими к собственному жизненному опыту писателя-петрашевца, впервые описанному в этом романе.
Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, «Идиот», Франция, Великая французская революция, Наполеон Бонапарт.*

Широко известно утверждение Д.С. Мережковского о том, что если Л.Н. Толстой как «тайновидец плоти» в «Войне и мире» нарисовал художественный образ Наполеона Бонапарта, то Ф.М. Достоевский как «тайновидец духа» [1. С. 178] в «Преступлении и наказании» передал именно дух и идеологию наполеонизма. Значительную часть своего исследования Мережковский посвятил роману «Идиот», при этом показательно «не заметив», что уже в этом следующем за «Преступлением и наказанием» романе Достоевский также создает художественный образ Наполеона – Наполеона в горящей Москве. В свою очередь, когда к «Идиоту» обращаются современные исследователи, они, как правило, связывают появление Наполеона в романе Достоевского с влиянием «Войны и мира» [2, 3]. Однако до завершения и полной публикации «Идиота» в 1869 г. у

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

Достоевского не было возможности прочитать «Войну и мир» [4. С. 218–224], так что он актуализировал в своем новом романе наполеоновскую проблематику вполне самостоятельно. Эта недооценка смысла и значения образа Наполеона в романе «Идиот», ставшая уже вполне традиционной, определяет необходимость его дальнейшего специального исследования. При этом анализ образа Наполеона в «Идиоте» должен быть вписан в более широкий контекст современного изучения темы «Достоевский и Франция» [5–], поскольку в этом произведении Достоевского разворачивается специальный французский дискурс [9], имеющий важное значение для всего романного целого.

Традиционно – и совершенно справедливо – утверждается, что имагологический подход к «Идиоту» выявляет, прежде всего, швейцарскую тематику произведения: в начале романа князь Мышкин прибывает в Россию из Швейцарии, рассказ героя о его швейцарском опыте играет в произведении значимую роль, наконец, в Швейцарию же он отправлен после свершения всех основных романных событий, и там читатель видит его в последний раз – в восприятии Лизаветы Прокофьевны: «”<…> по крайней мере, вот здесь, над этим бедным, хоть по-русски поплакала”, – прибавила она, в волнении указывая на князя, совершенно ее не узнававшего. “Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия… помяните мое слово, сами увидите!” – заключила она чуть не гневно, расставаясь с Евгением Павловичем» [10. Т. 8. С. 510]. Эти слова Лизаветы Прокофьевны завершают собой романный текст, и сильная позиция окончания произведения придает им особый смысл. «Вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия…» О том, что русские «за границей» – «одна фантазия», Достоевский постоянно писал как в публицистических, так и в художественных произведениях, начиная с «Зимних заметок о летних впечатлениях» и «Игрока». Но Европа как «фантазия» – здесь, конечно, все несравненно сложнее. По глубокому замечанию А.С. Янушкевича, сама имагологическая проблематика всей новой европейской литературы корнями своими уходит в события Великой французской революции: «акт самосознания новой европейской литературы как миромоделирующей си-

стемы <…> определен <…> прежде всего, событиями Великой французской революции» [11. С. 6]. Это общее положение ученого самым непосредственным образом конкретизируется на материале романа «Идиот».

В рассказе о своей швейцарской жизни в доме Епанчиных князь Мышкин дважды упоминает о том, что Шнейдер брал его с собой в Лион, в результате чего в швейцарском контексте пребывания героя в Европе и возникает Франция:

«– А там казнят?

– Да. Я во Франции видел, в Лионе. Меня туда Шнейдер с собою брал.

– Вешают?

– Нет, во Франции всё головы рубят» [10. Т. 8. С. 19–20].

«– А разве в вашей деревне казнят? – спросила Аделаида.

– Я в Лионе видел, я туда с Шнейдером ездил, он меня брал. Как приехал, так и попал» [10. Т. 8. С. 54].

Франция входит в роман связанной со специальной темой гильотины, публичной смертной казни: «Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага» [10. Т. 8. С. 20]. История казни уголовного преступника Легро – художественный вымысел Достоевского [12. P. 29-54], конечно же, основанный на реальности, поскольку «во многих странах Западной Европы (в Англии, Франции, Германии и в некоторых кантонах Швейцарии) кражи, грабежи и другие уголовные преступления и во второй половине XIX в. по-прежнему карались повешением и гильотинированием» [13. С. 73]. Однако «по законам Российской Империи смертные приговоры выносились только за государственные и политические преступления» [13. С. 73]; до петрашевцев в России конца XVIII – первой половины XIX вв. публичной смертной казни были подвергнуты сначала Пугачев и участники его восстания, а затем – декабристы [14, 15]. Поэтому для русского человека XIX в. публичная казнь ассоциировалась, прежде всего, с политическим преступлением и – с Францией, с Великой французской революцией, эпохой революционного трибунала [16]. А Лион вошел в историю Великой французской революции как город, в котором состоялись массовые казни многих тысяч человек.

Далее в «Идиоте» французская проблематика публичной смертной казни продолжается рассказом Лебедева о графине Дюбарри[2], гильотинированной по приговору трибунала: «Это была такая графиня, которая, из позору выйдя, вместо королевы заправляла <…> Умерла она так, что после этакой-то чести, этакую бывшую властелинку, потащил на гильотину палач Самсон, заневинно, на потеху пуасардок парижских, а она и не понимает, что с ней происходит, от страху. Видит, что он ее за шею под нож нагибает и пинками подталкивает, – те-то смеются, – и стала кричать: «Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!» Что и означает: «Минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!» И вот за эту-то минуточку ей, может, Господь и простит, ибо дальше этакого мизера с человеческою душой вообразить невозможно» [10. Т. 8. С. 164]. В этом небольшом по объему фрагменте обращает на себя внимание интенсивность французской лексики и реалий революционной эпохи. В центре, на эшафоте, – две крайне показательные фигуры Франции конца XVIII в., графиня Дюбарри, бывшая фаворитка Людовика XV, и знаменитый палач Самсон [13. С. 75-85]. А также «пуасардки[3]», «буро»[4], «мизер»[5], наконец, фраза на французском языке, данная с переводом: «”Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!” Что и означает: “Минуточку одну еще повремените, господин буро, всего одну!”» Введенный в романный текст перевод – это такой совершенно очевидный акт реального, наличного взаимодействия русской культуры с франкоязычным миром.

Историю казни мадам Дюбарри Лебедев рассказывает, в присутствии Мышкина, своему племяннику, которого так характеризует князю: «Бунтует! Заговоры составляет!» [10. Т. 8. С. 161]. Адресат истории казни Дюбарри в романе совершенно не случаен, племянник Лебедева – один из молодых «нигилистов», к развернутому изображению которых Достоевский впервые обращается в «Идиоте». В письме к А. Н. Майкову от 22 июня (4 июля) 1868 г. он специально отмечает, что в новом романе «попробовал эпизод современных позитивистов из самой крайней

[2] Marie-Jeanne, comtesse du Barry (1746–1793).
[3] Poissarde (франц.) – торговка (рыбой).
[4] Bourreau (франц.) – палач.
[5] Misère (франц.) – горе, беспомощность, несчастье, мука.

молодежи. Знаю, что написал верно (ибо писал с опыта; никто более меня этих опытов не имел и не наблюдал), и знаю, что все обругают, скажут нелепо*, наивно и глупо* (здесь и далее выделено автором. – *Е.Н.*), неверно» [10. Т. 28/2. С. 305]. Племянник смеется над дядей и его рассказом, пронизанном жалостью и состраданием к «человеческой душе» на эшафоте, поэтому Мышкину «этот молодой человек становился весьма противен» [10. Т. 8. С. 165]. Современный писателю русский «нигилизм» – прямое продолжение и развитие идей и идеалов французских революций, что станет специальной темой его следующего романа «Бесы». «Исторический кругозор героев романа «Бесы» <…> впитал факты и реалии европейской трагедии – франко-прусской войны и Парижской коммуны», – пишет Л.И. Сараскина [17. С. 44–46]. Как известно, кружок М.В. Буташевича-Петрашевского сформировался в конце 1840-х гг. на фоне французской революции 1848 г., и этой угрозой «французской заразы» была обусловлена жесткая позиция Николая I по отношению к петрашевцам.

Критику современных ему радикальных политических идей Достоевский начинал, прежде всего, с самого себя. «Бесы» вызвали ожесточенную полемику; отвечая своим рецензентам, писатель, фактически, ставит знак равенства между «нечаевцами», реальное политическое дело которых легло в основу романа «Бесы», и самим собой как бывшим петрашевцем: «Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую дорогу, *в случае если б так обернулось дело?* <…> Но позвольте мне про себя одного сказать: *Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может и мог бы… во дни моей юности» [10. Т. 21. С. 129]. И далее в этих размышлениях возникает тема эшафота как личного опыта писателя: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор <…> Приговор смертной казни расстрелянием, прочтенный нам всем предварительно, прочтен был вовсе не в шутку; почти все приговоренные были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти» [10. Т. 21. С. 133].

Но впервые Достоевский назвал себя политическим преступником только в романе «Идиот»: «Этот человек был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через

двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет» [10. Т. 8. С. 51]. В «Записках из Мертвого дома» 1860–1861 гг., в этом первом обращении Достоевского к теме собственного «преступления и наказания», писатель передал своему герою-повествователю Александру Петровичу Горянчикову весь свой каторжный опыт – за одним крайне показательным исключением: тот осужден «за убийство жены своей» [10. Т. 4. С. 6]. Собственно говоря, в «Преступлении и наказании» также описано уголовное преступление. В первой половине 1860-х гг. некие внутренние запреты никак не позволяют Достоевскому обратиться к теме «политического преступления» и, тем более, связать это со своей собственной жизнью и судьбой.

Преодолевается это в «Идиоте», и актуализированная в романе французская проблематика публичной казни за политическое преступление, возможно, выполнила здесь задачу некоей необходимой ему психологической или идеологической опоры. Это тем более вероятно, что восприятие смертной казни в контексте французской культуры восходит к самому моменту предсмертного ожидания Достоевского. Из воспоминаний петрашевца Ф.Н. Львова[6]: «Петрашевского, Момбелли и Григорьева повели, привязали к столбам и завязали глаза <...> Достоевский был несколько восторжен, вспоминал «Последний день осужденного на смерть» Виктора Гюго и, подойдя к Спешневу, сказал: “Nous serons avec le Christ”[7]» [18. С. 58]. В пограничной ситуации между жизнью и смертью именно франкоязычные явления писатель использует для ее описания и переживания как типологически ей идентичные. В частности, данная культурная модель легла в основу и рассказа о казни Дюбарри в романе «Идиот»: интенсивный французский язык в контексте изображения публичной смертной казни. А к произведению В. Гюго Достоевский будет обращаться на протяжении все своей жизни [19]. Так, после окончания «Идиота» в 1869 г. Достоевский задумывает произведе-

[6] Под редакцией М.В. Буташевича-Петрашевского.

[7] «Будем вместе с Христом» (франц.)

ние о самоубийце, и этот замысел будет реализован в только 1876 г. как «фантастический рассказ» «Кроткая», начало которого – описание «Последнего дня приговоренного к смерти» Виктора Гюго в восприятии Достоевского: «Виктор Гюго, например, в своем шедевре «Последний день приговоренного к смертной казни» <…> допустил еще большую неправдоподобность, предположив, что приговоренный к казни может (и имеет время) вести записки не только в последний день свой, но даже в последний час и буквально в последнюю минуту. Но не допусти он этой фантазии, не существовало бы и самого произведения – самого реальнейшего и самого правдивейшего произведения из всех им написанных» [10. Т. 24. С. 6].

Вторая составляющая французской проблематики романа «Идиот», наряду с изображением публичной смертной казни, – художественный образ Наполеона. Одним из самых значимых исторических следствий Великой французской революции стала деятельность Наполеона и наполеоновские войны, изменившие европейский мир. Однако изображение французского полководца в романе Достоевского достаточно специфично, и именно определенные художественные особенности этого образа обусловили тот факт, что он часто остается «незамеченным» – как в самом романе, так и в контексте творчества Достоевского в целом. Если проблематика публичной казни за политическое преступление в «Идиоте» фундирована крайне серьезной и ответственной позицией автора, то с образом Наполеона, по крайней мере, на первый взгляд, ситуация обстоит совершенно иначе.

Современные исследователи неоднократно указывали на кенотическую природу художественного образа заглавного героя романа князя Мышкина-«идиота» [20. С. 123-190; 21. С. 33-39]. Художественный принцип кенозиса распространен в романе и на образ Наполеона. Историю о Наполеоне в горящей Москве рассказывает генерал Иволгин, комический персонаж, доминанта образа которого определяется позицией постоянной, непрекращающейся «лжи» [10. Т. 8. С. 411]: «это был один из того разряда лгунов, которые <…> лгут до сладострастия и даже до самозабвения» [10. Т. 8. С. 418]. Дебора Мартинсен, воспринимая рассказы генерала Иволгина как «нарративы стыда и идентичности» [22. С. 90], подчеркивает, что «в генерале постоянно разоблачают вруна» [22. С. 91]. При этом она

проницательно отметила типологическую близость двух героев романа, генерала Иволгина – и Мышкина: «Но Иволгин является второстепенным персонажем только с точки зрения сюжета, а не с точки зрения металитературной конструкции романа, где он ставится в один ряд с князем Мышкиным как один из важнейших рассказчиков в романе» [22. С. 90]. На общность этих двух героев указывает и О. Меерсон [23]. Художественный принцип кенотического снижения персонажа, намеченный в образе князя Мышкина, со всей своей возможной полнотой реализовался в образе генерала Иволгина как рассказчика-«лгуна»; и именно ему Достоевский и доверил свою историю о Наполеоне в Москве.

Рассказу генерала Иволгина предшествует разговор Аглаи и Мышкина, в котором шутливо обсуждаются реальные эпизоды из истории наполеоновских войн – как прекрасная и бесспорная основа для личных исторических вымыслов и фантазий современного человека:

«– Что вы опять улыбаетесь, – быстро прибавила она, нахмуривая брови, – вы-то об чем еще думаете про себя, когда один мечтаете? Может, фельдмаршалом себя воображаете, и что Наполеона разбили?

– Ну, вот, честное слово, я об этом думаю, особенно когда засыпаю, – засмеялся князь, – только я не Наполеона, а все австрийцев разбиваю.

– Я вовсе не желаю с вами шутить, Лев Николаич» [10. Т. 8. С. 354–355].

В этом разговоре не только наглядно показан, но, собственно говоря, и «легализирован» тот принцип исторического повествования, который определит рассказ генерала Иволгина об его службе камер-пажом у Наполеона в Москве. В сущности, Достоевский здесь предвосхищает ту специальную научную проблематику исторического нарратива, из которой выросла вся современная нарратология: «”Истории-в-себе”, т. е. истории без точки зрения, не бывает вообще <…> Во внеязыковой действительности существуют не истории, а только безграничный, абсолютно непрерывный континуум событий», – указывает Вольф Шмид [24. С. 90]. Опираясь на труды немецкого философа Георга Зиммеля «Проблема исторического времени» [25] и американского историософа Хейдена Уайта [26], он уточняет это исходное положение исторического нарратива следу-

ющим образом: «По Зиммелю, историк должен проложить «идеальную линию» сквозь бесконечное множество «атомов» определенного отрывка мировых событий, чтобы получить такие историографические единицы, как «Семилетняя война» или «Цорндорфская битва». Проложению «идеальной линии» предшествует абстрактное представление о том, что значимо для данной историографической единицы и что – нет <…> Сопоставление нарратора и историографа проводит американский теоретик истории Хейден Уайт <…> Уайт снимает противопоставление фактуальных и фикциональных текстов, что без особого восторга было принято европейской наукой» [24. С. 91].

Князь Мышкин слушал историю генерала Иволгина о Наполеоне, «робея и мучаясь мыслью, что сейчас покраснеет» [10. Т. 8. С. 412], радуясь, «что мог ускользнуть от явной краски на лице» [10. Т. 8. С. 413] и, все-таки, иногда «проговариваясь» исторической правдой: «Выезжал он пред обедом, в свите обыкновенно бывали Даву, я, мамелюк Рустан…

– Констан, – выговорилось с чего-то вдруг у князя» [10. Т. 8. С. 415].

Достоевский создает систему специальных художественных средств, направленных на организацию истории генерала Иволгина о Наполеоне как бесспорно комической и ложной. Ее показательное начало – предельно нелепая история Лебедева о своей ноге, похороненной на Ваганьковском кладбище, но восходящая, в конечном счете, также к рассказу Иволгина и к войне 1812 г.: «Если ты, говорит <…> в двенадцатом году был у Наполеона в камер-пажах, то и мне позволь похоронить ногу на Ваганьковском» [10. Т. 8. С. 411]: «французский шассёр[8] навел на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы <…> он ногу эту поднял и отнес домой, потом похоронил ее на Ваганьковском кладбище» [10. Т. 8. С. 411]. Подобно фрагменту о казни Дюбарри, история генерала Иволгина также насыщена французской лексикой: «Когда он бросил на меня свой орлиный взгляд, мои глаза, должно быть, сверкнули в ответ ему: «Voilà un garçon bien eveillé! Qui est ton père?»[9]. Я тотчас отвечал ему, почти задыхаясь от волнения: «генерал, умерший на полях сво-

[8] Chasseur (франц.) – солдат особых частей пехоты или легкой кавалерии.

[9] Какой бойкий мальчик! Кто твой отец? (франц.)

его отечества». «Le fils d'un boyard et d'un brave pardessus le marché! J'aime les boyards. M'aimes-tu petit?»[10] На этот быстрый вопрос я также быстро ответил: русское сердце в состоянии даже в самом враге своего отечества отличить великого человека!» [10. Т. 8. С. 413]; и пр. Активный французский язык – очевидная особенность русской культуры начала XIX в. Но, в отличие от истории Дюбарри, в изложении которой Лебедев исходит из того, что слова графини о «минутке» могли быть исторической правдой, все диалоги мальчика Иволгина и Наполеона заведомо вымышлены. Например, именно по совету маленького Иволгина принимается решение оставить Москву: «я обращаюсь к Даву и говорю, как бы во вдохновении: «Улепетывайте-ка, генерал, восвояси!» Проект был разрушен. Даву пожал плечами и, выходя, сказал шепотом: «Bah! Il devient supersticieux!»[11] А назавтра же было объявлено выступление» [10. Т. 8. С. 416].

Однако смысловой результат этой подчеркнуто вымышленной Иволгиным – Достоевским – ситуации оказывается предельно серьезным. Эмоциональной кульминацией истории о Наполеоне в Москве стала его мольба о сострадании и жалости: «”Ты жалеешь меня!” – вскричал он, – ты, дитя, да еще, может быть, пожалеет меня и другой ребенок, мой сын, le roi de Rome[12]; остальные все, все меня ненавидят, а братья первые продадут меня в несчастии!» [10. Т. 8. С. 416-417]. Интенсивный художественный вымысел потребовался Достоевскому для того, чтобы обозначить такой возможный подход к изображению Наполеона в горящей Москве, как подход любви и сострадания. «Я любил его!» – восклицает Иволгин [10. Т. 8. С. 413]. Очевидно, что для русской культуры XIX в. такое отношение к Наполеону было, мягко говоря, достаточно спорным; прекрасно понимая это, Достоевский и организует свой заведомо комический и ложный рассказ героя-«лгуна»; но его основные смыслы, в конечном счете, определяются принципиальными историософскими взглядами писателя.

[10] Сын боярина, и к тому же храброго. Я люблю бояр. Любишь ли ты меня, малыш? (франц.)

[11] Ба! Он становится суеверным! (франц.)

[12] Римский король (франц.)

Глубоко сочувственное отношение к Наполеону, сначала вошедшее в роман как вымышленная эмоция ребенка, неожиданно получает подкрепление в позиции князя Мышкина, который оперирует уже реальными историческими документами: «я вот тоже очень недавно прочел книгу Шарраса о Ватерлосской кампании. Книга, очевидно, серьезная, и специалисты уверяют, что с чрезвычайным знанием дела написана. Но проглядывает на каждой странице радость в унижении Наполеона, и если бы можно было оспорить у Наполеона даже всякий признак таланта и в других кампаниях, то Шаррас, кажется, был бы этому чрезвычайно рад; а это уж нехорошо в таком серьезном сочинении» [10. Т. 8. С. 415]. Труд Ж.-Ф. Шерраса «История кампании 1815 года. Ватерлоо» в 1868 г., в год создания «Идиота», был переведен на русский язык [27]. «Радость в унижении Наполеона» в романе Достоевского неприемлема, и в словах Мышкина о труде Шарраса [27] было выражено собственное отношение писателя к этой книге [10. Т. 9. С. 455].

В воспоминаниях А.П. Сусловой о Достоевском есть эпизод, который сейчас считается первым свидетельством о замысле «Преступления и наказания»: «Когда мы обедали, он, смотря на девочку, которая брала уроки, сказал: «Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: «Истребить весь город». Всегда так было на свете» [28. С. 60]. Как известно, в «Преступлении и наказании» этот исходный тезис разворачивается в теории Раскольникова в противопоставление «обыкновенных» и «необыкновенных» [10. Т. 6. С. 199–201] участников мировой истории, и одним из самых ярких примеров «необыкновенного человека», наделенного особой исторической миссией, которая дает ему столь же «необыкновенные» права, здесь выступает Наполеон («Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором укокошил? – брякнул вдруг из угла Заметов» [10. Т. 6. С. 199–204]).

Однако эти исходные образы Наполеона и истребленного города могут быть интерпретированы не только как замысел «Преступления и наказания», но и «Идиота», изображенного в нем Наполеона в горящей Москве. Конечно, смысловая доминанта высказывания Достоевского, зафиксированного Сусловой, определяется личной ответственностью и исторической виной Наполеона за содеянное, за

истребление города, за гибель стариков и детей. Но в том-то и состоит специфика историософской позиции Достоевского по отношению к Наполеону в «Идиоте», что он здесь изображен такой же жертвой исторических событий и обстоятельств, как старики и дети… Как Дюбарри на эшафоте. Поэтому он так же, как они, вызывает сочувствие, жалость, сострадание… Связанная с Наполеоном в «Преступлении и наказании» позиция «необыкновенного» человека в «Идиоте» просто отсутствует.

В целом, французская проблематика романа Достоевского «Идиот», изображение публичной смертной казни за политическое преступление и Наполеона в горящей Москве, определяется историософскими представлениями Достоевского о человеке – жертве мирового исторического процесса, восходящими к собственному жизненному опыту писателя как бывшего петрашевца, впервые описанному в этом романе.

Литература

1. *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.

2. *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 22 с.

3. *Подосокорский Н.Н.* 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 39–71.

4. *Новикова Е.Г.* «Nous serons avec le Christ». Роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 244 с.

5. *Фридлендер Г.М.* Достоевский и мировая литература. Л.: Советский писатель, 1985. 456 с.

6. *Кибальник С.А.* «Eugénie Grandet» О. де Бальзака в переводе Достоевского // Достоевский и мировая культура. 2012. № 29. С. 27–40.

7. *Гроссман Л.П.* Бальзак в переводе Достоевского // Бальзак О. де. Евгения Гранде / пер. Ф.М. Достоевского; ред. и коммент. Л.П. Гроссмана. М.; Л.: Academia, 1935. С. I–LXXVIII.

8. *Поспелов Г.Н.* «Eugénie Grandet» в переводе Ф.М. Достоевского // Уч. зап. Ин-та яз. и лит. РАНИОН. 1928. Т. 2. С. 103–136.

9. *Новикова Е.Г.* Франция в творчестве Ф.М. Достоевского: образ и дискурс // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири: материалы Международного научного семинара, Томск, 11–15 июня 2015. М.: ИМЛИ, 2016. С. 352–369.

10. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

11. *Янушкевич А.С.* От картины мира к образу мира: история становления имагологического текста в русской словесной культуре // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 5–16.

12. *Jackson R.L.* The Ethics of Vision I: Turgenev`s «Execution of Tropmann» and Dostoevsky`s View of the Matter» // Jackson R.L. Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions. Stendford, California: Stanford University Press, 1993. P. 29–54.

13. *Перлина Н.М.* Достоевский о смертной казни: историко-литературное эссе в двух частях // Достоевский и мировая культура. 2003. № 18. С. 71–95.

14. *Кистяковский А.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением русского уголовного законодательства. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1882. 972 с.

15. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции: В 4 т. СПб., 1887–1892.

16. *Ямпольский М. В.* Жест палача, оратора, актера // Ad marginem`93: Ежегодник лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М.: Ad marginem, 1994. С. 21–67.

17. *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.

18. *Львов Ф.Н., Буташевич-Петрашевский М.В.* [Записка о деле петрашевцев] // Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984. С. 40-59.

19. *Бем А.Л.* Перед лицом смерти («Последний день приговоренного к смертной казни» В. Гюго и «Идиот» Достоевского) // O Dostoévskem: Sborník statí a materiálů. Praha: Edice slovanské knihovny, 1972. С. 150–174.

20. *Кунильский А.Е.* «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 304 с.

21. *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский. Контекст творчества и времени. СПб.: Серебряный век, 2005. 288 с.

22. *Мартинсен Д.* Настигнутые стыдом. М.: РГГУ, 2011. 328 с.

23. *Меерсон О.* Христос или «Князь-Христос»? Свидетельство генерала Иволгина // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 42–59.

24. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

25. *Simmel G.* Zur Philosophie der Kunst. Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1922. 173 s.

26. *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. 448 p.

27. *Шаррас Ж.-Ф.* История кампании 1815 года. Ватерлоо. СПб.: Издание и перевод Генерального штаба штабс-капитана Пичугина, 1868. 547 с.

28. *Суслова А.П.* Годы близости с Достоевским. Дневник. Повесть. Письма. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. 195 с.

THE "FRENCH" THEME IN F.M. DOSTOEVSKY'S *THE IDIOT*

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 142–157. DOI: 10.17223/24099554/12/7

Elena G. Novikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Keywords: F. M. Dostoevsky, *The Idiot*, France, the French Revolution, Napoleon Bonaparte.

The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research Grant № 18-012-90020\18.

The article focuses on the "French" theme in F.M. Dostoevsky's *The Idiot* and analyses the image of Napoleon, which is a rare case in the academic circles. The author argues that the "French" theme of Dostoevsky's novel, confined to the description of public execution and the image of Napoleon in the burning Moscow, originates from the French Revolution and is determined by both Dostoevsky's historical and philosophical views and the specificity of his narrative about Napoleon. Alongside the well-known idea that Dostoevsky epitomises the essence and ideology of Napoleonism in Raskolnikov's theory in *Crime and Punishment*, scholars rarely if ever conceive that the writer creates an artistic image of Napoleon – Napoleon in the burning Moscow – in *The Idiot*. Traditional underestimation of Napoleon's role in *The Idiot* has determined the need for its analysis, which, however, should be imbedded into a much broader research context of Dostoevsky and France, due to the unfolding French discourse, particularly important for the entire novel. In the novel, the "French" theme is manifested within the special context of guillotine and public execution. First, it is Prince Myshkin's description of public capital punishment in Lyon, then, Lebedev's story of Marie-Jeanne, comtesse du Barry, decapitated by Charles-Henri Sanson, a well-known executioner of the French Revolution. Thus, the "French" theme is primarily confined to the French Revolution and revolutionary tribunal. It is believed that the French discourse is introduced into the novel as a psychological or ideological basis to tell about Dostoevsky's own experience of public execution for his participation in M.V. Butashevich-Petrashevsky's circle. In *The Idiot*, Dostoevsky describes his unique life experience for the first time. One of the most significant historical consequences of the French Revolution was the Napoleonic wars that changed Europe. The second component of the "French" theme in *The Idiot* is a fictional character of Napoleon. The way the French commander is depicted in the novel is rather specific: Napoleon in the burning Moscow is described by General Ivolgin – a greatest liar, who tells an apparently false and comic story of his being a page to Napoleon, when the latter was in Moscow. However, this fake story has an extremely serious final, its emotional culmination is Napoleon in Moscow appealing for compassion and sympathy. Ivolgin's story about Napoleon anticipates a specific historical narrative, from which then all modern narratology grows. While Raskolnikov's theory represents Napoleon as one of the most extraordinary people endowed with a special historical mis-

sion and "extraordinary" rights, in *The Idiot*, Napoleon is depicted as a victim to historical events and circumstances, and there is no room for an "extraordinary" person. Thus, the "French" theme in *The Idiot* is determined by the description of the public execution and the fictional character of Napoleon in the burning Moscow, and originates from Dostoevsky's historic and philosophical views of a man as a victim to the world historical process. Such views grow out of the writer's own life experience as of a member of the Petrashevsky's circle, for the first time described in the novel.

References

1. Merezhkovsky, D.S. (2000) *Lev Tolstoy i Dostoevskiy* [Leo Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow: Nauka.

2. Podosokorsky, N.N. (2009) Napoleonovskaya tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" [The Napoleonic theme in F.M. Dostoevsky's "The Idiot"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Veliky Novgorod.

3. Podosokorsky, N.N. (2011) 1812 god i napoleonovskiy mif v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot" [1812 and the Napoleonic myth in F.M. Dostoyevsky's "The Idiot"]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 39–71.

4. Novikova, E.G. (2016) *"Nous serons avec le Christ". Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot"* ["Nous serons avec le Christ". F.M. Dostoevsky's "The Idiot"]. Tomsk: Tomsk State University.

5. Fridlender, G.M. (1985) *Dostoevskiy i mirovaya literature* [Dostoevsky and world literature]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

6. Kibalnik, S.A. (2012) "Eugénie Grandet" O. de Bal'zaka v perevode Dostoevskogo ["Eugénie Grandet" by O. de Balzac translated by Dostoevsky]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 29. pp. 27–40.

7. Grossman, L.P. (1935) Bal'zak v perevode Dostoevskogo [Balzac translated by Dostoevsky]. In: Balzac, H. de. *Evgeniya Grande* [Eugénie Grandet]. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 1–128.

8. Pospelov, G.N. (1928) "Eugénie Grandet" v perevode F.M. Dostoevskogo ["Eugénie Grandet" translated by F.M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Insituta yazyka i literatury. RANIO*N. 2. pp. 103–136.

9. Novikova, E.G. (2015) [France in the works by F.M. Dostoevsky: image and discourse]. *Sibirsko-frantsuzskiy dialog XVII-XX vekov i literaturnoe osvoenie Sibiri* [Siberian-French Dialogue of the 17th – 20th Centuries and Literary Review of Siberia]. Proc. of the International Conference. Tomsk. June 11–15, 2015. pp. 352–369. (In Russian).

10. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad: Nauka.

11. Yanushkevich, A.S. (2014) From the world picture to the world image: the history of the imagological text formation in Russian literary culture. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 5–16. (In Russian).

12. Jackson, R.L. (1993) *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stendford: Stanford University Press. pp. 29–54.

13. Perlina, N.M. (2003) Dostoevskiy o smertnoy kazni: istoriko-literaturnoe esse v dvukh chastyakh [Dostoevsky on the death penalty: a historical and literary essay in two parts]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 18. pp. 71–95.

14. Kistyakovsky, A. (1882) *Elementarnyy uchebnik obshchego ugolovnogo prava s podrobnym izlozheniem russkogo ugolovnogo zakonodatel'stva* [An elementary textbook of general criminal law with a detailed exposition of Russian criminal law]. Kiev: Tipografiya I. i A. Davidenko.

15. Tagantsev, N.S. (1887–1892) *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii: v 4 t* [Russian Criminal Law. Lectures: In 4 vols]. St. Petersburg: [s.n.].

16. Yampolsky, M.V. (1994) Zhest palacha, oratora, aktera [The gesture of the executioner, speaker, actor]. In: Petrovskaya, E.V. (ed.) *Ad marginem`93* [Ad Marginem'93]. Moscow: Ad Marginem. pp. 21–67.

17. Saraskina, L.I. (1990) *"Besy": roman-preduprezhdenie* ["Demons": a warning novel]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

18. Lvov, F.N. & Butashevich-Petrashevskiy, M.V. (1984) [Zapiska o dele petrashevtsev] [[Note on the Petrashevsky circle case]]. In: Egorov, B.F. & Volk, S.S. *Pervye russkie sotsialisty. Vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtsev v Peterburge* [The first Russian socialists. Memoirs of the participants of the Petrashevsky circles in St. Petersburg]. Leningrad: Lenizdat. pp. 40–59.

19. Bem, A.L. (1972) *O Dostoévskem: Sborník statí a materiálů*. Prague: Edice slovanské knihovny. pp. 150–174.

20. Kunilsky, A.E. (2006) *"Lik zemnoy i vechnaya istina". O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* ["The face of the earth and the eternal truth." On the perception of the world and the image of the hero in the works by F.M. Dostoevsky]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univeristy.

21. Ashimbaeva, N.T. (2005) *Dostoevskiy. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevsky. The context of creativity and time]. St. Petersburg: Serebryanyy vek.

22. Martinsen, D. (2011) *Nastignutye stydom* [Overtaken by shame]. Moscow: Russian State University for Humainties.

23. Meerson, O. (2001) Khristos ili "Knyaz'-Khristos"? Svidetel'stvo generala Ivolgina [Christ or "Prince Christ"? Testimony of General Ivolgin]. In: Kasatkina, T.A. (ed.) *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F.M. Dostoevsky's "The Idiot": The current state of study]. Moscow: Nasledie. pp. 42–59.

24. Shmid, B. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

25. Simmel, G. (1922) *Zur Philosophie der Kunst.* Potsdam: Gustav Kiepenheuer Verlag.

26. White, H. (1973) *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

27. Sharras, Zh.-F. (1868) Istoriya kampanii 1815 goda. Vaterloo [History of the campaign of 1815. Waterloo]. St. Petersburg: Izdanie i perevod General'nogo shtaba shtabs-kapitana Pichugina.

28. Suslova, A.P. (1928) *Gody blizosti s Dostoevskim. Dnevnik. Povest'. Pis'ma* [Years of Intimacy with Dostoevsky. A Diary. A Story. Letters]. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovykh.

УДК 821.161.1
DOI: 10.17223/24099554/12/8

Е.Н. Пенская

ХЛЕБНИКОВ И СУХОВО-КОБЫЛИН. К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИИ РУССКОГО КОСМИЗМА[1]

Статья посвящена компаративному исследованию философско-художественных систем поэта В. Хлебникова и драматурга А.В. Сухово-Кобылина. Речевые, структурные, смысловые совпадения прослеживаются на анализе архивных материалов, хранящихся в ИРЛИ и в РГАЛИ. Рукописные источники позволяют реконструировать исходную среду бытования сочинений, выявить метасвязи с другими текстами. «Ответ Фрейду» В. Хлебникова и «Разговор с Sigmund Freud» А.В. Сухово-Кобылина относятся к подобным параллелям; сочетание числа и слова в хлебниковских «Досках судьбы» и философском сочинении Сухово-Кобылина «Учение Всемир» позволяет рассматривать их в общей системе координат. В этой связи исследуется «переводческая» ипостась поэта и драматурга, создающих «театр чисел» и трансформирующих обыденную речь в математический язык символов, знаков и формул.
Ключевые слова: *А.В. Сухово-Кобылин, В. Хлебников, философия космизма, конволют, стратегия перевода, рукописный источник, текстологический поворот, языковой трансфер.*

У нас есть основания для сближения, казалось бы, парадоксального, двух на первый взгляд далеких имен – Хлебникова и Сухово-Кобылина. Оба они, каждый по-своему, принадлежат тем художникам, к инструментам которых, во-первых, применимо хлебниковское определение «самоценное слово», а во-вторых, их объединяет, разумеется, по-разному, принадлежность той ветви мыслительной и литературной практики, которую можно отнести к русскому космизму.

[1] Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00353, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Космос Сухово-Кобылина и Хлебникова обладает фактурой, он пластичен и материален. Утопия как драматическое проникновение философии творчества в практическую жизнь – вот главное, что отличает Хлебникова и Сухово-Кобылина от предсимволистов, символистов, модернистов и сближает их между собой. «Лобачевским слова» называл Хлебникова Юрий Тынянов. «Безумствующий математик» – таков Сухово-Кобылин в рецепции С.Т. Аксакова.

На этой «космической» оси, заданной немецким интеллектуальным опытом, располагаются предшественники – утопические «шеллингианские» проекты В.Ф. Одоевского, поиски «геометрической прогрессии» в истории М.П. Погодина[2].

Обращение к авторским архивам позволяет наметить контуры первоначального бытования рукописных источников, реконструировать исходную среду сочинений, их вещную «родословную», более полно выявить метасвязи с другими текстами, а также расслышать переклички, не очевидные вне текстологического анализа.

«Ответ Фрейду» Хлебникова и «Разговор с Sigmund Freud» Сухово-Кобылина относятся к подобным параллелям. Так, хлебниковская статья написана в 1920 г. на обороте листов поэмы «Ладомир», сохранившейся в виде чернового автографа в тетради и на отдельных листах [2. Л. 1–15].

«Разговор с Sigmund Freud» Сухово-Кобылина (не ранее 1889 г.) входит в состав конволюта. Он сшит с «Вариантами предисловия к “Трилогии”» и «Набросками планов, кратким изложением отдельных глав, схемами и конспектами к III тому философии» [3. Л. 81–96].

Фрейд в статусе персонажа как повод создания космоса для обоих «собеседников» оказывается центральной фигурой, в чей адрес направлена речь. Вокруг Фрейда формируется космическое поле и космические атрибуты. «Ответ Фрейду» и «Разговор с Sigmund Freud» конволютны по своей природе. Они создают экспозицию и пускают корни, ветви, наглядно прорастая в другие сочинения всей своей полнотой соединительной космообразующей ткани.

Хлебниковский репертуар «Ответа» однообразно-разнообразен. Он содержит полтора десятка словесных «ядер» – главок-разделов,

[2] О его смысловых пересечениях с Хлебниковым исследователи уже упоминали [1. С. 140–158].

выделенных графически и объемно. В них важна внутренняя пульсация рваной неровной строки, создающей физически ощутимое биение, ритм космоса:

> Критик – это прокурор.
> Мы подсудимые. Он жандарм.
> Он представитель статики пространства.
> Мы как воины времени, воины будущего.
> Мы разрушаем настоящее, строим новые леса
> времени, вбиваем в соборный мозг сваи, перекидывая
> стропилы и конек крыши.
> Кр<итики> как городовые от искусства кричат «разойдись»,
> и уличный шум и вес<елье> многих, и карают
> за нарушение общественной тишины и беспорядки,
> сажают в поэтическую кутузку, т.е. обрекают на голод речи,
> заносят на черную доску списки тех лиц, которых
> нельзя печатать – <так как> они нарушители установившихся нравов [2. Л. 2 об.][3].

Сравним, сухово-кобылинский «Разговор...» сшит с философскими фрагментами и отрывками, а также с книгой Фрейда «Studien über Hysterie» (1895), которая хранилась в библиотеке в Кобылинке и уцелела после пожара в 1899 г. «Разговор...» имеет прямое отношение и к «Трилогии», поскольку в тексте заметны следы обращения «К публике», открывающего драму «Дело». Таким образом, впитывая, соединяя несоединимые тексты, «Разговор...» приобретает значение фона, экрана, зеркала. С другой стороны, в нем, как в волшебном фонаре, создается новая оптика; согласно физическим законам происходят различные метаморфозы и почти «химические» трансформации веществ:

> если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к нам с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд...
>
> Критик – это судья? Критик выносит приговор... Критик = квартальный надзиратель...

[3] Воспроизведено по расшифровке, выполненной Валентиной Мордерер. По следам. XV. URL: https://www.ka2.ru/nauka/valentina_18.html.

> Пора и этому суду стать публичным. Пора и ему осознать всю трагедию мироздания. Звезды сошлись... единственно ради этих внутренних движений и сотрясений ...
>
> За сим особенно упираю я на То, что за таковой вашей Критикой... Этот по возрасту второй Расплюев уже Чиновник, а не Разночинец, был для меня целая Задача; не есть интеграл... ибо Вопрос состоял именно в том, чтобы выставить его в этом новом и торжествующем [Положении] Моменте и чтобы этот Метаморфоз был бы логичен... [3. Л. 11].

В нашу задачу не входит подробное обсуждение феномена космизма в разных его ипостасях.

Термин «космизм» содержит два значения: космос как пространство и греческий κόσμος как порядок, высший образец мироздания, гармоничный упорядоченный мир, противоставленный хаосу и энтропии. Синтетическая природа этого направления русской мысли охватывала философию, поэзию, художественное творчество, естественные науки. Ему присуща зыбкость границ, множественность наименований (например, «проективная философия»), противоречивость, разнонаправленность линий, «списков имен» и утопических форм бытия, а также сочинений, созданных космистами. Традиционно к одной из русских «точек отсчета» относят фигуру Николая Федорова (1829–1903 гг.), труды которого были собраны в книгу «Философия общего дела». Ядро философии – корпус рецептов оживления мертвых и способы применения этой «прагматики воскрешения». Структурирование человеческого мира включало и сопутствующий телесный мир вещей. В этой федоровской картине библиотека и музей занимают ментально и биографически особое место, поскольку они классифицируют ряды и создают каталогизированное иерархическое пространство с определенной навигацией. Неслучайно встреча Константина Циолковского и Николая Федорова произошла в Румянцевском музее в Доме Пашкова, где Федоров служил библиотекарем. К прозрениям Циолковского относят формулу движения реактивной ракеты, а также детальные описания изменения человека, появления непроницаемого покрытия, приспособленного для существования в космических условиях. Александр Вернадский впервые ввел понятие «ноосферы» – оболочки Земли, созданной под влиянием человека. По мысли Вернадского, Космос является управляющей силой для земного бытия, организованного по

тем законам, что заданы Космосом. Идея замещения природного искусственным, разумно-рукотворным «ноосферна» по своей сути. «Солнечная ипостась» философии русского космизма разработана Александром Чижевским, ученым, художником, поэтом. Изобретатель люстры, маркированной его авторским именем, он связывал биологические явления с явлениями астрологическими через электромагнитную энергию. Мы эскизно наметили лишь один из ключевых срезов русского космизма. Он достаточно наглядно свидетельствует о широком разбросе, неупорядоченности мыслительных и практических экспериментов.

Изучение русского космизма началось еще в 1920-е гг. По тем или иным политическим и социо-культурным причинам оно прерывалось, возобновлялось, оставаясь в лучшем случае монографически сосредоточенным на каких-либо отдельных сюжетах. Попытки системно описать русский космизм и выявить его закономерности начинаются лишь в 1990–2000 гг., когда выходят сборники и антологии, предлагающие различные принципы сборки общей картины. Одна из главных проблем, очевидная для исследователей, – расплывчатость объема и содержания явления, вибрации, что претерпевает сама эпистемилогизация. Попытки выявить отличия отечественных космистов от европейских «родственников» также не всегда успешны:

> Избежать неправомерного и безмерного расширения этого философского течения можно, если сразу же обозначить принципиально новое качество мироотношения, которое является определяющей его генетической чертой. Это идея **активной эволюции,** то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берёт, так сказать, штурвал эволюции в свои руки. Поэтому, возможно, точнее будет определить это направление не столько как **космическое**, а как **активно-эволюционное** [4. С. 3].

Этическое начало атрибутируется исследователями как доминирующая категория и выступает в качестве одного из магистральных критериев группировки «космических» позиций и текстов. «Русский космизм – это определённая ориентация целой культуры, в частности, российской, в основе которой лежит мировоззрение живого нравственного Всеединства» [5. С. 9].

Отдельная дискуссионная тема – феноменология целостного знания и науки [6. С. 185–202]. Именно здесь ряд исследователей видит корень проблемы универсального синтеза [7. P. 19], которую рассматривали П.А. Флоренский в «Столпе и утверждении Истины», Вл. Шмаков в «Основах пневматологии», П.Д. Успенский, изложивший по лекциям Г.И. Гурджиева диаграмму «Луча творения», где мир понимается как живой организм, Д.Л. Андреев в «Розе мира», А.А. Богданов, сформулировавший концепцию архетипа всеединства в тектологии (1912) [8. С. 6–11].

Составляя собственный компендиум о русском космизме, Борис Гройс анализирует «формулу», ответственную за базовую структуру идей (в ее основе – объединение, упорядоченность, освоение Космоса, единство Вселенной и бессмертие человека, обладающего разумом и приручившего науку):

> Русский космизм не представляет собой целостного учения. Скорее речь здесь идет о круге авторов конца XIX – начала XX веков, для которых видимый космос стал единственным местом жизни человека – после краха исторического христианства <…>. Из этой утраты, можно было сделать различные выводы. Одним из таких распространенных в то время выводов был отказ от мыслей о личном бессмертии и судьбе мира в целом <…>. Теоретики русского космизма сделали противоположный вывод из «смерти Бога». Они призвали человечество к установлению тотальной власти над космосом и к обеспечению индивидуального бессмертия для каждого живущего или жившего раньше человека. Средством реализации этого требования должно было стать централизованное мировое государство: русский космизм был не только теоретическим дискурсом, но и политической программой [9. С. 7].

Логика составления последнего сборника и отбор не самых репрезентативных текстов вызывает немало вопросов. Так, в публикации, посвященной А. Богданову, рассматриваются некоторые принципы будущего общества, но без всякой связи с бессмертием, космической экспансией и восстановлением мертвых, что составляет сущность космизма, вторая посвящена узкой проблеме переливания крови, а в третьем научно-фантастическом рассказе бессмертие критикуется, затемняя понимание космизма Богданова.

Весь этот краткий и отнюдь не последовательный обзор проблем, связанных с изучением данного среза истории идей, не претендует

на полноту. Он выявляет «перспективную тревогу» по отношению к тому, как сегодня неравномерно и противоречиво картографируются явления и тексты, изначально относимые к сфере космизма.

Генеалогию, общий генезис мысли, намечаемый совместными междисциплинарными усилиями, с некоторой долей условности можно отнести к «области согласия» исследователей. Думается, одна из корневых проблем заключается в том, что возрастающий читательский интерес к феномену русского космизма не получает квалифицированного академического подтверждения. Она кроется в некотором – впрочем, неизбежном – произволе эдиционной практики, отсутствии отчетливой источниковедческой базы и методологии, неимении отрефлексированных текстологических подходов, апробированных хотя бы на локальных сюжетах.

Философско-математический и лингвистический (языкотворческий) извод космогоноэсхатологии, сочетание числа и слова в единстве речевых прозрений позволяет рассматривать драматурга Александра Сухово-Кобылина и поэта Велимира Хлебникова в общей системе координат. Как было показано выше в самом начале нашего рассуждения, есть и еще один фактор сопряжения этих фигур: особая чувствительность к первичной рукописной форме рождения образа, той ранней самой живой незакрепленной стадии возникновения слова, когда текст пластичен, не завершен, способен вобрать другие темы, модифицировать плоскость страницы и развернуться в любом новом направлении, подчас, неожиданном для самого автора. Погружение в рукописное закулисье творческих лабораторий сквозь черновики, множественные варианты, слои надписей, монтаж зачеркиваний и вставок, маргиналии на полях позволяют предугадать инобытие литературного высказывания, различить сложность смысловой фактуры текста. Допечатное или внепечатное существование словесной ткани в случае Сухово-Кобылина и Хлебникова дает возможность реконструировать внутренние дополнительные скрытые связи в русском космизме.

Пожалуй, впервые Хлебникова и Сухово-Кобылина в один ряд интуитивно поставил Вяч.Вс. Иванов. В его диалоге о сложности сознания и связи с космосом речь идет о классификации типов цивилизации по уровню технологического развития. Предшественником современных размышлений на эту тему Вяч.Вс. Иванов считает Сухово-Кобылина,

первого автора театра абсурда. Он писал до сих пор не напечатанные философские сочинения наряду с теми гротескными комедиями, где отражен его собственный тяжелый опыт столкновения с российской судебной машиной, чуть его не поглотившей полностью и отнявшей многие годы жизни, ушедшие на тяжбу и жалобы. Эти философские работы вместе с переводами из немецкой классической философии пропали во время пожара в его имении незадолго до конца его долгой жизни. Но среди уцелевших рукописей есть «Всемир» (название почти из Хлебникова, хотя написано это сочинение до появления футуризма: великий писатель умер в самом начале нашего века) [10. С. 579].

Следуя интуиции Вяч.Вс. Иванова попробуем описать символическую встречу версий «двух космизмов» Хлебникова и Сухово-Кобылина, их гипотетический диалог. Необходимо, однако, очертить контуры этих версий. Сразу же оговорим возможную противоречивость, заложенную в такой интерпретации, оставляющую больше вопросов, чем ответов. Она обусловлена совокупностью причин.

Временные границы: Сухово-Кобылин работал над своей философско-художественной системой более полувека; хлебниковская вспышка заняла примерно два десятилетия. Для того и другого пребывание внутри создаваемого «космоса» составляло главный принцип личного бытия, поведения, стиля жизни.

Жанровые формы: в случае Сухово-Кобылина исследователь имеет дело с разрозненным набором рукописных фрагментов, имеющих два модуса. Модус первый – самостоятельный, автономный. Модус второй – тесная связь с сжатым, спрессованным космосом его театральной «вселенной». «Всемир», по мысли Сухово-Кобылина, – это «всемирное человечество» – «вся тотальность миров, человечеством обитаемых во всей бесконечности Вселенной». Собственно, два «всемира» неотделимы друг от друга; анализ рукописей позволяет воочию убедиться, как происходит прорастание одной стихии мысли и речи в другую, форма философского эссе, рассуждения в драматической транскрипции оборачивается гротескным, буффонным сценическим решением [11. С. 54–67]. Случай хлебниковского космизма не поддается локализазации. Это доминирующая стихия, в которой существует хлебниковское слово, организующее вселенную и в то же время в каждой своей микроклетке внутреннего целостного ядра и внешней оболочки содержащее космос. В самом деле, «попытка отделить стихотворные произведения Хлебникова от других его текстов

привела к широкому распространению убеждения – или заблуждения, – будто большая часть его поэзии недоступна для понимания. Однако идеи, на которых основаны не имеющие жанровых аналогов «Доски судьбы», возникают и в стихотворном творчестве, причем в самом разном обличье». Закон равноправия всего написанного поэтом, независимо от «статуса текста» – будь то «несколько слов на клочке бумаги, никогда не публиковавшиеся, столь же значимы, как и стихотворение, которое многократно печаталось» [12. С. 5–32].

Pro et Contra – противоречия и конфликты интерпретаций данной сферы не в последнюю очередь обусловлены применительно к Сухово-Кобылину практически полным отсутствием текстологических подходов, произвольностью публикаций и группировки выборочно расшифрованных рукописных фрагментов[4]. Однако, несмотря на то, что сухово-кобылинский космизм остается в сфере домыслов и догадок, благодаря ряду издательских усилий мы все же за последнюю четверть века получили доступ к философским сочинениям, пусть и в разрозненном микроскопическом объеме. Тем не менее даже столь малая доля сочинений в совокупности открывает выход совсем в иную реальность, казалось бы, радикально отличную от той узнаваемой и привычной, что зримо и выпукло представлена в драматической «Трилогии». Между тем мнимость расхождений удается снять при соположении рукописей и обнаружении в них совпадений – прямых повторов и пересечений.

Обследованность хлебниковского мира[5] несоизмерима с теми штудиями, что проводили и готовы проводить историки театра и литературы, интерес которых связан с изучением наследия Сухово-

[4] Преимущественно тех, что сосредоточены в центральном, доступном для исследователей фонде 438 в РГАЛИ и переписаны набело рукой помощника Сергея Манухина, «вклад» и «редактуру» которого никто из публикаторов никогда не прояснял. Но это тема отдельного специального анализа. Сохранившиеся массивы текстов, перебеленных непосредственно автором, в силу особенностей почерка, напоминающего немецкую готическую вязь, непросто поддаются прочтению.

[5] Основной архив В. Хлебникова находится в РГАЛИ (ф. 527. Оп. 1–2). В ИРЛИ – примерно 10 ед. хр. Имеются фонды в ИМЛИ РАН (№ 139. Оп. 1) http://хлебников-велимир.рф/archives/imli.htm; в РНБ (№ 1087. Оп. 1) http://хлебников-велимир.рф/archives/rnb.htm; отдельные материалы есть в РГБ в составе фонда Вяч. Иванова (№ 109).

Кобылина. Масштабы действий и их успешность планетарно различны. Присутствие Сухово-Кобылина лишь в нескольких антологиях представляет собой песчинку по сравнению с растущим объемом изданий [13] исследовательских расшифровок, комментариев [14], находок, уточнений, связанных с творчеством Хлебникова, чей космос имеет уже как минимум тридцатилетнюю полноценную историю освоения [15] со своими микро- и макрособытиями, подъемами и спадами. 1990–2000 гг. – безусловно, кульминационный период в этом процессе покорения и текстологических открытий.

Итак, космизм Сухово-Кобылина умещается в корпус текстов, рамки которого ограничены тремя составляющими: философией «Всемира», переводами Гегеля и театральным циклом. Энергетику космоса несут все без исключения жесты Хлебникова, закрепленные в слове, среди которых к самым репрезентативным, космосообразующим относятся «Доски судьбы» – «книга, соединяющая хронологические таблицы исторических событий, даты жизни великих людей, алгебраические формулы с уравнениями жизни писателей («Уравнение жизни Гоголя»), стихи, философские выкладки, мысли и заметки из записных книжек. Здесь же находятся многочисленные черновые блокноты, альбомы и отдельные черновики с записями вычислений» [16]. «Всемир» Сухово-Кобылина и «Доски судьбы» Хлебникова в каком-то смысле зеркальны по отношению к их собственным внутренним универсальным смысловым построениям, но в то же время зеркальны и по отношению друг к другу. «Всемир» так же, как и «Доски судьбы», составляет центральную ось в авторской универсальной практике и картине мира, «Всемир» так же, как и «Доски судьбы» содержит множество внутренних элементов, содержательно не раскрытых.

В дальнейшем предпримем поиск «ключей», в том числе текстологических, к перекличкам и феномену взаимных отражений. Предполагаем, что подобный «эхо-эффект» подлежит осмыслению.

Сухово-Кобылина и Хлебникова сближает постоянное стремление структурировать и упорядочить мироздание. Эта общая тенденция по-разному реализуется в разные периоды, имеет разные биографические и творческие мотивации.

Время есть движущая, т.е. текущая (протекший год) материя. Год есть метрическая чувственность, единица времени, есть эмпирическая данность, тот эллипс, который протекает наш около Солнца циклующий земной шар, есть первая косная модальность бытия вещей, есть оное пройденное пространство бытия вещей, читейшая внешность, без субъективная и без духовная видимость (усмотренность в телескоп). Пройденное пространство есть время. Год. Сутки. Час, минута и секунда. Год есть данная астрономами единица времени, посредством которой исторический человек измеряет долготу своей и своих земных братьев экзистенции. Сутки определяются как 1/365 часть года… Часть как 1/24 часть дня и минута как 1/60 часа. Целокупность дробей есть ряд, есть закон. Таким образом, время есть бытие вещей в продвижении истории[6] [17. Л. 8, 8 об.].

Пусть время есть некоторый ряд точек a, b, c, d…m <…> дальние точки могут быть более тождественны, чем две соседние, <…> точки m и n тогда подобны, если (m – n) делится без остатка на y. В законе рождений y=365, в лице войн y=365 – 48= 317 годам. Начала государств кратны 413 годам, то есть 365+48 [18. С. 631].

Первый фрагмент «Учение о времени и пространстве» Сухово-Кобылина продолжается рассуждением Хлебникова «Математическое понимание истории. Гамма будетлян» – третий параграф «Нашей основы». Если воспользоваться метафорой В.Я. Брюсова, присутствующей в стихотворении «Сонет в форме», проследим эти «тонкие властительные связи», обращаясь и к текстологии архивных источников.

= 0: 1 =1: * «Формула Всемира» [19. С. 19] – главный закон бытия выстрадан Сухово-Кобылиным и оплачен муками семилетней судебной тяжбы, постоянной перепиской с государственными инстанциями, вынужденным погружением в бюрократическую преисподнюю, познанием иррациональности и поглощающего абсурда российского устройства. Эта «Формула Всемира» переводится на другой (понятный, человеческий язык) в пьесах. «Темнота… – в ужасе шептал Муромский. – Среди темноты ночь, среди ночи обоюдоострость… А тут как бы игралищем судьбы является и факт собственного сознания» [20. С. 298]. Выявление закономерностей в собственной биографии вырастает в отрефлексированную концепцию,

[6] Во всех цитатах текст Сухово-Кобылина дан в авторской орфографии и синтаксисе.

доказательность которой он проверяет на самом себе. «Странная судьба» – это собственный автобиографический универсальный канон, «формула личного бытия», повторяющаяся в эпистолярном корпусе, дневниках, репликах персонажей. Сухово-Кобылин составляет словно бы единый текст – свои «Доски судьбы».

Идея всеобщего единства для Сухово-Кобылина – это поиск универсальных соотношений, необходимых для «селекции», «чистки», подготовки к «Страшному Суду», а затем к переходу в новое качество. Вот как выглядят его тезисы, повторяемые в разных фрагментах:

> Теорема коэффициентов оных абсолютных урядителей Вселенной в их универсальных значениях. Урядители и водители Вселенной. Вселенские водители 0, 1 – бесконечность. Это суть элементы мира и первосозданные категории. Они тождественны по содержанию и различны по времени и форме [21. Л. 15].

Для Хлебникова объединяющую роль играет единая речь. Он стремится создать письменный язык, общий для всех народов третьего спутника Солнца, построить письменные знаки, понятные и приемлемые для всей населенной человечеством звезды.

> Думая о соединении человеческого рода, но столкнувшись с горами языков, бурный огонь наших умов, вращаясь около соединенного заумного языка, достигая распылением слов на единицы мысли в оболочке звуков, бурно и вместе идет к признанию на всей земле единого заумного языка [18. С. 620–621, 623].

Поиски Хлебниковым и Сухово-Кобылиным упорядоченности и единой логики нередко вращались вокруг исторических событий, имен, дат. Особая чувствительность к числовому ряду тоже удивительным образом объединяла их. Каждый шел своими мыслительными путями в поисках алгоритмов, обладающих строгой математической доказательностью. Совпадающие соотношения в истории для Хлебникова кратны двум, исторические альтернативы кратны трем.

Сухово-Кобылин составляет оси, на которых отмечает даты, строит графики и диаграммы событий, вычисляя математические закономерности. Так, к примеру, первый том «Философских писем» включает двенадцать «отрывков»: «Предтечи Гегеля» (три эссе), «История Гегелева предсмертного положения» (два эссе), «Темнота Гегеля и Гераклита», «Гегель думал существительными», «Личность

Гегеля и Наполеон», «Промахи Гегеля», «Поход к Иенской речи», «Иенская речь», «После Иенской речи» [22]. Драматург выводил свой философский словарь, индексируя в нем случайные величины или процессы главным образом через параметр исторического времени. В лингвистическом оформлении гегелевской мысли Сухово-Кобылин видел преобладание существительных, образующих «острые углы» – геометрические конструкции и зарисовывал их на полях рукописей [23]. Случайные процессы в «гегелевском комплексе» он называет **процессами с непрерывным временем**, потому что переход из одного эпистемологического состояния в другое может происходить в любой момент времени. Функция колебаний и подвижности этих случайных умственных состояний в сухово-кобылинских рассуждениях закрепляется формулой X (t0) и содержит систему координат, в которой протекают процессы, меняясь только в моменты времени t1, t2, t3...

Непосредственный анализ самих рукописей дает возможность оценить функциональность сшивания, скрепления рукописных блоков и авторского создания коллекций – конволютов как смыслового единства. Стохастические процессы гегелевской философии, обнаруживаемые философом-драматургом [24], зеркально отражаются в «Картинах прошедшего» модификациями «случайных» категорий.

ДЕЛО

Иван Сидоров. Не крушися, мой отец, – ей, не крушися; все в руках Господних! **Случалось** и мне на моем веку, и тяжко **случалось**. Иное дело, посмотришь, и Господи, напасть какая; кажется, вот со всех сторон обложило, а Бог только перстом двинет – вот уж и солнышко [20. С. 79].

Тарелкин. Знает. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. – Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватило его на полкуша. Стал сам давать – хуже. Кому даст – тот болен; на его место новый – мнение пишет. А тут еще какой **случай** вышел… [20. С. 90].

Тарелкин (выходит из кабинета, держа двумя пальцами ассигнацию, и показывает ее). ...Ведь вот и тут ничего не будет, – ничего! Оберет он меня, каналья, оберет как липку; как обирал – так и оберет. Хоть бы в щель какую, в провинцию забиться; только бы мне **вот Силу да Случай**, да я таким бы взяточником стал, что с мертвого снял бы шкуру; право, бы снял – потому нужда! Так вот что удивительно: нет вот мне **ни Силы, ни Случая**. (Задумывается.) [20. С. 93].

Князь (вздыхает и трет желудок). Фу-у-у!..

Варравин (тихо Князю). Не прикажете ли чего?

Князь. И сам не знаю, давно этак не **случалось.**

Муромский (расставив руки). С тех пор как свет стоит, **не случалось!..** Много в нем неправды бывало – ну этакого **случая** не найти!.. Вот как фокус какой: из ничего составилось дело, намоталось само на себя, да нас как … мух каких в эту паутину и запутало. … благоволите выслушать далее [20. С. 110].

Варравин (раскинув руки). Самый **необыкновенный случай**, Ваше Превосходительство. Пришел, как по всему заметно, проситель... [20. С. 132].

Тарелкин (делает жест). И концы в воду… Мертво и запечатано!..

Варравин. Т-с-с-с!.. (Приостановясь.) Какой **необыкновенный случай**… (Медленно крестится.) Дай Бог ему Царство Небесное [20. С. 136].

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

К читателю. Если сцены эти доставят ей несколько минут простого, веселого смеха и тем дадут **случай** на время забыть ту Злобу, которая, по словам Писания, каждому Дневи довлеет, то я сочту себя вполне удовлетворенным [20. С. 140].

Тарелкин. Решено!.. не хочу жить… И я кончил свои счета, сальдировал долги, квит с покровителями, свободен от друзей!.. **Случай**: на квартире рядом живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин должен, – Копылов не должен. Судьба говорит: умри, Копылов, и живи, Тарелкин. – Зачем же, говорю я, Судьба; индюшка ты, Судьба! [20. С. 142].

Тарелкин. Ну полноте, господа, – прошу вас; – ну развяжите мне руки – прошу. – Ну что же? – ну **случайное** сходство.

Расплюев. Да , да – стало, действительно **случайное** сходство [20. С. 163]

Варравин. Ну, Расплюев, молодец! – **Редкий случай**. Вот что дорого: взял и не выпустил [20. С. 170].

Варравин. Для дурачков и будет!.. Этих **случаев**, сударь, веками дожидаются. Это всякому лакомый кус. Тут награды, кресты, чины. [20. С. 171].

Тарелкин (в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова. Потом обертывается и выходит на авансцену. Медленно окинув взглядом публику). Господа, вам не надо ли управляющего имением?.. Одно слово, введу вам прогресс: рациональное Хозяйство на вольнонаемном Труде… так обделаю, что только ахать будете. … Право, подумайте. … **Харрррроший случай!**.. (Подождавши.) Что же? Нет?.. Не хотите? (Обращаясь к одному из зрителей.) Сделайте одолжение, милостивый государь, потрудитесь записать на случай мой адрес… [20. С. 188].

Любопытно отметить, что в комедии «Свадьба Кречинского» «случай», «случайное» появляется в ней изредка как естественный оборот речи. Зато маркеры стохастических процессов в драме «Де-

ло» и в комедии «Смерть Тарелкина» заметны. Их частотность возрастает к середине-концу 1860-х гг., что наглядно представлено в черновых выкладках Сухово-Кобылина, где он специально вычерчивает траекторий «случайных соединений и ансамблей» в истории мысли и в науке [25. Л. 17–18, 18 об.].

О «Досках судьбы» Хлебникова написано немало [26, 27]. Исследователи трактуют «Доски» многозначно – это законы, правила, сочетание текстов, которые подлежат расшифровке. Но «Доски» – это еще и строительный материал в буквальном смысле; его основа – это числа, двойки и тройки. История и время – это тоже строительные матрицы, из которых строится картина мира и истории.

Как уже отмечалось выше, уравнение «вечной жизни» Хлебникова, где сопрягаются все времена, многогранно перекликается с алгоритмами «Всемира» Сухово-Кобылина. Хлебников следует по пути, открытому Пифагором: срок человеческого бытия в прошлом, будущем и настоящем измеряется тысячей лет. За это время человек трижды рождается и умирает, трижды меняя «оболочку». 105+104+115=742 года 34 дня [28]. Невозможно в пределах данной статьи обсуждать числовой мир Хлебникова, тем более, что он достаточно подробно изучен [29]. Числа присутствуют повсеместно: и в брюшюре «Время – мера мира» [30], и во многих прозаических и поэтических контекстах. В «Досках судьбы», так же как и в стихотворениях, присутствуют числовые сети, словно бы наброшенные на высказывание сверху для уловления смысла.

Хлебниковым создан персонаж по имени Числобог, существо, овладевшее законами времени, уловившее его в свои линзы и зеркало.

Это был великий числяр.
Каждый зверь был для него особое число.
Он узнал личное число по поступи, по запаху... [31. Л. 7].

И звезды это числа,
И свободы это числа,
И смерти это числа,
И права это числа.
Счет бога, измерение бога
Мы, богомеры, написали на знамени [32. Л. 29].

В «Досках судьбы» можно наблюдать движения числовых рисунков, выраженных константным для Хлебникова комбинаторным сочетанием двоек и троек, попарно меняющихся местами, как в танце.

$$\frac{3^2 \cdot 2^{32} \cdot 2^3}{(3+2)^2 \cdot 3^3 \cdot 2^{(3+2)}}$$

[33. Л. 27].

Отметим, что в хлебниковских «Досках судьбы» и «Философии Всемира» Сухово-Кобылина число 365 является опорным. Хлебников визуализирует его «математическую морфологию» посредством $3^5+3^4+3^3+3^2+3^1+3^0+1$. Числовой рисунок Сухово-Кобылина – это зримая «пляска» пятерок: $5+5+ 5 + 5^2 + 5^3 + 5^2 + 5^3 + 5^2 +5^2$.

Пятерки, представляемые поочередно – целостно, либо вскрытые – «вспоротые» (в терминологии Сухово-Кобылина) в виде внутренней суммы (3+2) «трактуют логическую будущность человечества в бесконечных неупорядоченных периодах времени, мы можем будущность эту понимать только в ее логической или теоретической форме, следуя изначальным алгоритмическим предписаниям Аль Хорезми; причем органическую форму принуждены игнорировать и лишь в отдаленном будущем предполагать себя – свое потомство – способным ее усмотреть в ритмическом чередовании симметричных $5^2 + 5^3 + 5^2$ [34].

Как проницательно отмечают исследователи, «у Хлебникова число 365 подобно вращающемуся зубчатому колесу, шестерне, то есть время как бы прогрызает себе путь через историю. Этот образ связан с образом косы в последнем строке отрывка из «Детей Выдры». Число 365 уподоблено инструменту жатвы. Таким образом, оно словно бы пожинает урожай истории, – то есть играет (по отношению к истории) роль смерти с косой. Именно это делает Хлебников в “Досках судьбы”: образно говоря, он “пожинает” историю косой числа 365» [12. С. 87-88].

Еще одно совпадение, объединяющее космизм Хлебникова и Сухово-Кобылина, – это особая чувствительность к природе числа «одиннадцать». В одном из блокнотов Хлебникова с черновыми рас-

четами, предназначенными для «Досок судьбы», находим «портрет» и обоснование особой структуры числа 11:

> Почему 11 есть особая мера счета: при помощи его 3 и 2 могут переходить из неба степени на землю степени не меняя общего здания чисел. Весь храм чисел от такой прогулки не обрушивается, не падает и не обваливается. Там же **боги переодеваются, надевая личины земли**, где нужно чтобы бог стал человеком, а человек богом, и весь храм остался твердым. Так 11 – ворота в храм чисел, откуда переодетое божество смешивается с толпой людей и люди посходят на небо. 11 есть свободный пропуск между небом и землей, туда и обратно [32. Л. 19].

Ср. у Сухово-Кобылина в его философских штудиях:

> Ныне изобретенные велосипед и автомобили суть уже почин летания и суть действительное летание по горизонтальному протяжению. Оно столь же очевидно, как численная константа 11= 11*1. Их употребление прямо бьет на дальнейшее развитие в человеческом теле легких и, следовательно, ведет к улетучиванию человечества, т. е. к уменьшению удельного веса человека. Очевидно, как скоро удельный вес человеческого тела станет выравниваться с удельным весом воздуха, летание становится возможным, и самая жизнь, ускоряя свой темп и возводя температуру крови на степень температуры птичьей крови, открывая возможность создать аэростаты, плавание на которых становится при легчании тела безопасным, а вместе с тем возвышается как перемещаемость, так и деятельность самого человеческого организма, которая сравнительно с птицами стоит на такой оскорбительной низости. В этом случае здесь следует заметить, что при наблюдении полетов больших птиц – кондоров, орлов, коршунов – и малых птиц – ласточек, стрижей, корольков, а за сим пчел, оводов, мух, комаров и мошек можно с достоверностью утверждать, что объем тела в летающих животных состоит в обратном отношении к их перемещаемости, как 1: 11. Все летающие суть превосходные аэростаты. Нам предстоит зреть театр аэростатов, на сцене которого действующие лица – суть тела летающих насекомых. Они представляют массы, насквозь пронизанные пустотами [35].

На полях черновика видим рисунки Сухово-Кобылина – вязь и виньетки, в основе которых можно разглядеть цифровые комбинации числа «одиннадцать». Они обрамляют реплику из комедии-шутки «Смерть Тарелкина»:

> Людмила. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется. Так вот я с ним одиннадцать годков (подчеркнуто карандашом. – Е.П.) и мучилась; глаза выплакала с разбойником; глаз, бы-

вало, не сомкну, все плачу, а он дрыхнет себе да и только, горой его раздуй; а теперь, жеребец, и от меня отрекся, и от детей-то отрекся, кормить не хочет; это не мои, говорит, дети. Чьи ж, мол, эти дети, коли не твои? Укажи, чьи? Так не указывает [20. С. 177].

Мир чисел фигурирует и у Сухово-Кобылина, и у Хлебникова как принадлежащий театру, лицедейству, маскараду. Хлебников и Сухово-Кобылин в каком-то смысле и режиссеры вселенского спектакля, и посредники-переводчики в создании особого «языка космоса». И тот, и другой создают «речевой трансфер», транскрибируя речь обыденную в математических знаках и символах. Число и слово в этой системе «русского космизма» достоверно и наглядно передают «многопротяженное единство мира». Космизм Хлебникова и Сухово-Кобылина объединен тем, что человек в картине мироздания умаляется до предела, становится равен нулю. Об этом хлебниковском «исчезании человека» толкует и Ольга Седакова [36. С. 568–584], упоминая о проницательной догадке Х. Барана: геометрия Лобачевского «иконически отражает глубинную структуру мифа» [37. С. 550–567].

Текстологический поворот в изучении литературно-философских утопий позволяет глубже оценить смысловые и речевые находки, взаимные пересечения и вклад в историю русской «космической мысли», сделанный Хлебниковым и Сухово-Кобылиным.

Литература

1. *Виролайнен М.Н.* «Сделаем себе имя». Велимир Хлебников и М.П. Погодин: миф числа // Имя – сюжет – миф: проблемы русского реализма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 149–159.

2. *Хлебников В.* Ладомир. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 9. Автограф // Электронный архив русской литературы. URL: http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru/content/ladomir-poema-chernovoy-avtograf.

3. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма, или этюды спекулятивной философии в ее поступании за Гегеля. I том. Варианты // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 55.

4. *Семенова С.Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.

5. *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993. 184 с.

6. *Hagemeister M.* Russian Cosmism in the 1920s and Today // The Occult in Russian and Soviet Culture / Bernice G. Rosenthal (ed.). Ithaca, London: Cornell UP, 1997. P. 185–202.

7. *Young G.M.* The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. New York: Oxford University Press, 2012. 512 p.

8. *Карчевцев О.А.* Русский космизм // Грёзы о Земле и небе: Антология русского космизма. СПб.: Художественная литература, 1995. С. 5–25.

9. *Гройс Б.* Русский космизм: биополитика бессмертия // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, Фонд развития и поддержки искусства «Айрис», 2015. С. 6–29.

10. *Иванов Вяч.Вс.* Диалог. Сложность сознания и связь с космосом // *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 2 т. Т. I: Знаковые системы кино. Поэтика. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 577–584.

11. *Пенская Е.Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе. М.: Carte Blanch, 2000. 312 с.

12. *Лённквист Б.* Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб.: Академический проект, 1999. 234 с.

13. *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2003–2006.

14. *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. 416 с.

15. Велимир Хлебников в новом тысячелетии: Антология. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 512 с.

16. *Хлебников В.* Автограф // Электронный архив русской литерратуры. URL: http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru

17. *Сухово-Кобылин А.В.* Учение о времени и пространстве. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. №. 97. 29 л.

18. *Хлебников В.* Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.

19. *Сухово-Кобылин А.В.* Учение Всемир. Инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995. 215 с.

20. *Сухово-Кобылин А.В.* Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989. 360 с.

21. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские наброски. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 94. 32 л.

22. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 11-22.

23. *Сухово-Кобылин А.В.* Словарь. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 38-43.

24. *Сухово-Кобылин А.В.* Эмпирические открытия. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 49.

25. *Сухово-Кобылин А.В.* Явление в мир новой науки. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 23–25.

26. *Бабков В.* Контексты Досок Судьбы. М.: Рубеж столетий, 2000. 286 с.

27. *Дуганов Р.В.* Велимир Хлебников и русская литература. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 384 с.

28. *Кедров К.А.* Вселенная Велимира Хлебникова // Кедров К.А. Поэтический космос. М.: Советский писатель, 1989. С. 164-202.

29. Григорьев Виктор. Грамматика идиостиля // Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57-205.

30. *Хлебников Велимир.* Время мера мира. Пг.: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1916. 21 с.

31. *Хлебников Велимир.* РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 98.

32. *Хлебников Велимир.* РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 83.

33. *Хлебников Велимир.* РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 75.

34. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма. Поход к Эзекиилю. Анаксагоров ряд. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 46-47.

35. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма. Рассудочный мир. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 32–34.

36. *Седакова О.* Контуры Хлебникова: Некоторые замечания к статье Х. Барана // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 568–584.

37. *Баран Х.* Поэтическая логика и поэтический алогизм Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 550–567.

KHLEBNIKOV AND SUKHOVO-KOBYLIN. ON THE PROBLEM OF THE TEXTOLOGY OF RUSSIAN COSMISM

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 158–180. DOI: 10.17223/24099554/12/8

Elena N. Penskaya, High School of Economics (Moskow, Russian Federation). E-mail: e.penskaya@gmail.com

Keywords: A.V. Sukhovo-Kobylin, V. Khlebnikov, philosophy of cosmism, convolts, translation strategy, handwritten source, textual twist, language transfer.

The study was conducted as part of the Russian Science Foundation project No. 19-18-00353, National Research University Higher School of Economics.

Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin are artists that can be described using Khlebnikov's definition: a "self-valuable word". Utopia as a dramatic penetration of the philosophy of creativity into practical life is the main point that distinguishes Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin from pre-symbolists, symbolists, modernists and brings them close to each other. Yuri Tynyanov called Khlebnikov the "Lobachevsky of words". S.T. Aksakov perceived Sukhovo-Kobylin as a "mad mathematician". Perhaps, Vyacheslav Ivanov was first to intuitively put Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin on a par with each other. In his dialogue on the complexity of consciousness and connection with cosmos, he speaks about the classification of types of civilization according to the level of technological development. Ivanov considers Sukhovo-Kobylin to be the forerunner of modern reflections on this subject. Sukhovo-Kobylin's cosmism fits into a corpus of texts, the framework of which is limited by three components: the philosophy of Vsemir, Hegel's translations and the theatrical cycle. All of Khlebnikov's gestures, enshrined in the word, have the energy of cosmos, among which *The*

Boards of Fate is the most representative, cosmos-forming. It is a book that combines chronological tables of historical events, dates of the lives of great people, algebraic formulas with the equations of writers' lives ("The Equation of Gogol's Life"), poems, philosophical arguments, thoughts and notes from notebooks. It also has numerous draft notebooks, albums and separate drafts with notes of calculations. Sukhovo-Kobylin and Khlebnikov are connected by a constant desire to structure and streamline the universe. This general tendency is differently realized in different periods, it has different biographical and creative motivations. Khlebnikov's and Sukhovo-Kobylin's search for orderliness and a single logic often revolved around historical events, names and dates. Particular sensitivity to number series also united them. Each followed his own way of thinking in search of algorithms with rigorous mathematical proof. The world of numbers appears in both Sukhovo-Kobylin's and Khlebnikov's works as belonging to the theater, acting, masquerade. Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin, in a sense, are directors of a universal performance and intermediaries and translators in creating a special "language of cosmos". Both create a "speech transfer", transcribing everyday speech in mathematical signs and symbols. Numbers and words in this system of "Russian cosmism" reliably and clearly convey the "multi-extended unity of the world". The use of the authors' archives (Russian State Archive of Literature and Art, Institute of Russian Literature) allows outlining the contours of the original life of handwritten sources, reconstructing the original environment of the works and revealing more fully the meta-links with other texts.

References

1. Virolaynen, M.N. (1995) "Sdelaem sebe imya". Velimir Khlebnikov i M.P. Pogodin: mif chisla ["Let's make a name for ourselves." Velimir Khlebnikov and M.P. Pogodin: The myth of number]. In: Gerasimova, N.M. (ed.) *Imya – syuzhet – mif: problemy russkogo realizma* [Name – plot – myth: problems of Russian realism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 149–159.

2. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 9. Khlebnikov, V. *Ladomir. Avtograf* [Ladomir. Autograph]. Elektronnyy arkhiv russkoy literatury [Electronic archive of Russian literature]. [Online] Available from: http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru/content/ladomir-poema-chernovoy-avtograf.

3. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 55. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma, ili etyudy spekulyativnoy filosofii v ee postupanii za gegelizm. I tom. Varianty* [Philosophical letters, or essays of speculative philosophy in promotion for Hegelism. Volume 1. Variants].

4. Semenova, S.G. (1993) Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. (eds) *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: an anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 3–33.

5. Kurakina, O.D. (1993) *Russkiy kosmizm kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian cosmism as a sociocultural phenomenon]. Moscow: MIPT.

6. Hagemeister, M. (1997) Russian Cosmism in the 1920s and Today. In: Rosenthal, B.G. (ed.) *The Occult in Russian and Soviet Culture*. Ithaca; London: Cornell University Press. pp. 185–202.

7. Young, G.M. (2012) *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York: Oxford University Press.

8. Karchevtsev, O.A. (1995) Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: Karchevtsev, O.A. (ed.) *Grezy o Zemle i nebe: Antologiya russkogo kosmizma* [Dreams about the Earth and the sky: An anthology of Russian cosmism]. St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–25.

9. Groys, B. (2015) *Russkiy kosmizm. Antologiya* [Russian cosmism. An anthology]. Moscow: Ad Marginem Press, Fond razvitiya i podderzhki iskusstva "Ayris". pp. 6–29.

10. Ivanov, Vyach.Vs. (1999) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury: V 2 t*. [Selected works on semiotics and cultural history: In 2 vols]. Vol. I. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 577–584.

11. Penskaya, E.N. (2000) *Problemy al'ternativnykh putey v russkoy literature* [Problems of alternative ways in Russian literature]. Moscow: Carte Blanch.

12. Lönnqvist, B. (1999) *Mirozdanie v slove. Poetika Velimira Khlebnikova* [The Universe in the Word. Poetics of Velimir Khlebnikov]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.

13. Khlebnikov, V. (2003–2006) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Moscow: IWL RAS, Nasledie.

14. Baran, H. (2002) *O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify* [On Khlebnikov: contexts, sources, myths]. Moscow: RSUH.

15. Teryokhina, V. (ed.) (2012) *Velimir Khlebnikov v novom tysyacheletii: Antologiya* [Velimir Khlebnikov in the new millennium: An anthology]. Moscow: IWL RAS.

16. Khlebnikov, V. (n.d.) *Avtograf* [Autograph]. [Online] Available from: http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru.

17. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 97. 29 p. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Uchenie o vremeni i prostranstve* [The doctrine of time and space].

18. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya* [Works]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

19. Sukhovo-Kobylin, A.V. (1995) *Uchenie Vsemir. Inzhenerno-filosofskie ozareniya* [The Vsemir teaching. Engineering and philosophical insights]. Moscow: S.E.T.

20. Sukhovo-Kobylin, A.V. (1989) *Kartiny proshedshego* [Pictures of the past]. Leningrad: Nauka.

21. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 94. 32 p. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie nabroski* [Philosophical drafts].

22. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 11–22. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma* [Philosophical letters].

23. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 38–43. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Slovar'* [Dictionary].

24. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 49. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Empiricheskie otkrytiya* [Empirical discoveries].

25. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 23–25. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Yavlenie v mir novoy nauki* [The emergence of a new science in the world].

26. Babkov, V. (2000) *Konteksty Dosok Sud'by* [Contexts of The Boards of Fate]. Moscow: Rubezh stoletiy.

27. Duganov, R.V. (2008) *Velimir Khlebnikov i russkaya literatura* [Velimir Khlebnikov and Russian literature]. Moscow: Progress-Pleyada.

28. Kedrov, K.A. (1989) *Poeticheskiy kosmos* [The poetic cosmos]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 164–202.

29. Grigor'ev, V. (2000) *Budetlyanin* [Future-ling]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 57–205.

30. Khlebnikov, V. (1916) *Vremya mera mira* [Time is a measure of the world]. Petrograd: Tip. L. Ya. Ganzburga.

31. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 98. *Velimir Khlebnikov.*

32. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 83. *Velimir Khlebnikov.*

33. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 75. *Velimir Khlebnikov.*

34. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 46–47. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma. Pokhod k Ezekiilyu. Anaksagorov ryad* [Philosophical letters. Ф мшыше to Ezekiel. Anaxagoras].

35. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 32–34. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma. Rassudochnyy mir* [Philosophical letters. The rational world].

36. Sedakova, O. (2000) Kontury Khlebnikova: Nekotorye zamechaniya k stat'e Kh. Barana [The contours of Khlebnikov: Some comments on the article of H. Baran]. In: Ivanov, V., Papernyy, Z. & Parnis, A. (eds) *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 568–584.

37. Baran, H. (2000) Poeticheskaya logika i poeticheskiy alogizm Velimira Khlebnikova [Poetic logic and poetic alogism of Velimir Khlebnikov]. In: Ivanov, V., Papernyy, Z. & Parnis, A. (eds) *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 550–567.

УДК 821.111
DOI: 10.17223/24099554/12/9

С.Б. Королева, М.И. Никола

КОНЦЕПТ *HOLY RUSSIA* В РОМАНЕ Г. УЭЛЛСА «ДЖОАННА И ПИТЕР»: ДИАЛОГ С РОССИЕЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ, СВЯТОСТИ И ГЕНИАЛЬНОСТИ

«Джоанна и Питер» не самое известное произведение Г. Уэллса. Однако место его значительно как в творчестве писателя, так и в истории английской литературы, что связано не столько с его эстетическими характеристиками, сколько с углубленным диалогом со временем, традицией и культурами, который ведут автор-рассказчик и герои. В преддверии двух социально-политических катастроф (для читателя и писателя – в их ретроспективе) они пытаются осмыслить итоги развития европейской истории. В этом осмыслении и в размышлениях о грядущей судьбе человечества важную роль играет путешествие героев-британцев в Россию, их попытки понять «русскую идею» и определить источник величия русского народа и русской культуры.

Ключевые слова: *концепт, рецепция, исторический контекст, мотив, Г. Уэллс, Святая Русь*.

Представления о национальном «своем» и «чужом-другом» в европейских культурах на рубеже XIX–XX вв. претерпели существенные изменения. «Свое» европейское – в частности, английское – стало впервые пониматься не только как высоко цивилизованное, моральное и прогрессивное (как оно представлялось, в целом, с XVI в.) [1], но и как механистичное, излишне прагматичное, порой – лицемерное, жестокое, узко-рассудочное [2. P. 43–45]. Неслучайно в получившей в свое время широкую известность научно-публицистической книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (в переводе на английский был впервые опубликован в 1913 г.) сущность современной западной цивилизации связывается с «механистичностью», «атомарностью» мышления, душевным омертвением [3.

P. 18]. Высвечивая особенности современного «английского» в 1916 г., Джон Голсуорси отмечает более точечные, но все же соотносимые с общеевропейскими чертами, выделенными Вогюэ, характеристики – такие как «страсть к формальной правде» (a passion for the forms of truth), «самообман» (self-deception), «практически направленный здравый смысл» (practical common sense) и нюх на то, чего и как в жизни можно достигнуть (instinct for what is attainable, and for the best <…> means of attaining it) [4. P. 82–87, 82–85].

В этой связи закономерно возникает новое прочтение русской культуры как культуры христианской, мистически-религиозной, а особенностей поведения и быта русских не как «варварства» и «невежества», но как «естественной простоты» и открытой, душевной эмоциональности [5]. Уже в одной из первых английских русофильских книг – книге журналиста и писателя, проведшего в России около шести лет, Дональда Маккензи Уоллеса «Россия» (*Russia*, первое издание вышло в 1877 г., всего книга выдержала десять изданий), – утверждается, что для русского народа характерен не только «здравый смысл», но и «добродушие», и «полуфаталистическая самоотверженность» [6. P. 57–61]. В сопоставлении с «английским» «русское» для Голсуорси – жизнь, неумерщвленные эмоции, (emotion is not castrated), выражаемые открыто чувства (feelings are openly indulged in) [6. P. 83]. В более позднем эссе Вирджинии Вулф (*Russian Point of View*, 1925 г.) «русское» связывается с «простотой», «душой», «призыве» «понять и принять страдающих рядом с нами <...> всем сердцем» (the simplicity, <…> the assumption that <…> the chief call upon us is to understand our fellow-sufferers <…> with the heart) [7].

Одним из ярких проявлений этого сдвига в отношении представлений о «своем» и «чужом-другом» является формирование нового слоя в британском концепте *Holy Russia* (Святая Русь), – слоя, который резко контрастирует с первичным ядром и по своему содержанию, и по своей оценочности. Он, в то же время, приближается к ядру исходного русского концепта *Святая Русь* и тем его историческим слоям, которые примыкают к нему. Через осмысление основных слоев британского концепта *Holy Russia* к пониманию «русского» пытаются прийти герои романа Герберта Уэллса «Джоанна и Питер. История образования» (*Joan and Peter. The Story of an Educa-*

tion, изд. в 1918 г.). Обратимся к нему как к тексту, в котором концепт *Holy Russia* в разных его слоях нашел полноценное художественное воплощение.

Роман Герберта Уэллса «Джоанна и Питер» не получил восторженных откликов читателей: его посчитали слишком длинным, излишне дидактичным и даже искусственным [8. P. 150]. Однако сам автор защищал его всю жизнь и называл одной из своих самых серьезных, глубоких работ [Ibid]. Следует предположить, что в нем ясно воплотились духовные поиски писателя в послевоенное время. Действительно, мотивы и образы романа удивительно созвучны идеям, высказанным в научно-публицистической книге «Краткая всемирная история» (*The Outline of History*, написана в 1918–1919 гг.), которая была издана чуть позже, в 1920 г. Особенности и тех, и других стоят под знаком убежденности писателя в том, что «человеческая жизнь, какую мы знаем, есть только рассеянный сырой материал той человеческой жизни, которая могла бы быть» (‘human life as we know it, is only the dispersed raw material for human life as it might be’) и что человечество должно собраться, объединиться и измениться к лучшему [9. P. 11–12]. В «Истории» Уэллса силами, способными подтолкнуть людей к этому пути, обладают Британия и Россия: это два государства, две империи (для Уэллса очевидно продолжение имперской миссии России и после революции), которые в величии своего историко-политического облика несут идею сверхнационального объединения для общего блага (the public good). На пути же общего объединения человечества стоят, как утверждает Уэллс там же, стоит национальное мышление. Для британца-англичанина это соотнесенность себя с «Доброй Англией» (Merry England), для русского – со «Святой Русью» (Holy Russia): «Men find themselves a part of Merry England or Holy Russia; <…> they accept them as a part of their nature» / «Люди видят себя частью Доброй Англии или Святой Руси; <…> они воспринимают это как часть самих себя») [9. P. 795].

«Святая Русь» в «Истории», таким образом, предстает традиционным наименованием *русской идеи*, самой сути *русского*. К *пониманию* же этой сути (как одной из больших национальных идей современного раздробленного мира) пытаются прийти главные герои уэллсовского романа Освальд и Питер. Они едут в Россию для того, чтобы увидеть и понять мир, по внешней мощи и внутреннему вели-

чию равный Британии. В эпизоде рассуждений Освальда о *русском* возникает наименование «Святая Русь» (Holy Russia) как традиционное обозначение «русской идеи» (Russian will): «Освальд, несмотря на скептическое отношение ко многим современным ему идеям, был в некоторой степени очарован фантазиями о «Святой Руси»/ ‘Oswald, in spite of his own sceptical opinions, was a little under the spell of the ‘Holy Russia’ legend’ [10. P. 382]. В манере, свойственной типично внешнему наблюдателю, герой озвучивает три версии «русскости»; за каждой из них стоит особый этап восприятия русского концепта «Святая Русь» в Британии.

Первая версия представляет феномен русской идеи в виде азиатского (монголо-татарского) военного лагеря: ‘a Tartar camp, frozen’; ‘a camp changed to wood and brick and plaster’ [10. P. 382]. Под маской защиты христианства (‘all these crosses everywhere are like the standards outside the tents of the captains’ [10. P. 382]) он стремится покорить Европу (‘Asia advancing on Europe’ [10. P. 383]) власти русского (что в тексте равно азиатскому) царя. Эта интерпретация связывает наименование *Holy Russia* с ядром и базовым слоем британского концепта, сформированным во второй половине XIX в.

Концепт *Holy Russia* вошел в английский язык и британскую культуру, несомненно, с опорой на столь характерный для русской интеллектуальной мысли XIX в. (начиная с 1820-х гг.) интерес к теме Святой Руси: здесь уместно было бы вспомнить отсылки к Святой Руси в работах Н.М. Карамзина (в первую очередь, в «Записке о древней и новой России», 1811 [11. С. 34]), и многозначность концепта в поэзии А.С. Пушкина и Н.А. Некрасова, в творчестве Ф.М. Достоевского и Ф.И. Тютчева, и упоминание о «Святой Руси» в манифесте императора Николая I от 14 (26) марта 1848 г. Манифест не мог пройти незамеченным европейской прессой, – в частности, в той его части, где царь призывает «по заветному примеру наших православных предков» «в неразрывном союзе с Святой нашей Русью» «защищать честь имени русского и неприкосновенность пределов наших» [12]. В знаменитом стихотворении П.А. Вяземского «Святая Русь», впервые опубликованном в 1848 г., нашли воплощение все основные смысловые элементы базового слоя концепта, сформированного в эту эпоху: Святая Русь здесь – возлюбленное Отечество, за которое и умереть не страшно («карамзинская»

линия), и православное пространство, освещающее людей светом Христовым (линия одновременно книжная (с XVI в.) и фольклорная [13; 14]), и общее, соборное духовное основание («хомяковская» трактовка, данная, в частности, в формуле «тождество единства и свободы, проявляемое в законе духовной любви» в статье «По поводу Гумбольдта» (1849 г.) [15. С. 148-176]). В то же время, стихотворение разрабатывает новое поле интерпретации концепта – как ценностного идеала, связанного с личной ответственностью человека за молитвенный, духовный свет в себе и в целостном пространстве русского мира:

Как в эти дни годины гневной
Ты мне мила, святая Русь,
Молитвой теплой, задушевной,
Как за тебя в те дни молюсь!.. [16. С. 1]

Прямое свидетельство тому, что проникновение наименования «Святая Русь» в ее эквивалентах в европейских языках происходило с опорой на русские интеллектуальные источники первой половины XIX в., находим в содержании и самом названии книги знаменитого французского гравера и карикатуриста этой эпохи Гюстава Доре «Живописная, драматическая и карикатурная История Святой Руси по летописцам и историкам Нестору, Никону, Сильвестру, Карамзину, Сегюр и др.» (*Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie d'après les chroniqueurs et historiens Nestor, Nikan, Sylvestre, Karamsin, Segur, etc., etc., etc*, 1854) [17]. В названии примечательно многое: и упоминание имен древних русских летописцев, которые могли быть известны Гюставу Доре, конечно, исключительно из перевода на французский «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина (полный перевод под названием *Histoire de l'empire de Russie* был издан между 1819 и 1826 гг. в Париже и имел довольно широкое хождение в Англии), и упоминание, наравне с Карамзиным, Луи-Филиппа де Сегюра, французского дипломата и историка, описавшего впечатления о России в своих мемуарах (*Mémoires ou souvenirs et anecdotes*, 1825), и собственно обозначение страны как «Святой Руси». Примечательно, что, хотя «Святая Русь» в «Истории» Карамзина прямо не упоминается, немало сказано в ней и о «Святом Отечестве», и о «Святой вере», и о святости любви к ро-

дине, и о святынях земли русской (см., в частности, том 12, гл. 3–5). Сама книга Доре, неоднозначно сатирическая по содержанию, могла вполне быть известна английским интеллектуалам, так как за творчеством Гюстава Доре в Англии следили. В 1867 г. в Лондоне была организована большая выставка его гравюр, а в 1872 г. после пяти лет его напряженной работы была издана книга «Лондон: паломничество» (*London: a Pilgrimage*), содержащая 180 его гравюр с изображением современного ему Лондона.

Проникновение русского концепта в европейское сознание было отягощено обстоятельствами историко-политического характера. Для русско-британских отношений это, в первую очередь, прямое столкновение Британии и России в ходе Крымской войны (1853–1856 гг.), а также участие Британии в очередной русско-турецкой войне в 1877–1878 гг.

В этих историко-политических обстоятельствах в Британии – тайном союзнике Оттоманской империи и открытом противнике экспансии России на восток – нарастает волна антироссийских и антирусских настроений. В британской литературе прочерчивается перспектива символического соотнесения всего русского с темным, чудовищным, безбожным. Так в стихотворении Альфреда Теннисона «Атака тяжелой бригады» (*Charge of the Heavy Brigade*, 1882), посвященном Крымской войне, в описание сражения британцев с русскими вводится символика противостояния света – тьме, добра – злу, человеческого мира – миру природно-чудовищному, западного рыцарства – восточным безбожным ордам: русские солдаты изображаются то как «масса», возникающая «откуда-то снизу» (‘the mass from below’); то как «покрытая тьмой» «толпа» – коршун, «раскрывающий свои крылья» над британскими смельчаками, «туча», накрывающая англичан своей тенью (‘<…> dark-muffled Russian crowd,/ Folded its wings <…>/ And roll’d them around like a cloud’); то как «темно-серое море» (dark-gray sea), захлестывающее красные (good redcoats) – как капли крови (‘like drops of blood’) – куртки британских солдат; то как темный «лес копий и мечей» (‘forest of lances and swords’), сквозь который, как победители и повелители (‘like victors and lords’), пробиваются британцы, чтобы пронзить саблями, создающими вокруг себя «круги света» (‘circles of light’), «сердце русских орд» (‘hordes’) [18].

Схожим образом, лейтмотивом стихотворения Ч.А. Суинберна «Белый царь» (*The White Csar*, 1877) становится лицемерное несоответствие между внешней благостью в облике и поведении русского государя, в наименовании его «Белым царем» – и его политическими действиями, которые несут страдания и смерть. Это несоответствие приобретает в стихотворении грандиозные всемирные масштабы:

> Whence all earth's waters cannot wash the brand
> That signs thy soul a manslayer's though thou speak
> All Christ, with lips most murderous and most meek <…> [19. P. 65]
>
> И потому воды всей земли не смогут смыть клеймо,
> Изобличающее в тебе убийцу; ты произносишь
> Христианские слова, но губы твои смертоносны и смиренны <…>

В этом контексте наименование 'Holy Russia' закономерно воспринимается как лживая «вывеска», за которой скрывается «убийственный деспотизм» царского режима. Иначе говоря, за этим наименованием в британской культуре (по принципу иронического переноса) первоначально закрепляется ассоциация с агрессивным политическим режимом и, прежде всего, внешней экспансией Российской империи. Эта первичная интерпретация, связанная с абсолютно негативной оценочной окраской, с представлением о чуждости, враждебности, лживости и жестокости гротескно проявлена в двух публицистических памфлетах «Английская честь» (*England's Honour*) и «Святая Русь и христианская Европа» (*Holy Russia and Christian Europe*), изданных в Лондоне в 1878 г. В первом памфлете автор обвиняет Россию в том, что она лицемерит, называя себя «христианской империей» ('a Christian empire'), тогда как на самом деле сводит свою «святую миссию» к «жестоким войнам» ('carrying out a Christian and a holy mission in her cruel wars of aggression') [20. P. 6]. Во втором памфлете русские царь и солдаты иронично названы «крестоносцами святой Руси» ('the Christian crusaders of Holy Russia') [20. P. 29]. Их основными действиями оказываются «резня», «убийство», «опустошение» (butchery, murder, desolation) [20. P. 24]. Автор доходит в резкости своих оценок до утрированного сарказма и предлагает сделать из русского царя нового идола – символа власти Сатаны ('the worship of Satanism and god of hell, incarnate in Russia') [20. P. 28].

Памфлеты воплощают саркастически-негативное отрицание смыслов, продуцируемых русским концептом «Святая Русь» и выстроенных вокруг идеи святости и традиций православия как ценностных оснований русской культуры и государственности. О том, что именно эти смыслы являются центральными для ядра и базового слоя русского концепта, свидетельствуют упомянутые выше тексты эпохи. Об этом же говорят исследования В.Н. Топорова [21. Т. 1. С. 7–13], В.В. Лепахина [14], С.Н. Перевезенцева [22]. В наименовании ‘Holy Russia’ в памфлетах проявляется переворачивание исходных смыслов русского концепта: за ним закрепляется поле значений, которое можно было описать при помощи ключевых слов «ложь» и «лживость», «маска» (или вывеска) христианской империи, «жестокие войны», «убийство», «власть Сатаны».

О том, что это не единичная авторская интерпретация наименования, можно судить и по тому, как гиперболично проявленные в ней смыслы играют в текстах других эпох, и по тому, как схоже они озвучиваются в других публицистических высказываниях – в частности, в статье «Дела Святой Руси» (*Doings of Holy Russia*), появившейся в выпуске *Southland Times* (газеты, публиковавшейся в новозеландской колонии Британской империи) от 30 мая 1885 г. за авторством Джорджа Госсипа – британца американского происхождения, публиковавшегося в самых разных изданиях Британской империи, Франции и США [23]. В статье о «Большой Игре» за Индию утверждается, что Россия, наконец, «сняла маску» (‘has thrown off the mask’) и открыто заявила о своем стремлении установить в Индии власть российского самодержца. Статья, вспоминая о «зверствах» и «варварских поступках» Петра I, Екатерины и Павла, дает краткое описание дикой внешнеполитической «агрессии» России «за последние семьдесят лет» (‘Russia’s aggression during the last seventy years, <…> and her unparalleled barbarities’) и обобщает: если Англия не займет более твердую позицию и не проявит большей изворотливости, Россия получит все, чего добивалась, – не только Среднюю Азию, но и Индию. Наименование «Holy Russia» в статье не упоминается, однако в заголовок вынесено именно оно в совершенно ясной соотнесенности с содержанием. ‘Holy Russia’ отсылает к самоназыванию русскими своей «большой» христианско-нравственной идеи и обозначает, в противовес тому, что говорят русские о себе,

псевдохристианскую маску агрессивного государства, связанную с варварски хитроумной и жестокой внешней политикой захвата территорий и завоевания народов.

Эти смыслы ядра и базового слоя британского концепта проявляются и в публицистике начале XX в. – в частности, в эссе писателя и журналиста Эдварда Гарнетта «Место Толстого в европейской литературе» (*Tolstoy's Place in European Literature*, 1903). В эссе отстаивается мысль о том, что Толстой есть не только «совесть русского мира, восстающая против слишком тяжелой ноши» «военного продвижения Святой Руси к построению великой азиатской империи» ('the conscience of the Russian world revolting against the too heavy burden which the Russian people have now to bear on Holy Russia's onward march towards the building-up of her great Asiatic Empire'), но и «душа современного мира, пытающаяся заменить любовью к человечеству жизнь тех старых религий, которые наука разрушает» ('the soul of the modern world seeking to replace in its love of humanity the life of those old religions which science is destroying') [24. P. 36]. Как видим, здесь 'Holy Russia' понимается вполне традиционно, в рамках смыслов ядра британского концепта – как стремящаяся к разрастанию военизированная азиатская империя, скрывающая свою агрессию под маской защиты христианства.

Обращает на себя внимание, в то же время, некоторое приращение смыслов внутри этой традиционной интерпретации наименования. Оно наблюдается и в романе Уэллса, и в эссе Гарнетта и связано с включением «азиатского» (татарского) элемента. Это не совсем неожиданное (или совсем не неожиданное) приращение, если рассматривать его в традиции восприятия России в Британии. «Татарское» как важный элемент русского в восприятии европейцами России исторически связано с длительными отношениями Руси с Золотой Ордой, – отношениями, о которых сразу стали писать европейские, в том числе, английские хроники («Хроника» Матфея Парижского, «Хронике монастыря св. Эдмунда», «Анналы Тьюксберийского монастыря») [25].

В «Хронике» Матфея среди записей за 1237 г. есть такие, которые повествуют о «тартарах» – «люде сатанинском проклятом», «неутомимых» и «непобедимых» «чудовищах» «свирепее львов и медведей», пьющих кровь и пожирающих сырое – даже человече-

ское – мясо, не знающих «человеческих законов» и не ведающих «жалости» [26. С. 107–171, 135–136, 137–138]. Представление о длительном пребывании этих «непобедимых чудовищ» на территории Руси-России породило впоследствии устойчивую ассоциацию русского мира с миром татарско-Тартарским. Эта ассоциация в XIX веке сказалась, в частности, в бурлексной поэме У. Теккерея «Легенда о святой Софии Киевской» (1839). В ней рассказывается о захвате и разграблении в IX в. православного Киева жестокими чужеземцами из степей. Именуются же они то хитрыми, вороватыми, кровожадными «казаками» (Cossacks), то «жестокими татарами» (Tartars fierce), то «турками» (Turks), то «калмыками» (Calmuc), то «безжалостными русскими» (ruthless Russians) [27. P. 114–145, 117–119, 122–123, 134].

Таким образом, ядро и базовый слой британского концепта *Holy Russia* формируется во второй половине XIX века как смысловой «перевертыш», то есть как ментальное образование, переворачивающее ценностные ориентиры исходного русского концепта *Святая Русь*.

К ядру и базовому слою концепта, как мы видели, отсылает первая из интерпретаций «русской идеи», озвученных героем романа Уэллса «Джоанна и Питер» Освальдом. Вторая интерпретация *русского* в речи Освальда и в романе имеет совершенно другой характер и соотносится с другим, следующим (и актуальным для Уэллса и его эпохи) слоем британского концепта. Освальд пытается понять, не одержим ли русский мир «неким эпилептичным гением» (‘a sort of epileptic genius’), не является ли он народом-крестоносцем, «настаивающим на своей нравственной правде, протягивающим свой крест человечеству» (‘insisting on moral truth, holding up the cross to mankind’) [10. P. 383]. Не находя подтверждения этой своей догадке внутри себя, Освальд не только косвенно (через мотив эпилептичности), но и прямо ссылается на Достоевского (‘One understands Dostoevsky better <…>’ [10. P. 383]), – писателя, с 1880-х гг. знакомого британскому интеллектуалу и знаковому для британской культуры 1910–1920-х гг. Именно в этот период британский интеллектуальный читатель по-новому оценил глубину изображения Достоевским внутренней драмы современного человека – драмы поисков истины и борьбы с собой и за себя [28]. С другой стороны, Достоев-

ский и в это время продолжал восприниматься как истинно русский писатель, в его творчестве видели воплощение русскости. Однако в идее «нравственной правды», которую Освальд связывает с Достоевским, находит воплощение, конечно, не собственно русскость самого Достоевского, но своеобразное преломление его «русской идеи» в контексте эпохи, британской культуры и творчества Уэллса.

Прежде осмысления контекстов коротко обратимся к «русской идее» самого Ф.М. Достоевского. Она, как известно, разворачивается в двух основных планах – в философско-публицистическом и художественном. В публицистике писатель формулирует ее первоначально в 1861 г. («Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 г.»), а затем развивает в более поздних публичных выступлениях (в частности, в знаменитой «Речи на открытие памятника Пушкину», 1880 г.) [29]. Во всех опорных смыслах – религиозность, православие, отзывчивость, способность к единению и братской любви – «русская идея» Достоевского доводит до предела идею соборности как внутренней опоры существования русского народа и русской государственности, которая впервые прозвучала у А.С. Хомякова. В то же время, писатель декларирует ее не просто как факт духовной жизни русского народа, но и как социально-нравственный императив: это реальная почва для преодоления разрыва между народом и интеллигенцией, народом и дворянством, а также основание «ненасильственного способа объединения всех жителей планеты на основе русского социализма как братства народов во Христе» [29. С. 50].

Сформулированная в публицистике, «русская идея» глубоко соответствовала важной основе зрелого художественного творчества писателя – стремлению вернуть читателю веру в живую человеческую душу и Живого же Бога [30, 31]. С набольшей силой это стремление выразилось в романах Достоевского в образах подвижников, старцев, людей, стремящихся к святости (таких как старец Зосима и Алеша в «Братьях Карамазовых», старец Тихон в «Бесах», Макар Долгорукий в «Подростке»). В поэтическом творчестве – в образах «креста» (как евангельского учения о царствии Небесном, которое, как известно, «берется» силой и смиренным принятием трудностей), «святыни» (как идеала святости в русской культуре), «веры» (не только как православия, но и как религиозной устремленности всей жизни), «трона» (верность самодержцу и самодержавию). Эти обра-

зы возникают, в частности, в стихотворении Достоевского «На европейские события в 1854 году», написанном в ответ на события Крымской войны и многозначно очертившем круг «своего» русского в противопоставлении «чужому» европейскому:

Но знайте же, что и в последней муке
Нам будет чем страданье перенесть!
<…>
Мы верою из мертвых воскресали,
И верою живет славянский род.
Мы веруем, что Бог над нами может,
Что Русь жива и умереть не может! <…> [32]

Представление о творчестве Достоевского в британской культуре 10–20-х гг. XX в. связано не только с наблюдениями над тонкостью глубинного психологизма его романов. Важной составляющей этого представления было ощущение его «русскости», восходящей, в первую очередь, к вере в Бога и чистую любовь, к утверждению внутреннего света, душевной доброты и открытости как высшей ценности человеческого существования. «Ни один английский писатель не <...> дал такой полной картины человеческой жизни, с ее бытовой и героической стороны [как Толстой]. Ни один английский писатель не исследовал человеческую душу так глубоко, как Достоевский», – полемически заостренно утверждает в знаменитом эссе 1927 года Э.М. Форстер [33. P. 5]. И продолжает, связывая особенности творчества Достоевского с его русскостью: его «характеры и ситуации всегда обозначают нечто большее, чем заключено в них самих», «в них присутствует вечность» и видение Бога [33. P. 120–121]. В знаменитом эссе В. Вулф «Русская точка зрения» столь же афористически декларируется, что «романы Достоевского целиком и полностью состоят из материала души»; о русском же романе и о русском миропонимании, в целом, говорится именно в связи с вниманием к своей и чужой душе: «главным героем русской литературы» является, по утверждению Вулф, «душа» (‘the soul that is the chief character in Russian fiction’), а основной ее призыв – это «призыв» «в мире, разрывающемся от страданий», «понять и принять страдающих рядом с нами <...> всем сердцем» (‘the assumption that in a world bursting with misery the chief call upon us is to understand our fellow-sufferers <…> with the heart’) [34].

Схожим образом, и в научно-популярных книгах и поэтическом творчестве Мориса Бэринга – авторитетного знатока русской истории и литературы, русофила и друга Уэллса – Достоевский предстает тем, кто, спустившись в «глубочайшую бездну» человеческой души, говорит о ней с любовью и милосердием, кто зовет ее к Богу [35. P. 38; 36. P. 196–222]. Таким образом, увязывание русскости с творчеством Достоевского, а последнего с христианской идеей, призывом идти за Христом и, страдая, нести свой крест было в период создания Уэллсом романа более или менее общим местом британской интеллектуальной культуры. В то же время, очевидно, что использование эмоционально насыщенных глагольных форм «insisting» и «holding up» подразумевает резкое внутреннее противоречие между прекрасной идеей всеобщего спасения в христианской истине и насильственного приведения к этому спасению. За этим противоречием скрывается, конечно недоверие и неприятие героями уэллсовского романа «русской идеи» Достоевского в ее британском звучании. О том, что неприятие этой идеи характерно и для авторской позиции, свидетельствует более ранний эпизод романа.

Впервые мотив «моральной правды» и «креста», протянутого человечеству, в отношении России и русских возникает в эпизоде в клубе Плантейн. К России апеллирует оппонент Освальда епископ Пиннерский. Он отстаивает идею о том, что образование для народных масс вредно, что массы должны верить в простые вещи – в главу государства и в Бога. В контексте центральных идей романа и высказывания Освальда в том, что «образование лежит в корне проблем современности» (‘Education <…> is at the heart of the whole business’), что невозможно принадлежать великой империи и одновременно мыслить масштабами «церковного прихода» (‘We have an empire as big as the world and an imagination as small as a parish’) [10. P. 221], эти идеи прочитываются как фальшиво-консервативные, далекие от насущных проблем современности и заботы об общем благе.

Фальшь обнаруживается не только по контрасту с позицией героя и автора-рассказчика, но и в самой речи епископа, излагаемой в форме сочетания косвенной и несобственно-прямой речи: «He had visited Russia. He had been to the coronation of the Tzar, a beautiful ceremony, only a little marred by a quite accidental massacre of some of the spectators» / «Он побывал в России. Он присутствовал на коронации

царя, прекрасной церемонии, только слегка подпорченной случайным убийством некоторых зрителей» [10. P. 226], – так начинается этот «пересказ»[1]. Здесь в резко сатирическое столкновение входят описания «красивой церемонии» (‘beautiful ceremony’) коронования, значение слова «massacre» (избиение, резня, бойня) и эпитет «только немного подпорченный» (‘only a little marred’).

Россия служит епископу аргументом и примером, подтверждающим правильность его идей. Он говорит о том, что в России «многое восхищает» (‘There was much to admire in Russia’) – «послушность» (‘obedience’), «примитивное смирение» (‘a sort of primitive contentment’) перед ситуацией, доверие к царю (‘trust in the Little White Father’), вера в Бога (‘belief in God’). Ставя в пример британцам патриархальные ценности русского мира, епископ, очевидно, опирается на книгу довольно известного во времена Г. Уэллса британского журналиста, писателя, русофила С. Грэма «Путь Марфы и путь Марии» (*The Way of Martha and the Way of Mary*, 1916) и, упрощая, высказывает ее центральную идею: «Russia was the land of Mary, great-souled and blessed; ours alas! Was the land of bustling Martha <…> Time after time I asked myself, ‘Aren’t we Westerners on the wrong track? Here is something – Great. <…> Something simple. <…> Here Christianity *lives indeed*[2]». / «Россия была землей Марии, великодушная и благословенная; наша же страна, увы, была землей суетливой Марфы <…> И я все спрашивал себя: «Не на ложном ли мы, западные люди, пути?» Вот здесь что-то – Великое <…> Что-то простое. <…> Здесь христианство действительно живо» [10. P. 226].

Стивен Грэм (так же, как Морис Бэринг, на которого Уэллс ссылается во введении к этому своему роману) много времени провел в России, изъездил ее с севера на юг и с запада на восток, хорошо изучил ее народ и культуру и много писал о ней. В книгах Грэма о России концепт *Holy Russia* играет едва ли не ведущую роль. В «Неоткрытой России» (*Undiscovered Russia*, 1914) концепт получает яркое выражение как в названии 54 главы (Chapter XLIV: *Holy Russia*), так и в образах, содержащихся в ней: это образ русской «матери-земли»,

[1] «Случайной убийство некоторых зрителей», конечно, описывает давку на Ходынском поле.

[2] Выделено в авторском тексте.

открытой Господу (‘the mother earth to which <…> the God <…> may add another lustre to the rose’) – образ земной природы, святой своей связью с Богом и своей заботой о людях, живущих на ней. Это и образы русских женщин-молитвенниц, крестьян, монахов, святых, чудотворных икон, церквей, – иными словами, образы обращенного к Богу русского народа и русской религиозной культуры (‘the holy peasants toiling in the fields’, ‘a hundred millions of them submissive unto God <…>, the monks praying for the departed, the priests performing rites in empty churches, the hermits, the village saints, <…> the wonder-working Ikons <…>, the holy monks who kneel eternally in the presence of the Mystery’) [37. P. 329]. За концептом *Holy Russia* закрепляется исключительно положительная оценка и специфическое понимание отношений между Россией и Западом: первая в книге С. Грэма аллегорически предстает в виде молящейся за весь мир женщины, второй – в виде покоряющего земные пространства, созидающего мужчины (‘Russia herself, as has been observed, is a woman-nation. She is the Western-man’s wife, the womb of nations. <…> England needs Russia living on the soil in holiness and simplicity’ [37. P. 327]).

Схожим образом, в публицистике и поэзии (в частности, стихотворения *Harvest in Russia*, *Russia*) Мориса Бэринга постоянно возникают образы как русской земли-матери и простых крестьян, мистически связанных с ней и через нее – с Богом, так и образы собственно живой религиозности, свойственной русской культуре: «религия в России <…> всегда будет частью патриотического чувства», «пока существует русский народ, будет жить и его религиозное чувство» (‘religion in Russia <…> will always remain a part of patriotism; <…> as long as there is Russian nation there will be a Russian religion at the core of it’ [38. P. 358]). Не называя именем «Holy Russia» эту центральную константу русского сознания, Бэринг по существу говорит о Святой Руси, подобно Стивену Грэму и отчасти многим британским модернистам, как о религиозности русского менталитета и всех тех, кто является носителями этой религиозности, кто проявляет ее в жизни. Именно эта религиозность, вера в живую эмоционально-энергийную связь человека с Богом и человека с человеком, начиная с конца XIX в., ставится британскими интеллектуалами в центр представлений о русском характере, о «русскости». С ней связывается и то новое ощущение «своего» в русской культуре, которое харак-

терно для ее восприятия в Британии в эту эпоху, и то острое переживание чуждости, обездушенной формальности своей культуры, от которого столь интенсивно отталкиваются британские модернисты. Концепт *Holy Russia*, таким образом, на рубеже XIX–XX вв. приобретает принципиально новый семантический слой и этой своей частью перемещается в центр представлений британского интеллектуального читателя о России и «русскости».

Итак, предположение Освальда о религиозно-моральной основе «русской идеи» содержит не только эксплицитную отсылку к Достоевскому, но и имплицитную – к тому актуальному слою британского концепта *Holy Russia*, который прямо формируется в книгах Мориса Бэринга и Стивена Грэма о России и косвенно – в творчестве британских модернистов, в частности, в их высказываниях о русском романе, Достоевском и русскости. В этом слое, как видим, происходит отталкивание от ядра британского концепта и приближение к базовым содержательным элементам исходной русской константы. Текст Уэллса при этом очевидно проявляет связи этого нового слоя концепта *Holy Russia* с ядром: если содержание первого предположения Освальда о «русской идее» выстраивается вокруг идеи агрессивности русского государства, то содержание второго (казалось бы, противоположное этой идее в акцентах на религиозности русской культуры) намекает на внутреннюю, идеологическую агрессивность русского народа, который хочет достичь признания всем человечеством истинности именно своего миропонимания.

Уточняя, какую же «этическую истину» несет Святая Русь, Освальд поясняет: ‘Dostoevsky, Tolstoy, and their endless schools of dissent have a character in common. Christianity to a Russian means Brotherhood Christianity to a Russian means Brotherhood’ / «Достоевский, Толстой и их нескончаемые ученики проповедуют в едином духе. Христианство для русского человека означает Братство» [10. P. 383]. В этом высказывании исследовательское внимание задерживается не только на продолжающемся соответствии второго предположения о «русской идее» новому слою концепта *Holy Russia*, но и на приведении к одному знаменателю важнейшей идеи творчества Достоевского и пафоса христианского братства народов в творчестве Л.Н. Толстого.

Идея братства всех людей по любви к ближнему своему, по стремлению к мирному сосуществованию, как известно, нашла осо-

бенно ясное выражение в работе Л.Н. Толстого «В чем моя вера?» (написана в 1884 г.). Она, как и прочие религиозно-философские труды писателя, далеко отстоит от традиционного православия (как, в прочем, и других традиционных христианских вероучений). Высказанное в ней понимание христианского учения исключительно прагматично, так как, отметая и божественную природу Христа, и все представления о чудесном соприкосновении человечества с Богом, Толстой трактует суть евангельской проповеди сквозь призму разумного и светлого, человечного отношения ко всему и всем. В этом писатель, безусловно, приближается к концепции протестантизма [39; 40. V. 3. P. 171; 41. С. 244]. Центральной мыслью толстовского исповедания веры становится мысль о том, что христианство как вера и религия должно иметь целью справедливое и полюбовное мироустроение: «При исполнении этих заповедей жизнь людей будет то, чего ищет и желает всякое сердце человеческое. Все люди будут братья и всякий будет всегда в мире с другими, наслаждаясь всеми благами мира тот срок жизни, который уделен ему богом» [42. С. 371].

Не случайно, будучи запрещенной в России (но живо воспринятой через списки, а также изъятый из оборота тираж в 50 экземпляров), работа нашла живейший отклик в западноевропейских странах и уже в 1885 г. была полностью опубликована, а позже многократно переиздана в том или ином варианте во французском, немецком и английском переводах [43. С. 552].

В подтекст понимания «русской идеи» как призыва к братству людей и народов в уэллсовском романе, написанном в 1918–1919 гг., необходимо входит ситуация русской революции 1917 г. и ее призыв к братству трудящихся масс. При этом и то, что мотив братства возникает в прямой связи с осмыслением «русской идеи», и то, что через него герой стремится подойти к феномену русского православия, связано с важной особенностью восприятия русской революции 1917 г. в среде британских интеллектуалов. Несмотря на поток образов, связанных с идеей «красного террора» и большевистского захвата Европы, рождаемых английским массовым романом с конца 1910-х гг. [44. P. 75–76], в целом, русская революция в восприятии британской творческой, интеллектуальной элиты связывалась с тем кругом представлений о «русскости», который сформировался

раньше, на рубеже XIX–XX вв. и который был связан с поисками в русской культуре духовного «своего», родственного начала [44. P. 71–72; 45. С. 251].

В этих попытках Освальда определить суть «русской идеи», как видим, нет общей линии, нет личностного взгляда: Освальд как бы «накидывает» версии понимания русского в соответствии со всеми слоями концепта *Holy Russia*, не одну из них не делая своей. Эклектичность, искусственность в этих попытках сразу улавливает его партнер по путешествию – юный герой романа Питер. Он отталкивается от слов своего опекуна и пытается определить «русскую идею» с иной стороны – со стороны национального характера (‘national character’). В трактовке Питера, русский национальный характер не имеет ничего общего с крестами, церквями и православной культурой: он связан исключительно с природно-географическими особенностями русской земли, а именно: с ее бескрайностью. Отсюда Питер выводит инстинкт скитания, странничества в качестве главной черты русского человека: ‘Of course there is a Russian character. They’re wanderers, body and brain. Men of an endless land. But <…> I don’t believe a bit in all these crosses’ / «Конечно, русский национальный характер существует. Они странники, телом и душой. Люди бескрайней земли. Но <…> я ни капли не верю во все эти кресты» [10. P. 383].

На первый взгляд, это странная, если не сказать примитивная версия «русскости». Однако и она имеет под собой почву современного Уэллсу слоя концепта *Holy Russia*: в книгах С. Грэма и М. Бэринга в описаниях характера русского человека присутствует мотив странничества как особого проявления национального характера: ‘In Russia, it constantly happens that a man in any class <…> will suddenly leave his profession and avocation and set out on the search for God and for truth’/ «В России часто бывает так, что человек, принадлежащий какому угодно классу общества <…> внезапно оставляет свою привычную жизнь и пускается в путь в поисках Бога и истины» [36. P. 198]. Этот элемент, конечно, возникает в концепте *Holy Russia* не случайно, но с твердой опорой на важный феномен русской народной жизни, в том числе, и жизни, современной Бэрингу и Уэллсу. Феномен странничества впервые был глубоко осмыслен в русской философии и литературе на рубеже XIX–XX вв.: именно в

культуре Серебряного «странничество попало в особый фокус интеллектуального и художественного рассмотрения», сквозь его призму русские мыслители пытались «глубже осмыслить свои собственные истоки», чтобы понимать, куда двигаться для «обновления и улучшения мира» [46. С. 235]. Действительно, в эту порубежную эпоху Россия не только Н.А. Бердяеву явилась страной «странничества и искания Божьей правды», народом, в ком «призванность» «к высшей жизни» сосредоточена «в типе странника» [47. С. 12–13]. Мотив скитальчества и бродяжничества появляется как знак эпохи и в поэзии М. Волошина и Н. Гумилева, и в размышлениях В. Розанова, и в картинах М. Нестерова, и в ранних рассказах М. Горького – писателя, состоявшего в личной переписке с Г. Уэллсом. В романе, однако, этот мотив, как и остальные представления о «русскости», только *обозначается* как характерный элемент в восприятии британцами России – и тут же отметается. Как легко говорит об этом Питер, «под крестами – все то же роение и размножение людей… Таких же, как все остальные» / ‘Underneath the crosses it’s just a swarming and breeding of men… Like any other men’ [10. P. 384]. Освальд, в конечном итоге, соглашается с ним. Через рассуждение о том, что современный человек, в целом, слишком мал для больших идей, герои приходят к пророчеству о том, что в будущем человечество, с опорой на творческую интеллектуальную элиту и достижения науки, придет к единой сверхнациональной идее: «У нас есть Наука, а из Науки льется свет <…> Это будет не национальная идея <…> Никакой Святой Руси или Старой Англии <…> Они всего лишь идеологические накопления» / ‘We have Science, and out of Science comes a light <…> It won’t be one of these national ideas. No Holy Russia – or Old England <…> They’re just – human accumulations’ [10. P. 386].

Таким образом, поиски истинного содержания «русской идеи» и, соответственно, концепта *Holy Russia* в романе Уэллса нивелируются в соответствии с центральной идеей романа – с идеей викторианской по духу и просветительской по общей направленности. Ее суть составляет утверждение *фиктивности и даже вредности* любой национальной идеи и реальности общечеловеческой творчески-гуманистической идеи, которая могла бы создать единую человеческую цивилизацию в будущем. Они нивелируются также и в связи с постоянным ощущением грядущей катастрофы (catastrophe, disaster),

о которой знает автор-рассказчик и не знают герои. Так, об Освальде и его русских впечатлениях говорится: «Он пока еще не знал и не предчувствовал того ужасающего бедствия, которое стояло уже у порога <…> и которое уже было готово отобрать надежду и энергию у этих ярких лучей жизни» / ‘He had as yet no intimation of the gigantic disaster that was now so close at hand, that was <…> to harvest the hope and energy of these bright swathes of life’ [10. P. 396].

Обобщая, можно обозначить разворачивание концепта *Holy Russia* в романе Уэллса следующими точками: от фантома *Holy Russia* как порождения современной тоски западного человека по новому «своему», чистому идеалу – через эклектичные толкования-наброски «русской идеи» со смысловыми центрами в точках «татарский военный лагерь», «варварское государство-агрессор», «агрессивная этическая христианская идеология страдания», «идеал братства» и, наконец, «идеология странничества» – к отказу не столько от понимания, сколько от ценностной сущности «русской идеи», как и любой другой национальной идеи. Только во внутренней одаренности творческой молодежи герои (а вместе с ними и автор-рассказчик) видят возможность преображения Российской и Британской империй после их предчувствуемого распада (в историческом времени создания романа – для одной из них распада *уже произошедшего*), и в этом преображении – возможность преображения всего человечества.

Герои отталкиваются от мысли о «параллелизме России и Британии» (‘parallelism of Russia and Britain’) как двух мощных государственных миров (‘Britain was Russia in an island and upon all the seas of the globe’), каждый из которых стремится выразить какую-то общую большую идею (‘each was trying to express <…> some general purpose’) неадекватными средствами (‘by means of forms and symbols that were daily becoming more conspicuously inadequate’) [10. P. 389] и – движется к падению (‘moving inevitably towards failure and confusion’ [10. P. 389]). Подобно тому, как на место национальной идеи в романе Уэллса встает общечеловеческая идея, место духа народа как движущей силы развития государства и человечества занимает здесь гениальность творческой элиты. И в этом Россия предстает глубинно близкой Британии: в современном русском и британском обществах роман обнаруживает знаки особой силы, способной развернуться в большую идею и объединить человечество. В современной Британии

герои находят проявления гениальности в Фабианском обществе, в современной России – в игре актеров и живой реакции зрителей Художественного Театра (‘It was rather like the sort of gathering one might see in the London Fabian Society’ [10. P. 389].

Итак, из прочерченных в романе Уэллса «Джоанна и Питер» интерпретаций Святой Руси к базовому для исходного русского концепта содержанию приближаются четыре версии. Разумеется, что это приближение происходит через актуальный для времени создания Уэллсом своего романа «духовно-мистический» слой британского концепта *Holy Russia*. Остальные являются проекциями как его базового слоя, так и важнейших исторических слоев британского мифа о России. Примечательно, что последняя точка в диалоге Уэллса и русской культуры о Святой Руси в романе «Джоанна и Питер» точно соответствует переориентации Европы, начиная с эпохи Возрождения, на новый ценностный идеал – гениальность [14]. Можно утверждать, что в романе Г.Уэллса абсолютно отрицается ценностная нагрузка как «русской идеи» (связанной с концептом *Holy Russia*), так и исходного концепта *Святая Русь* в ракурсе идеи воспитания нового человека – человека мира. Отвечая на один из ключевых вопросов модернистской эпохи – вопрос о сущности «своего», Уэллс в романе «Джоанна и Питер» не только пристально всматривается в разные национальные миры, не только ищет в русском мире «свое» русское и «свое» британское, но и предлагает удивительный ответ: «свое» следует искать в том общем, что есть у людей разных наций и убеждений, только в этом случае у человечества есть будущее.

Литература

1. *Langford P*. Englishness Identified. Manners and Character 1650–1850. Oxford: Oxford University Press, 2000. 489 p.

2. *Raskin J.* The Mythology of Imperialism: a revolutionary critique of British culture and society in modern age. New York: Monthly Review Press, 2009. 331 p.

3. *Vogüé E.-M. le Vicomte de*. The Russian Novel / tr. from the eleventh French edition by Colonel H.A. Sawyer. London: Chapman and Hall Ltd, 1913. 324 p.

4. *Galsworthy J.* Another Sheaf. New York: C. Scribner's sons, 1919. 336 p.

5. *Климова С.* Миф о России в английской культуре и литературе рубежа XIX–XX веков: от антихристианского «чужого» к христианскому «своему» // Вестник ННГУ. 2012. № 6, ч. 1. С. 329–334.

6. *Wallace D.* Russia: in 2 vols. London: Cassell, 1905. Vol. 2.

7. *Woolf V.* Russian Point of View // *Woolf V.* Collected Essays: in 4 vols. London: Harcourt, Brace & World, 1966. Vol. 1. P. 238–246.

8. *Coren M.* The Invisible Man. The Life and Liberties of H.G. Wells. London: Atheneum, 1993. 240 p.

9. *Wells H.G.* Experiment in Autobiography. Discoveries and Conclusions Of a Very Ordinary Brain (since 1866). New York: Victor Gollancz Ltd & The Cresset Press Ltd, 1934. 718 p.

10. *Wells H.G.* Joan and Peter. The Story of an Education. New York: Macmillan, 1919. 596 p.

11. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

12. Высочайший манифест о событиях в Западной Европе (1848 г., Марта 14). URL: http://www.russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1848_03_14_01.

13. *Федотов Г.* Стихи духовные (русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.

14. *Лепахин В.* Иконичный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Ч. 2. URL: http://bylhbrjdj8.narod.ru/sv_rusj_2.html

15. *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. М.: Университетская типография, 1900. Т. 1. 408 с.

16. *Вяземский П.А.* Святая Русь. Стихотворение к. П.Вяземского, изданное в пользу Второй Адмиралтейской школы <…>. СПб.: В тип. экспедиции изготовления гос. бумаг, 1848. 8 с.

17. *Doré G.* Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la sainte Russie : d'après les chroniqueurs et historiens Nestor, Nikan, Sylvestre, Karamsin, Ségur, etc. Paris: J. Bry aîné, 1854. 207 p.

18. *Tennyson A.* Charge of the Heavy Brigade // Tennyson A. Complete Poetical Works. New York: Harper & Bros., 1884. P. 373.

19. *Swinburne A.* Poems. New York: R. Worthington, 1884. 633 p.

20. *Anonymous.* England's Honour, and Holy Russia and Christian Europe. London, 1878. 32 p.

21. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре: В 2 т. М.: Гнозис – Школа «Языки русской культуры», 1995.

22. *Перевезенцев С.В.* Утверждение Святой Руси // Образовательный портал «Слово». URL: http://www.portal-slovo.ru/history/35155.php

23. *Gossip G.* Doings of Holy Russia // Southland Times. 1885, May 30. P. 3. URL: https://paperspast.natlib.govt.nz/newspapers/ST18850530.2.18

24. *Garnett E.* Tolstoy's Place in European Literature // Tolstoy Leo. By G.K. Chesterton, G.H. Perris, etc. London: Hodder and Stoughton, 1903. P. 25–36.

25. *Никола М.* Английские средневековые хроники о татаромонгольском нашествии на Русь // Англия и Россия: диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных взаимосвязей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. С. 10.

26. *Парижский Матфей*. Великая хроника // Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарии. М.: Наука, 1979. С. 107–171.

27. *Thackeray W.M.* Ballads. Boston: Ticknor and Fields, 1855. 228 p.

28. *Хуснуллина Р.* Английская литература XX века: переводческие войны и Ф.М. Достоевский // Казанская наука. 2018. № 2. С. 5–10.

29. *Горелов А.* Ф.М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50–66.

30. *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.А. Любимову, от 11 июня 1879 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30, кн. 1. С. 68.

31. *Карпачева Т.* Отражение образа свт. Тихона Задонского и его учения в творчестве и мировоззрении Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 216–231.

32. *Достоевский Ф.М.* На европейские события в 1854 году // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 339–341.

33. *Forster E.M.* Aspects of the Novel. London: Penguin Classics, 2000. 204 p.

34. *Woolf V.* Russian Point of View // *Woolf V.* Collected Essays: in 4 vols. London: Harcourt, Brace & World, 1966. Vol. I. P. 238–246.

35. *Baring M.* Poems: 1914 - 1919. London: The Bystander, 1920. 60 p.

36. *Baring M.* An Outline of Russian literature. London: Williams and Norgate, 1914-1915. 256 p.

37. *Graham S.* Undiscovered Russia. London: John Lane, the Bodley Head; New York: John Lane Co,1914. 337 p.

38. *Baring M.* The Russian People. London: Methuen, 1911. 366 p.

39. *Асмус В.Ф.* Религиозно-философские трактаты Л.Н. Толстого // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23. С. V – XXI.

40. *Masaryk T.G.* The Spirit of Russia. Studies in History, Literature and Philosophy / tr. from the German original by Ede and Cedar Paul: in 3 vols. London: G. Allen & Unwin; New York: Macmillan, 1967.

41. *Ореханов Г.* Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой. Конфликт глазами современников. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2010. 696 с.

42. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23. С. 304-468.

43. *Гусев Н.* Комментарии. «В чем моя вера?». История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 23. С. 548 – 553.

44. *Cross A.* The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibiliography. Oxford: Oxford University Press, 1985. 278 p.

45. *Королева С.* Миф о России в британской культуре и литературе (до 1920-х годов). М.: Директ-Медиа, 2014. 314 с.

46. *Трофимова Е.* Образ странника в русской культуре Серебряного века // Регионология. 2014. № 4 (89). С. 233–С. 245.

47. *Бердяев Н.* Судьба России. М.: СП «Интерпринт», 1990. 256 с.

THE CONCEPT OF HOLY RUSSIA IN H.G. WELLS'S NOVEL *JOAN AND PETER*: A DIALOGUE WITH RUSSIA ABOUT NATIONAL IDEAS, HOLINESS, AND GENIUS

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 181–207. DOI: 10.17223/24099554/12/9

Svetlana B. Koroleva, Linguistics University of Nizhnii Novgorod (Nizhnii Novgorod, Russian Federation), Russian Institute for Advanced Studies of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: klimova1@hotmail.com

Marina I. Nikola, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nikola7352@mail.ru

Keywords: concept, reception, historical context, motif, H.G. Wells, Holy Russia.

Joan and Peter is not among the most famous H.G. Wells's novels. Yet it occupies a conspicuous place in both the writer's prose works, and in the history of English literature. The significance of its place is caused not so much by its aesthetic features, rather by its connection with a profound dialogue with the time, tradition, and different national cultures: the dialogue between the narrator and the heroes. On the eve of two social and political catastrophes (for the author and the reader – in their retrospective light), they are trying to comprehend the results of the European history development and, what is probably even more important, to create an idea of a new 'cathedral' world. To reach these goals, the heroes set for a journey to the continental Europe and Russia. Russian landscape, state, culture, and people provoke not only a chain of speculations upon the 'Russian idea' and the national ideal of Holy Russia, but also an insight into the correlation between cultural forms and their meaning, between the ideal and the reality, the culture and the people, the elite and ordinary people. Getting closer to the central idea of the novel – the necessity for creating a new system of education aimed at bringing up a new man, 'mature' enough to understand the profound unity of the world, – the heroes ponder upon different British interpretations (engendered in different periods of British-Russian relations) of Russia and Russian national character, as well as upon the essential similarity between Russian and British Empires, on the one hand, and between Russian and British intellectual elite, on the other. The versions of the 'Russian idea', i.e. of the essential meaning of the Holy Russia concept, are manifested in the text in various ways, including the image of a 'Tartar camp', frozen, but ready to stretch to Europe (a version alluding to the reception of the Holy Russia concept around the middle of the 19th century), the image of an 'epileptic genius' 'holding up the cross to mankind' (an allusion to Dostoevsky and the reception of his works on the verge of the 20th century), the idea of Brotherhood (connected both with the influence of Leo Tolstoy's works on the British intel-

lectual reader at the beginning of the 20th century, and with the big historic event of the Russian Revolution of 1917), and of wanderer, searching for the Truth (a reflection of another accent in the Holy Russia concept, relevant for the Russian literature of the 1900s and 1910s as well as for the British reception of Russian culture in this period). The versions, however, are evoked only to be dismissed as non-productive, insignificant in the face of the profound historical shifts: World War I is the reality of the heroes' existence, and the Russian Revolution is the reality of the author and readers' lives. The central idea that formed in the heroes' minds during their Russian journey is that the key to the future belongs to the genius, and that Russian and British intellectual elites are equally marked with giftedness.

References

1. Langford, P. (2000) *Englishness Identified. Manners and Character 1650–1850*. Oxford: Oxford University Press.

2. Raskin, J. (2009) *The Mythology of Imperialism: a revolutionary critique of British culture and society in modern age*. New York: Monthly Review Press.

3. Vogüé, E.-M. (1913) *The Russian Novel.* London: Chapman and Hall Ltd.

4. Galsworthy, J. (1919) *Another Sheaf.* New York: C. Scribner's sons.

5. Klimova, S. (2012) The Myth of Russia in British Culture and Fiction at the turn of the 20th century. *Vestnik NNGU – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6(1). pp. 329–334. (In Russian).

6. Wallace, D. (1905) *Russia: In 2 vols*. Vol. 2. London: Cassell.

7. Woolf, V. (1966) *Collected Essays: In 4 vols.* Vol. 1. London: Harcourt, Brace & World. pp. 238–246.

8. Coren, M. (1993) *The Invisible Man. The Life and Liberties of H.G. Wells*. London: Atheneum.

9. Wells, H.G. (1934) *Experiment in Autobiography. Discoveries and Conclusions Of a Very Ordinary Brain (since 1866)*. New York: Victor Gollancz Ltd & The Cresset Press Ltd.

10. Wells, H.G. (1919) *Joan and Peter. The Story of an Education*. New York: Macmillan.

11. Karamzin, N.M. (1991) *Zapiska o drevney i novoy Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka.

12. Russia. (1848) *Vysochayshiy manifest o sobytiyakh v Zapadnoy Evrope (1848 g., Marta 14)* [The highest manifesto of events in Western Europe (1848, March 14)]. (Online) Available from: http://www.russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1848_03_14_01.

13. Fedotov, G. (1991) *Stikhi dukhovnye (russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikham)* [Spiritual verses (Russian folk faith in spiritual verses)]. Moscow: Progress; Gnozis.

14. Lepakhin, V. (n.d) *Ikonichnyy obraz svyatosti: prostranstvennye, vremennye, religioznye i istoriosofskie kategorii Svyatoy Rusi. Ch. 2* [Iconic image of holiness:

spatial, temporal, religious and historiosophical categories of Holy Russia. Part 2]. (Online) Avaliable from: http://bylhbrjdj8.narod.ru/sv_rusj_2.html

15. Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

16. Vyazemsky, P.A. (1848) *Svyataya Rus'. Stikhotvorenie k. P. Vyazemskogo, izdannoe v pol'zu Vtoroy Admiralteyskoy shkoly <...>* [Holy Russia. Poem by P. Vyazemsky, published in favour of the Second Admiralty School <...>]. St. Petersburg: V tip. ekspeditsii izgotovleniya gos. bumag.

17. Doré, G. (1854) *Histoire pittoresque, dramatique et caricaturale de la sainte Russie: d'après les chroniqueurs et historiens Nestor, Nikan, Sylvestre, Karamsin, Ségur, etc*. Paris: J. Bry aîné.

18. Tennyson, A. (1884) *Complete Poetical Works*. New York: Harper & Bros. pp. 373.

19. Swinburne, A. (1884) *Poems*. New York: R. Worthington.

20. Anon. (1878) *England's Honour, and Holy Russia and Christian Europe*. London.

21. Toporov, V.N. (1995) *Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture: v 2 t* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture: In 2 vols]. Moscow: Gnozis – Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".

22. Perevezentsev, S.V. (n.d.) *Utverzhdenie Svyatoy Rusi* [The statement of Holy Russia]. (Online) Avaliable from: http://www.portal-slovo.ru/history/35155.php

23. Gossip, G. (1885) Doings of Holy Russia. *Southland Times*. 30th May. pp. 3. (Online) Avaliable from: https://paperspast.natlib.govt.nz/newspapers/ST18850 530.2.18

24. Garnett, E. (1903) Tolstoy's Place in European Literature. In: Chesterton, G.K. et al. (eds) *Tolstoy Leo*. London: Hodder and Stoughton. pp. 25–36.

25. Nikola, M. (1994) Angliyskie srednevekovye khroniki o tataromongol'skom nashestvii na Rus' [English medieval chronicles about the Tataromongol invasion of Russia]. In: Filyushkina, S.N., Popova, M.K. & Savchenko, A.L. (eds) *Angliya i Rossiya: dialog dvukh kul'tur. Teoreticheskie problemy literaturnykh vzaimosvyazey* [England and Russia: a dialogue of two cultures. Theoretical problems of literary relationships]. Voronezh: Voronezh State University. p. 10.

26. Paris, M. (1979) Velikaya khronika [Great chronicle]. In: Matuzova, V.I. (ed.) *Angliyskie srednevekovye istochniki IX – XIII vv. Teksty. Perevod. Kommentarii* [English medieval sources of the 9th – 13th centuries. Texts. Translation. Comments]. Moscow: Nauka, 1979. pp. 107–171.

27. Thackeray, W.M. (1855) *Ballads*. Boston: Ticknor and Fields.

28. Khusnullina, R. (2018) Angliyskaya literatura XX veka: perevodcheskie voyny i F.M. Dostoevskiy [English literature of the twentieth century: translation wars and F.M. Dostoevsky]. *Kazanskaya nauka*. 2. pp. 5–10.

29. Gorelov, A. (2017) F.M. Dostoevsky: The Russian Idea and the Russian Socialism. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 50–66. (In Russian) DOI: 10.17805/zpu.2017.1.2

30. Dostoevsky, F.M. (1988) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. 30(1). Leningrad: Nauka. pp. 68.

31. Karpacheva, T. (2011) Otrazhenie obraza svt. Tikhona Zadonskogo i ego ucheniya v tvorchestve i mirovozzrenii F.M. Dostoevskogo [The image of St. Tikhon of Zadonsk and his writings in the works and world outlook of F.M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*. 9. pp. 216–231.

32. Dostoevsky, F.M. (1991) *Sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [Collected Works: In 15 volumes]. Vol. 10. Leningrad: Nauka. pp. 339–341.

33. Forster, E.M. (2000) *Aspects of the Novel*. London: Penguin Classics.

34. Woolf, V. (1966) *Collected Essays: In 4 vols*. Vol. I. London: Harcourt, Brace & World. pp. 238–246.

35. Baring, M. (1920) *Poems: 1914 – 1919*. London: The Bystander.

36. Baring, M. (1914–1915) *An Outline of Russian literature*. London: Williams and Norgate.

37. Graham, S. (1914) *Undiscovered Russia*. London: John Lane, the Bodley Head; New York: John Lane Co.

38. Baring, M. (1911) *The Russian People*. London: Methuen.

39. Asmus, V.F. (1957) Religiozno-filosofskie traktaty L.N. Tolstogo [L.N. Tolstoy's Religious and Philosophical Treatises]. In: Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t* [Complete Works: In 90 Vols]. Vol. 23. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–21.

40. Masaryk, T.G. (1967) *The Spirit of Russia. Studies in History, Literature and Philosophy*. London: G. Allen & Unwin; New York: Macmillan.

41. Orekhanov, G. (2010) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i L.N. Tolstoy. Konflikt glazami sovremennikov* [Russian Orthodox Church and L.N. Tolstoy. Conflict through the eyes of contemporaries.]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.

42. Tolstoy, L.N. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t* [Complete Works: In 90 Vols]. Vol. 23. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 304–468.

43. Gusev, N. (1957) Kommentarii. "V chem moya vera?" Istoriya pisaniya i pechataniya [Comments "What is my faith?" History of Writing and Printing]. In: Tolstoy, L.N. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t* [Complete Works: In 90 vols]. Vol. 23. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 548–553.

44. Cross, A. (1985) *The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibiliography*. Oxford: Oxford University Press.

45. Koroleva, S. (2014) *Mif o Rossii v britanskoy kul'ture i literature (do 1920-kh godov)* [The myth about Russia in British culture and literature (until the 1920s)]. Moscow: Direkt-Media.

46. Trofimova, E. (2014) Image of the Wanderer in the Russian Culture of the Silver Age. *Regionologiya – Russian Journal of Regional Studies*. 4(89). pp. 233–245. (In Russian).

47. Berdyaev, N. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Interprint.

УДК 821.531
DOI: 10.17223/24099554/12/10

Ю.А. Ковальчук

ГЕТЕРООБРАЗ КНДР В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлен имагологический анализ репрезентации КНДР и ее жителей в творчестве современных писателей Республики Корея («Принцесса Пари» Хван Согёна и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин). Проанализированы способы деконструкции этими авторами существующих в Республике Корея стереотипов о северных корейцах и их попытки моделирования свободного от идеологического влияния гетерообраза КНДР. Показано, что Хван Согён и Чо Хэчжин выражают стремление понять северокорейского «Другого» в контексте глобализационных процессов.
Ключевые слова: *имагология, северные корейцы и КНДР, «литература о северокорейских беженцах», Хван Согён, Чо Хэчжин*.

Несмотря на общий культурно-исторический фон в результате десятилетий существования в режиме разделенной нации южные и северные корейцы сегодня являются носителями разных национальных идентичностей. Многие современные жители Республики Корея относятся к северокорейцам не как к соотечественникам, а как к «Другим», чьи система ценностей и культура разительно отличаются. КНДР в современном южнокорейском медиадискурсе представляется в основном как тоталитарная и криминализированная страна, а ее жители – как недостаточно образованные, ограниченные и подозрительные люди. Тема КНДР до сих пор остается в некоторой степени табуированной не только в Республике Корея, но и во всем мире.

Однако в последние годы Республика Корея и Корейская Народная Демократическая Республика придерживаются политики примирения и прилагают усилия для установления дружеских отношений. Политические тенденции последних лет оказывают влияние на лите-

ратурный процесс Республики Корея, что вызывает необходимость проанализировать восприятие КНДР в литературном дискурсе Республики Корея с имагологической точки зрения.

Романы «Принцесса Пари» Хван Согёна (2007) [1] и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин (2011) [2], выбранные в качестве объектов исследования, – яркие постмодернистские сочинения признанных в Республике Корея писателей, в которых темы КНДР и северокорейских беженцев интерпретируются с помощью приемов реализма и психологизма, мотивов сна и путешествия в параллельные миры. Эти произведения корейские литературоведы (Пак Токкю [3] и др.) относят к тематическому виду «литература о северокорейских беженцах» (*тхальбук мунхак*), в котором отражается стремление южнокорейских интеллектуалов понять северокорейского «Другого» и примириться с ним. «Литература о северокорейских беженцах» противопоставляется развивавшейся в XX веке «литературе разделенной нации» (*пундан мунхак*), в которой выражалось идеологическое противостояние и взаимное настороженное отношение двух корейских государств. Кроме того, что «литература о северокорейских беженцах» готовит фундамент для объединения [3. С. 90], ее важность состоит в том, что она выносит проблему конфликта Южной и Северной Кореи на мировой уровень [4. С. 31–32], показывая возможности для оздоровления всего мирового сообщества, в отличие от «литературы разделенной нации», сосредоточенной лишь на узком контексте местного конфликта.

Романы «Принцесса Пари» Хван Согёна и «Я встретила Ро Кивана» Чо Хэчжин неоднократно становились объектами литературоведческого и междисциплинарного изучения. Среди литературоведов преобладают два взгляда на эти сочинения. Часть ученых [5–7] трактует замысел произведений как попытку понять маргинального и отчужденного «Другого» в широком смысле этого понятия, как поиск способа понять боль «Другого» и исцелиться вместе, относясь к «Другому» не с унижающей человеческое достоинство жалостью, а ощутив с ним солидарность. Согласно второй группе авторов [8, 9], «литература о северокорейских беженцах» является частью постколониального дискурса, направленного на отрицание сформированных Западом представлений о странах так называемого третьего мира как о подчиненных и слабых, требующих контроля и перевоспитания. Мигранты и беженцы при этом воспринимаются как сплоченная общность, оказывающая сопротивле-

ние мировому капиталу и неоколониализму (т.е. глобализационным процессам), преодолевая конфликт между национальной идентичностью и потребностями мультикультурного общества.

Однако романы «Принцесса Пари» и «Я встретила Ро Кивана» не рассматривались с применением имагологического подхода, позволяющего выявить механизмы формирования и специфику обновленного гетерообраза северных корейцев в условиях, сложившихся в XXI веке. Цель данной статьи состоит в анализе репрезентации северокорейцев и их страны в современной литературе Республики Корея с учетом внелитературного контекста – культурного климата и политической ситуации.

Во все времена литература обладала значительной силой пропагандистского и дидактического воздействия на общество. Как утверждает Й. Леерссен, ведущий теоретик современной имагологии, именно художественная литература является привилегированным средством создания и распространения этностереотипов. Она пользуется у публики доверием и уважением, так как фигура писателя часто идеализируется, ему приписывается высшая эпистемическая позиция и право давать читателям наставления [10. С. 26]. Через литературные произведения читатели формируют мнение о народах, с которыми лично не контактировали, доверяя авторитетным суждениям писателей. Вот почему важно изучить в имагологическом аспекте образы северных корейцев в произведениях популярных прозаиков современности, привлекших внимание критики и читательской аудитории Южной Кореи.

В этих романах, нацеленных на познание северокорейского «Другого», имплицитно присутствует имагологическая методология, обращенная писателями в инструмент для реализации художественного замысла – конструирования нового гетерообраза КНДР в дискурсе Республики Корея. Хван Согён и Чо Хэчжин берут на себя ответственность рассказать о КНДР южнокорейским читателям в нынешней ситуации, когда северные корейцы живут в политической и информационной изоляции и не могут сами представить себя миру.

«Принцесса Пари» Хван Согёна – авторский миф на интертекстуальной основе, в котором сюжет древнего шаманского мифа[1] трас-

[1] Сюжет мифа-первоисточника состоит в следующем. Король, не имеющий сыновей, приказывает выбросить новорожденную седьмую дочь, потому что она

плантируется в современные исторические условия. При этом реалистический план изложения фокусируется на актуальных проблемах мирового сообщества (таких как торговля людьми, терроризм, нелегальная миграция), а фантасмагорический план помогает рассмотреть универсальные вневременные смыслы.

С помощью мифологического интертекста, созданного на основе сокровищ народного духа, общих для двух корейских государств, Хван Согён борется с сухой политической идеологией. Символичный язык мифа, понятный всем корейцам, помогает почувствовать общую идентичность, воздействует на коллективное бессознательное.

История современной Пари [1] начинается с несколько идеализированного описания обычной северокорейской семьи, жизнь которой была небогатой, но в целом нормальной, ведь раньше, как старается показать автор, КНДР была стабильным и развивающимся государством. Единственной существенной проблемой супругов было отсутствие сыновей. Когда родилась седьмая дочь, мать выбросила ее, но вскоре свекровь нашла младенца и вернула в дом. После этого герои романа живут дружно и согласно, соответствуя общекорейскому конфуцианскому идеалу большой семьи, где старшие наставляют и опекают младших, а младшие отвечают им почтительностью и любовью. Персонажем, связывающим жителей КНДР с общекорейской культурой, становится бабушка Пари. Она – символический общий предок всех корейцев, воплощение древней общей Родины. Бабушка – потомственная шаманка, носительница народной мудрости и традиций, которая заботится о целостности семьи, совершает древ-

принесла скорбь и разочарование. Но принцессу Пари защищает сам Будда и спасает ей жизнь. Проходят годы, король и королева тяжело заболевают. Гадатель сообщает, что для лечения необходимо найти брошенную дочь и попросить ее добыть у волшебника, живущего в потустороннем мире, живую воду. Пари соглашается выполнить трудное задание из чувства долга перед родителями, давшими ей жизнь. Вернувшись в столицу с живой водой, она встречает королевскую похоронную процессию и сразу оживляет родителей. Король предлагает ей в награду богатства, однако она отказывается, говоря, что теперь не принадлежит миру живых и желает сопровождать души умерших, утешая их по пути в иной мир, поскольку видела их страдания и исполнилась к ним сочувствия [11. С. 169–188].

ние обряды и рассказывает внучке, распознав в ней свою преемницу, шаманскую легенду о Брошенной принцессе.

Далее в романе показано, что в 1990-е гг. ситуация в стране резко ухудшается. Писатель намекает, что бедствия Северной Кореи вызваны не столько ошибками руководства, сколько влиянием мирового политического процесса – развала коммунистического лагеря вследствие распада СССР и падения Берлинской стены. Начинается голод, к нему присоединяются наводнения и лесные пожары. Постепенно Пари теряет в разных трагических обстоятельствах всех членов семьи. Судьба заносит ее сначала в Китай, затем торговцы людьми перевозят ее на корабле в Лондон. Там она попадает в пеструю среду мигрантов из разных стран, благодаря дружеской поддержке которых наконец обретает надежду на достижение счастья.

Хван Согён в одном из интервью [12. С. 285] делится убеждением, что сейчас КНДР имеет репутацию врага всего мира и страны-изгоя, поскольку отнесена к «оси зла» могущественными державами во главе с США, которые стремятся хозяйничать повсюду и потому усугубляют поляризацию мира и сеют враждебность по отношению к странам, так или иначе избегающим неоколониальной зависимости. По мнению писателя, мировые силы не помогают жителям КНДР, чтобы уличить руководство страны в антигуманности и иметь доказательства надвигающегося падения режима. Вот почему Хван Согён утверждает, что «северокорейские страдальцы – тень глобализации» [12. С. 282], т.е. беженцами делает северных корейцев не только их правительство, а весь мир.

Пари проходит в действительности и в фантасмагорическом мире круги ада, но в своих скитаниях переживает не только личные мучения, связанные с голодом, потерей близких, тяжелой работой, одиночеством. Она встречает множество страждущих, к которым проникается сопереживанием. В реальности это ее друзья мигранты, попавшие в сложные ситуации, соседи на борту корабля, плывущего в Европу, и ее клиенты. В видениях – души соотечественников, умерших от голода, души ее родни, души врагов-мучителей, души людей, погибших в войнах и несчастных случаях. Всем им Пари желает помочь, но в реальном мире она бессильна.

Потенциал спасительницы раскрывается в видениях Пари, в которых воплощается ее жизненный опыт и приобретенная в страдани-

ях мудрость. Цель ее скитаний, согласно мифу, – поиски живой воды. В последнем видении ада она находит колодец и даже пьет из него, но оказывается неспособной распознать, что это была именно живая вода. Пари осознает, что унести живую воду и дать ее людям невозможно. Не существует универсального средства для спасения всех, поскольку путь к счастью и свободе у каждого свой. Однако Пари освобождает души, взывающие к ней, – без живой воды, но с помощью волшебных цветов, символизирующих утешение, надежду, терпение, веру в людей, избавление от ненависти к обидчикам.

Хван Согён сообщает [12. С. 278], что этимологию имени принцессы можно возводить не только к слову *порида* (выбрасывать), но и к слову *пакта* (светлый), предлагая таким образом трактовку, согласно которой Пари – не просто несчастная девушка, на плечи которой возложена тяжелейшая ноша, но и Принцесса надежды, Принцесса воскрешения. Однако он не отказывается и от традиционного истолкования – Брошенная принцесса, используя игру слов для передачи идеи о том, что человек способен пройти к свету сквозь череду несчастий.

Этнообразы, рассматриваемые имагологией, формируются на основе архетипов и символов культуры наблюдателя, в них обобщается человеческий опыт в виде бинарных оппозиций «природа и человек», «свое и чужое», «жизнь и смерть», «добро и зло». Образы других народов являются частью воображаемого дискурса, подобного мифологическому. Вот почему обращение к мифу помогает Хван Согёну реализовать замысел конструирования нового гетерообраза КНДР. Хван Согён бережно обращается с мифическим материалом, перенося Пари в наши дни, используя миф о Пари как «вечный сюжет» о неприкаянной душе, которой нигде не найти покоя, и давая читателям понять, что Брошенная принцесса потенциально живет в каждом человеке. Он желает показать, что душевная боль одинакова вне зависимости от эпохи и места, что человеческая сущность одинакова, независимо от культур, к которым принадлежат люди.

Мифу о Пари Хван Согён придает много смыслов, один из которых – аллегория ситуации с КНДР. Пари выступает персонификацией народа КНДР, брошенного на произвол судьбы руководителями собственной страны и больших держав (королем и королевой) и оказавшегося в суровых условиях неприветливого мира (полная тягот и испытаний до-

рога, которую проходит Пари в мифе). Одиночество и неопределенность существования являются основными характеристиками Пари. Но Пари прощает родителей и соглашается их спасти, потому что они сделали первый шаг навстречу к собственному исцелению – позвали ее. Хван Согён выражает в своем романе-мифе гуманистические и космополитические взгляды, доказывая, что КНДР и остальные страны мира (Пари и ее родители) смогут избавиться от страданий, лишь найдя общий язык и обратившись друг к другу лицом, что весь мир сможет очиститься и исцелиться только тогда, когда обратит внимание на униженных и забытых маргиналов, в числе которых и северокорейцы.

Стремление подвести как можно ближе к читателю конкретного северокорейского «Другого» и заставить заглянуть в его душу ярко выражено в романе Чо Хэчжин «Я встретила Ро Кивана», хотя роман и не исчерпывается северокорейской проблематикой. Тема Ро Кивана связывает в романе нескольких персонажей с их личными трагедиями, служит фундаментом для размышлений о проблемах человеческого бытия. Чо Хэчжин признается, что пыталась найти ответы на вопросы: возможно ли по-настоящему понять чужую боль и до какой степени возможна солидарность [13].

Нарратор в романе «Я встретила Ро Кивана» [2] – южнокорейская сценаристка по фамилии Ким, создающая телепередачи об обездоленных людях. Она узнает из журнала о северокорейском беженце Ро Киване, проживающем в Европе. Юноша сбежал с матерью из КНДР в Китай, где мать вскоре погибла. Его уговорили продать тело матери на органы и на полученные деньги нелегально выехать из страны. Он соглашается, исходя из соображения, что мать желала бы, чтобы ее жертвы ради него не были напрасными, хотя чувство вины за этот аморальный поступок никогда его не покидает. Попав в Брюссель, Ро Киван испытывает новые страдания, чувствуя себя никому не нужным чужаком-аутсайдером и безмолвным призраком, ведь он не знает иностранных языков и является бездомным нелегалом. Он поселяется в дешевом хостеле и обращается в посольство Южной Кореи за помощью, но получает отказ. Истратив все деньги, Ро Киван вынужден терпеть голод, скитаться по улицам, просить милостыню и ночевать в общественном туалете. Вскоре он попадает в лагерь для нелегальных мигрантов, получает официальный статус беженца и его жизнь налаживается.

Сценаристка Ким решает написать о нем книгу, но сердце подсказывает ей, что получить моральное право писать о чужих страданиях можно, лишь испытав подобные страдания на себе. Она едет в Брюссель и посещает места, о которых Ро Киван упоминает в дневнике. Ким ходит по тем же улицам, заходит в тот же хостел, посещает посольство Южной Кореи, пытается есть в туалете и даже просить милостыню, как делал это северокорейский юноша.

Сценаристка Ким начинает свой рассказ признанием, что вначале Ро Киван был для нее никем, и она «обозначила его для себя буквой Р.» [2. С. 7]. Она рассуждает, что, хотя грустные истории беженцев из КНДР достаточно широко известны, люди склонны сомневаться в правдивости этих трагедий, им кажется невероятным, что человек способен выдержать такие чрезмерные муки. Эти истории воспринимаются публикой как дурной сон, принадлежащий другому миру. Вот почему существование Ро Кивана приходится доказывать, делать из призрака, из записи в документах реального человека. По мере повторения его брюссельских маршрутов в соответствии с записями в дневнике, Ким превращает короткий безликий инициал в индивида по имени Ро Киван, приближается к нему и входит в его жизнь.

Важно, что история жизни Ро Кивана до приезда в Брюссель подается в романе в виде скупого изложения ключевых событий, подобного краткому телесюжету, а его дневник, на который опирается в своих размышлениях сценаристка Ким, практически не цитируется. Голос самого Ро Кивана в тексте романа не звучит, как не звучат на весь мир голоса и других северных корейцев, замкнутых в пространстве своих личных трагедий. Ким, а вместе с ней и читатели, познают Ро Кивана и конструируют его образ лишь в фантазиях. Однако Чо Хэчжин в романе неоднократно говорит о том, что вообразить себе чужую боль невероятно трудно, что в этом процессе неизбежны заблуждения. Эти размышления перекликаются с идеями Э. Гуссерля о невозможности познать «Другого» без опоры на привычные категории «Своего» и проведения аналогий с собственным опытом и менталитетом [14. С. 94].

Вот почему южнокорейская сценаристка Ким *встречает* выходца из КНДР Ро Кивана дважды – сначала в воображаемом пространстве, а затем и в реальности. Их встреча становится начальной точ-

кой новой фазы взаимного познания. Финальная сцена романа, в которой Ким и Ро встречаются в действительности, символизирует надежду на установление продуктивного диалога между Югом и Севером. Теперь Ким, которая в романе упоминается только по фамилии, должна рассказать свою историю Ро Кивану, стать для него живым человеком и сообщить ему свое имя. А Ро Киван, благодаря шагам навстречу, сделанным сценаристкой Ким, сможет лично рассказать ей о себе, подтвердив или опровергнув ее представления о нем.

Обращаясь к трагической теме голода 1990-х гг. в КНДР, Чо Хэчжин рассуждает о комплексе морально-этических проблем, связанных с КНДР и ее населением, продолжая мысли Хван Согёна. Писательница вкладывает дополнительную смысловую нагрузку в эпизод об эвтаназии страдающей раком терминальной стадии женщины [2. С. 106, 112]. Чо Хэчжин формулирует дилемму: следует ли мировому сообществу, в частности и Республике Корея, прибегнуть к «эвтаназии» обреченного на гибель нежизнеспособного северокорейского государства, не оказывая ему никакой помощи, или поддержать голодающих жителей «паллиативной» благотворительностью, продлевая таким образом «неизлечимую болезнь» их Родины? [2. С. 90–92]. С другой стороны, пример персонажа книги, Ро Кивана, показывает, что многие северокорейцы выбирают «самоубийство», то есть эмиграцию, убивая свою национальную идентичность как граждан КНДР и надеясь переродиться в более счастливом месте, став гражданами другой страны. Чо Хэчжин напоминает о том, что внешний мир сознательно избегал оказания помощи голодающим, желая ускорить таким образом падение режима, чтобы подобные ситуации не повторялись в будущем. Но, говорит писательница, гуманистические понятия требуют приходить на помощь к страждущим, пока не стало поздно, даже если те не зовут, а только терпят мучения в одиночестве. Как может «здоровый» мир оправдаться после того, как равнодушно смотрел на страдания миллионов людей в «неизлечимо больном» государстве? – спрашивает она и называет такое безразличие и игнорирование «неумышленным насилием» [2. С. 92].

Творческие задачи написания романов «Принцесса Пари» и «Я встретила Ро Кивана» согласуются с принципами имагологии. Авторы показывают КНДР всему миру под другим углом, чтобы стереть все различия, границы и стереотипы.

В их произведениях описана тяжелая жизнь и душевная боль северокорейцев, которые сталкиваются с голодом, страхом, унижением и необходимостью отказаться от Родины. Рассказывая о трагических судьбах северокорейских персонажей, Хван Согён и Чо Хэчжин не только стремятся вызвать сопереживание у южнокорейских читателей. Описания психологического состояния героев и их отношений с членами семьи демонстрируют, что в КНДР традиционные конфуцианские и универсальные человеческие ценности пребывают в таком же почете, как и в Республике Корея.

Дополнительным инструментом, помогающим сблизить Север и Юг, служит обращение авторов к форме романа-путешествия, поскольку описание скитаний человека, исполненного страданий (так называемой жизненной тоски *хан* 한, 恨), является одним из главных сюжетообразующих приемов традиционной корейской литературы. Хван Согён даже выносит в эпиграф «Принцессы Пари» цитату из народной песни «Ариран», в которой речь идет о человеке, оставившем родной дом и встретившем в пути много тягот. Хван Согён и Чо Хэчжин побуждают южнокорейскую аудиторию разглядеть в северокорейском «Другом» свое отражение, призывают прекратить идеологическую конфронтацию во имя взаимопомощи и сочувствия.

Хван Согён и Чо Хэчжин создали новый гетерообраз северокорейцев, стараясь исправить заблуждения о КНДР. Своими произведениями они выступают против демонизации жителей Северной Кореи, деконструируют «фобию» населения Республики Корея по отношению к северным соседям и совершают «реконструкцию утерянного единства» (по Д.-А. Пажо) [15. С. 151–153]. Писатели предлагают читателям Республики Корея свое видение картины действительности. Северокорейские персонажи не наделяются какими-либо специфическими чертами национального характера или привычками, т.е. представлены не олицетворениями определенной культуры, а просто людьми, как и все остальные жители планеты. Обновленный гетерообраз северокорейцев, таким образом, является полностью очищенным от национальных категорий.

Как следует из произведений Хван Согёна и Чо Хэчжин, чрезвычайно важно не забывать о человеческом достоинстве северных корейцев, страдающем от того, что медиадискурс представляет их в

жалком и убогом виде, а их страну – в образе сущего ада. Налаживать межкорейский диалог необходимо не со снисходительным отношением успешного и процветающего Юга к отстающему Северу, а с деликатностью и искренним сочувствием, поскольку этот процесс касается не безликой государственной машины, а отдельных людей. Именно поэтому Хван Согёна и Чо Хэчжин в своих произведениях освещают судьбы конкретных молодых северных корейцев, максимально индивидуализируя даже заголовки романов, в которых использованы личные имена персонажей. При этом писатели, чтобы избежать позиции всеведущих авторов-морализаторов, прибегают к приему «авторской маски», позволяющему автору устраниться из произведения, позволив персонажам-нарраторам напрямую выражать свои эмоции.

Писатели не идеализируют своих героев и не возвышают их страдания ради сентиментального эффекта, не изображают их такими, какими они должны быть в соответствии с представлениями, сформированными в массовой культуре. Эти персонажи не являются фанатичными адептами политической идеологии КНДР и не совершают героических поступков, а просто стремятся спастись любым способом, порой совершая ошибки и руководствуясь эгоистичными помыслами.

Разрушая устаревшие представления об отчужденности двух корейских государств, Хван Согён и Чо Хэчжин стараются искоренить понятие о северокорейцах как о врагах и непостижимых «Других», формируя гетерообраз народа, близкого по духу южным корейцам и всему мировому сообществу. Таким образом они ищут пути к достижению гармонии в отношениях между людьми и напоминают современникам о трагедиях прошлого и современности, призывая не допускать их повторения.

Литература

1. *Хван Согён*. Принцесса Пари. М.: ЛУч, 2015. 288 с.

2. *Чо Хэчжин*. Я встретила Ро Кивана. СПб.: Гиперион, 2016. 176 с.

3. *박덕규*. 탈북문학의 형성과 전개 양상 // 한국문예창각. 2015. Vol. 14. No. 3. P. 89–113. (*Пак Токкю*. Генезис и эволюция «литературы о северокорейских беженцах» // Корейское литературное творчество. 2015. Вып. 14. № 3. С. 89–113).

4. *류찬열*. 분단과 탈북자를 바라보는 두 가지 시선 // 다문화콘텐츠연구. 2015. Vol. 18. P. 47–67. (*Рю Чханнёль*. Две точки зрения на разделение нации и северокорейских беженцев // Исследования проблем мультикультурализма. 2015. Вып. 18. С. 47–67).

5. *이미림*. 유동하는 시대의 이방인들, 이주자와 여행자 : 조해진의 '로기완을 만났다'를 중심으로 // 韓國文學論叢. 2013. Vol. 65. P. 643–670. (*Ли Мирим*. Чужестранцы эпохи мобильности, переселенцы и путешественники : на материале романа Чо Хэчжин «Я встретила Ро Кивана» // Исследования корейской литературы. 2013. Вып. 65. С. 643–670).

6. *Guryeva A.* A Parable of Compassion: I Met Rho Gi-wan by Cho Haejin // Korean Literature Now. 2016. URL: https://www.koreanliteraturenow.com/writers-note/cho-haejin-journey-meet-lo-kiwan

7. *김영미*. 탈북자를 바라보는 새로운 시각 // 통일인문학. 2017. Vol. 69. P. 5–31. (*Ким Ёнми*. Новый взгляд на северокорейских беженцев // Гуманитарные исследования проблем Объединения. 2017. Вып. 69. С. 5–31).

8. *강미라*. 황석영의 '바리데기'에 나타난 탈식민성 연구. 석사 학위논문. 한국교원대학교 대학원, 2009. 74 p. (*Кан Мира*. Постколониальный дискурс романа Хван Согёна «Принцесса Пари»: дис. … магистра. Корейский педагогический университет, 2009. 74 с.).

9. *박승희*. 민족과 세계의 연대 방식 – 황석영의 '바리데기'를 중심으로 // 韓民族語文學. 2010. Vol. 57. P. 505–530. (*Пак Сынхи*. Идеи национального и глобального единения в романе Хван Согёна «Принцесса Пари» // Корейская филология. 2010. Вып. 57. С. 505–530).

10. *Leerssen J.* Imagology: History and Method // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey / Ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17–34.

11. *Choi Won-Oh*. An Illustrated Guide to Korean Mythology. Kent: Global Oriental, 2008. 317 p.

12. *Хван Согён*. В поисках живой воды, сглаживая конфликты и столкновения // Хван Согён. Принцесса Пари. Москва: ЛУч, 2015. С. 277–286.

13. *Cho Haejin*. The Journey to Meet Lo Kiwan // Korean Literature Now. 2015. URL: https://www.koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/cho-haejin-parable-compassion-i-met-rho-gi-wan-cho-haejin

14. *Husserl E*. Cartesian Meditations. An Introduction to Phenomenology. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1960. 157 p.

15. *Pageaux D.-A.* De l'imagerie culturelle à l'imaginairire // Précis de littérature comparée / Ed. P. Brunel, Y. Chevrel. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. P. 133–161.

THE HETERO-IMAGE OF THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA IN THE CONTEMPORARY PROSE OF THE REPUBLIC OF KOREA: IMAGOLOGICAL APPROACH

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 208–221. DOI: 10.17223/24099554/12/10

Yulia A. Kovalchuk, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Institute of Philology (Kyiv, Ukraine). E-mail: yulaukr@bigmir.net

Keywords: imagology, Korea, "literature about North Korean defectors", Hwang Sok-yong, Cho Haejin.

The article presents the imagological interpretation of the perception of the North Korean "Other" by the contemporary South Korean writers in the novels *Princess Bari* by Hwang Sok-yong (2007) and *I Met Lo Kiwan* (2011) by Cho Haejin. The aim of the research is to analyze how the contemporary literature of the Republic of Korea is affected by the ongoing political process designed to pursue the conciliation between the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. The novels *Princess Bari* by Hwang Sok-yong and *I Met Lo Kiwan* by Cho Haejin are notable literary works dealing with North Korean topics and reflecting the desire of the South Korean writers to comprehend the North Korean "Other" in the context of globalization and intensification of communication between the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. Hwang Sok-yong's and Cho Haejin's goals in their novels are accordant with the ideas of imagology aiming to deconstruct national stereotypes, to release human mind from national categories and to open the ways to equal multicultural dialogue. Despite their common historical origin and cultural background, South and North Koreans represent different ideologies and national identities after long decades of the Division. Many of present-day South Korean people seem to regard North Koreans not as their countrymen, but as the "Others", whose lifestyle and culture are strikingly different. But, in their novels, Hwang Sok-yong and Cho Haejin depict the hard living and heartache of North Korean men and women, who encounter hunger, fear and loss of their close relatives. The tragic fates of the North Korean characters seem to be meant to arouse South Korean readers' sympathy. At the same time, the descriptions of the psychological condition and family relations of North Korean people confirm that Confucian virtues and universal values are still held in esteem among them, like in South Korea. In their novels, Hwang Sok-yong and Cho Haejin take the responsibility of telling about the Democratic People's Republic of Korea to the readers of the Republic of Korea, because in today's situation North Koreans living in the political isolation are not able to promote their self-image. The novelists take the problem of the Korean conflict from the local to the global level showing its influence on the entire world, invoke South Korean readers to see their reflection in the North Korean "Others", suggest stopping the ideological confrontation for the sake of mutual aid and compassion. Ruining the out-of-date ideas about the estrangement of the two Korean states, Hwang Sok-yong and Cho Haejin endeavor to eliminate the conception of North Koreans as of the enemies and incomprehensible

"Others" and to create the hetero-image of the Democratic People's Republic of Korea as of a nation like-minded with South Koreans and the global community.

References

1. Hwang Sok-yong. (2015) Printsessa Pari [Princess Bari]. Translated from Korean. Moscow: LUch.

2. Cho Haejin. (2016) *Ya vstretila Ro Kivana* [I Met Lo Kiwan]. Translated from Korean. St. Petersburg: Giperion.

3. Pak Dokkyu. (2015) Formation and Development of the Literature about North Korean Defectors. *Hanguk muye changak*. 14 (3). pp. 89–113. (In Korean).

4. Ryu Chanyeol. (2015) Two Visions to Look at Division and North Korean Defectors. *Damunhwa kontencheu yeongu*. 18. pp. 47–67. (In Korean).

5. Lee Mirim. (2013) Stranger Groups, Migrants, and Travelers in the Age of Mobility: With a focus on I Met Ro Gi-wan by Jo Hae-jin. *Hanguk munhak nonchon*. 65. pp. 643–670. (In Korean).

6. Guryeva, A. (2016) *A Parable of Compassion: I Met Rho Gi-wan by Cho Haejin*. [Online] Available from: https://www.koreanliteraturenow.com/writers-note/cho-haejin-journey-meet-lo-kiwan. (Accessed: 12th March 2019).

7. Kim Yeongmi. (2017) A New Perspective for the North Korean Defector. *Tongil inmunhak*. 69. pp. 5–31. (In Korean).

8. Kang Mira. (2009) *Hwang Seokyeong-ui "Baridegi"-e natanan talsikminseong yeongu* [Study on Hwang Seok-yeong's "Baridegi" with the Post-Colonialism]. Master Degree Dissertation. Graduate School of Korea National University of Education.

9. Pak Seunhui. (2010) Solidarity of Nation and World through Migration. *Hanminjok eomunhak*. 57. pp. 505–530. (In Korean).

10. Leerssen, J. (2007) Imagology: History and Method. In: Beller, M. & Leerssen, J. (eds.) *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Survey*. Amsterdam: Rodopi. pp. 17–34.

11. Choi Won-Oh. (2008) *An Illustrated Guide to Korean Mythology*. Kent: Global Oriental.

12. Hwang Sok-yong. (2015) V poiskah zhivoi vody, sglazhivaya konflikty i stolknoveniya [In Search of the Life-Giving Water]. In: Printsessa Pari [Princess Bari]. Moscow: LUch. pp. 277–286.

13. Cho Haejin. (2015) *The Journey to Meet Lo Kiwan*. [Online] Available from: https://www.koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/cho-haejin-parable-compassion-i-met-rho-gi-wan-cho-haejin. (Accessed: 12th March 2019).

14. Husserl, E. (1960) *Cartesian Meditations. An Introduction to Phenomenology*. Hague: Martinus Nijhoff Publishers.

15. Pageaux, D.-A. (1989) De l'imagerie culturelle à l'imaginairire. In: Brunel, P. & Chevrel, Y. (eds) Précis de littérature comparée. Paris: Presses Universitaires de France. pp. 133–161.

УДК 81’27:81’42
DOI: 10.17223/24099554/12/11

О.Н. Кондратьева

СТЕРЕОТИПНЫЙ МЕДИАОБРАЗ СИБИРСКОГО РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКИХ СМИ XXI ВЕКА)[1]

Статья посвящена анализу стереотипных представлений о Сибири, содержащихся в российском медиадискурсе XXI века, и выявлению языковых средств, используемых масс-медиа для формирования данных стереотипов. Описывается фреймово-слотовая структура стереотипного медиаобраза Сибири (фреймы «Природа и география Сибири», «История Сибири», «Социальная и экономическая сфера Сибири»), делается вывод, что масс-медиа способны не только поддерживать и усиливать существующие стереотипы, но и создавать новые.
Ключевые слова: *имагология, имидж, регион, медиадискурс, медиаобраз, стереотип, фрейм, Сибирь*.

Актуальным направлением современной русистики становится исследование образов регионов, представленных в разных видах дискурса, что определяется рядом факторов: во-первых, образы регионов пока слабо изучены, во-вторых, когнитивные механизмы их формирования (вследствие непосредственного личного опыта или опосредованно, например, из материалов масс-медиа, интернет-пространства, рассказов очевидцев, книг и фильмов и др.) также нуждаются в описании.

Образы регионов складываются в значительной степени под влиянием стереотипных представлений о конкретной территории. Большинство людей имеют представление о регионах нашей страны и мира еще до того, как непосредственно столкнулись с ними в жизни, подобные представления-стереотипы формируются под влияни-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Администрации Кемеровской области, проект № 18-412-420003 «Кузбасс: Комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

ем социокультурного окружения индивидуумов и позволяют им «составить представление о мире в целом, выходя, тем самым, за рамки своего узкого социального, географического и политического окружения» [1].

Стереотипы представляют собой устойчивые единицы сознания, которые зачастую транслируются от поколения к поколению, они способствуют автоматизации мышления и облегчают оценку явлений. Термин «стереотип» был введен в научный обиход У. Липпманом в 1922 г. в книге «Общественное мнение» и определен как характерное явление обыденного сознания, явление, которое опирается на стремление человека свести к нескольким определенным категориям все разнообразие мира, облегчая тем самым себе восприятие, понимание и оценку тех или иных явлений [2. С. 59]. У. Квастхофф, развивая теорию стереотипа, также отмечает, что существенными признаками стереотипа являются способность к «упрощению и обобщению» и ярко выраженная «эмоционально-оценочная тенденция» [3. С. 28]. По мнению Е. Бартминьского, в основе стереотипов всегда лежат когнитивные функции, стереотипы неотделимы от механизмов, при помощи которых человеческий разум постигает и категоризирует действительность, язык по своей природе опирается на упрощения, обобщения, а также на оценку [4. С. 11]. Поимо упрощения и оценочности, стереотипы характеризуются опосредованностью возникновения. В частности, еще У. Липпман отметил, что стереотип – это «упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта человека» [2. С. 59].

Существует три стадии формирования любого стереотипа: *выравнивание* – сведение объекта к нескольким признакам, *усиление* – придание данным выделенным признакам особой значимости; *ассимиляция* – выбор выровненных и усиленных признаков для построения образа, значимого для человека [5. С. 90]. Именно такие усиленные признаки и становятся основой для формирования стереотипных представлений о регионе, иными словами, формируют его стереотипный образ.

В качестве источника формирования стереотипного образа региона в первую очередь можно назвать масс-медиа, определяющие частотность упоминания региона на своих страницах, описывающие основные особенности региона, осуществляющие отбор освещаемых

информационных поводов, расставляющих акценты при подаче информации, выбирающие языковые средства, оказывающие наиболее сильное воздействие на адресата, формирующие определенное эмоциональное отношение к региону. Итогом такой деятельности масс-медиа является формирование стереотипного медиаобраза региона, воспринимаемого адресатами (читателями, зрителями, слушателями) как некая догма, закрепляющаяся в их сознании и ретранслируемая в дальнейшем деловом и бытовом общении.

Одним из наиболее интересных в этом отношении является образ Сибири, с которым связано значительное количество стереотипов (см. [6–15] и др.), существенную роль в формировании большинства стереотипов сыграли национальные масс-медиа.

Задача предлагаемого исследования – анализ стереотипных представлений о Сибири, содержащихся в российском медиадискурсе XXI века, и выявление языковых средств, используемых масс-медиа для формирования данных стереотипов. *Материалом* исследования являются тексты российских масс-медиа XXI века, представленные в Национальном корпусе русского языка. Основными методами исследования послужили контент-анализ и фреймовый анализ, заключающийся в представлении имеющейся в масс-медиа стереотипной информации о Сибири в виде фреймов (структур знаний) и их составляющих – субфреймов и слотов (см., например, [13, 15] и др.).

В процессе исследования российских медиатекстов эксплицирована фреймово-слотовая структура стереотипного медиаобраза Сибири, транслируемого российскими масс-медиа в новом столетии, установлено, что масс-медиа активно эксплуатируют фреймы «Природа и география Сибири», «История Сибири», «Экономика Сибири».

Фрейм 1. «ПРИРОДА И ГЕОГРАФИЯ СИБИРИ». Наиболее часто характеристика Сибири в российских масс-медиа осуществляется посредством акцентирования внимания уникальных природных и географических особенностях региона.

Субфрейм 1. «Характеристики территории». В рамках данного фрейма российские масс-медиа фокусируют внимание читателей на географическом положении региона, его удаленности от административного центра страны и других стран, большая площадь региона, ее малозаселенности.

Слот 1.1. «Географическое положение». Достаточно часто российские масс-медиа обращают внимание, что для многих (как жителей Москвы, так и для иностранцев) территориальное положение Сибири остается загадкой: *Как сказал А. Соколов, иногда дешевле съездить в Турцию, чем отправиться в Екатеринбург, «поэтому у многих москвичей представление, что* ***за МКАД начинается Сибирь****»* (Известия. 2013); *Я пошлю господину Дэйли* ***атлас. Пусть посмотрит, где начинается Сибирь****. У нас авиационное сообщение в стране превосходно налажено. Они у себя в Северной Америке дольше и дальше летают. По логистике, конечно, целесообразнее провести встречи с энхаэловцами в европейской части России. Хотя до того же Омска два с половиной часа лета с ветерком.* ***Смешное расстояние!*** (Советский спорт. 2011). Оба контекста, содержащие представления как жителей Москвы, так и Америки, демонстрируют далекие от реальности стереотипные представления о расположении Сибири.

Слот 1.2. «Удаленность территории». Неточные представления о расположении Сибири во многом связаны со стереотипными представлениями об удаленности региона как от Москвы, так и от всего мира. Репрезентантами подобных представлений являются лексемы и сочетания *далеко, далекий, конец мира, край света, Тьмутаракань* и др.: *За границей, собираясь в Сибирь, ты думаешь, что это конец мира и ни один человек по доброй воле не захочет там жить* (Комсомольская правда. 2012); *Овечкин: Бэттмана пугает, что лететь в Сибирь далеко*? *Лететь в Лос-Анджелес в два раза дольше*! (Советский спорт. 2011); *Не говоря уже о том, чтобы отправиться в «Тьмутаракань» – Урал, Сибирь, на Дальний Восток….* (Известия. 2012).

Слот 1.3. «Большая площадь территории» (огромная, бескрайняя). Одной из частотных характеристик Сибири, плотно укоренившейся в сознании, является огромная площадь региона. Подобные стереотипные представления репрезентированы лексемами *большой, огромный, бескрайний* и др.: *Мне хотелось сказать ему о том, какая же* ***бескрайняя наша Сибирь*** *и Россия, но зачем огорчать?* (Комсомольская правда. 2013); ***Огромная Сибирь*** *с ее нефтью* (Комсомольская правда. 2013).

Слот 1.4. «Необитаемая, необжитая территория». Представления о значительной территории, которую занимает Сибирь, во

многом предопределяют представления о малолюдности территории, так как столь обширное пространство сложно представить плотно заселенным людьми. Репрезентируют названные стереотипные представления лексемы *малолюдный, необитаемый, безжизненный, пустынный* и др.: *А выше нее темнота, словно бы* ***Сибирь*** *и Север с Чукоткой* ***необитаемы вовсе*** (Комсомольская правда. 2012); *До 2015 года общественное мнение вяло беспокоилось «демографическим навесом» Азии над* **малолюдными** *территориями* **Сибири** *и Дальнего Востока* (Km.ru. 2015); *А значительная часть российской территории Нечерноземье, Русский Север, Сибирь буквально вымирают* (Известия. 2013).

Субфрейм 2. «Климат». Данный субфрейм в проанализированном материале является вторым по частотности. Сибирь традиционно считается одним из самых холодных мест в мире, своеобразным царством мороза, холода, льда и снега.

Слот 2.1. «Мороз и холод». Стереотипные представления создают образ Сибири как региона низких температур, где мороз и холод являются постоянными, не зависящими от времени года. Репрезентанты названных стереотипных представлений – *холод, холодно, мороз, замерзать, вечная мерзлота* и др. *Еще слышали про Сибирь, что* ***там холодно*** (Комсомольская правда. 2014); *Единственное, что я знала о Сибири до приезда сюда, это то, что здесь невероятно холодно* (Известия. 2014); *Когда кто-то предложил мне спеть в Сибири, я ответила: «Ни за что, там такой мороз!»* (Известия, 2014); *Мы привыкли думать, что вечная мерзлота – это про Сибирь, Антарктиду или Гренландию* (Комсомольская правда. 2011). Показательно, что подобные представления бытуют у людей, никогда не бывавших в Сибири, что проявляется с помощью маркеров *слышали, знала до приезда, привыкли думать* и т.п. (см. приведенные выше контексты).

Слот 2.2. «Снег и лед». Низкие температуры Сибири закономерно приводят к тому, что вода на данной территории трансформируется в снег и лед. Наиболее частотные репрезентанты – *снега, заснеженный, метель, лед* и др.: *Он тепло приветствовал участников фестиваля и высказал слова особой благодарности мировым звездам, многие из которых прилетели в снега Сибири из далеких солнечных стран, покинув лазурные берега под кипарисами и пальмами*

(Труд-7. 2008); «*Участники будут пугать друг друга и стран-участниц российским танками, сибирским льдами и др*.» – спрогнозировал Воронин (Point.md. 2018);

Следует отметить, что многие репрезентанты, обозначающие климатические характеристики Сибири, используются в форме множественного числа (например, *холода, морозы, снега, льды* и др.), что указывает на частотность подобных явлений и их максимальную степень проявления.

Субфрейм 3. «*Природные и климатические зоны*». Сибирь стереотипно предстает как территория, покрытая дремучими лесами, преимущественно хвойными (тайгой), в сознании части людей Сибирь и Тайга являются некими синонимами: *В итоге махнул на меня рукой: «Ладно, Маш, я в Сибирь поеду, в тайгу* (Советский спорт. 2011); *Куда, можно узнать? В тайгу, в Сибирь* (Комсомольская правда. 2012).

Субфрейм 4. «Фауна». Территория Сибири представляется заселенной разнообразными животными, наиболее распространенными среди которых являются медведи и волки: *Инциденты* ***с медведями*** **и волками** *чаще всего случаются в* **Сибири и** *на Дальнем Востоке* (Известия. 2018); **Сибирские медведи** *атакуют села. Из-за аномально холодной весны им нечего есть* (Тайга-инфо. 2018).

Фрейм 2. «ИСТОРИЯ СИБИРИ». Масс-медиа, характеризуя Сибирь, регулярно вспоминают исторические события, оказавшие существенное влияние на формирование образа региона, упоминают исторических персонажей, каким-либо образом связанных в сознании россиян с сибирским регионом.

Субфрейм 1. «Место миграции». Значимым для характеристики Сибири является представление о данном регионе как месте, в котором с давних времен над коренным населением доминируют оказавшиеся там в результате миграции (вынужденной или добровольной) жители других районов России.

Слот 1.1. «*Место ссылки*». Несмотря на то, что с 80-х годов XX века Сибирь уже не является местом ссылки, и по информации, находящейся в открытых источниках, количество тюрем в Сибири значительно уступает количеству тюрем в европейской части России, образ Сибири как места ссылки прочно укрепился в сознании [13. С. 27] и до сих пор данные стереотипы вполне живы: *Ну и главное,*

чтобы создателей фильма в Сибирь не сослали (РБК Дейли. 2014); *Я схватил ее за руку под столом: «Замолчи, или ты хочешь, чтобы нас сослали в Сибирь?»* (Комсомольская правда. 2013).

Репрезентантами подобных стереотипных представлений о регионе являются лексемы *ссылка, сослать, закатать, загнать, этапировать, тюрьма, каторга, кандалы, цепи* и др.: *Вскоре его сослали в Сибирь, а она добровольно последовала за ним в ссылку* (Комсомольская правда. 2014); *Они пустили «красного петуха» помещику, который издевался над людьми, и их отправили всех пешком за восемь с половиной тысяч километров, в цепях и кандалах в Сибирь* (Комсомольская правда. 2013); *В Сибирь попадали, в лукьяновскую тюрьму попадали, на тот свет попадали* (Известия, 2013); *К слову – относительно россказней: мол, мой прадед» в политику не лез, жил себе, пасеку завел, а проклятые коммунисты в 1939 году его в Сибирь закатали...»* (Комсомольская правда. 2013).

Слот 2.2. Место переселения. Рост сибирского населения также традиционно связывается в масс-медиа с переселением народов в сталинскую эпоху и с эвакуацией предприятий и их тружеников в тыл во время войны. Репрезентантами данного слота являются лексемы *переселить, переселение, депортировать, депортация, колонизировать, колония, миграция, эвакуация*: *Одним из способов наделения землей правительство выбрало путь переселенческой политики в Сибирь* (РИА Новости. 2010); *Мол, местные евреи «помогали Москве советизировать оккупированную Литву», участвовали в предвоенной* ***депортации в Сибирь*** *некоторых представителей населения страны* (Комсомольская правда. 2012); *При этом русские – как испанцы, французы и англичане –* ***колонизировали Сибирь, массово переселяясь*** *на новые территории и состав там большинство населения* (Комсомольская правда. 2013); *Но ночью партизаны вывезли, спасли. Потом* ***эвакуация в Сибирь*** (Комсомольская правда. 2012).

Субфрейм 2. «Исторические личности». Рассматривая историю Сибири, масс-медиа регулярно упоминают исторических личностей, деятельность которых значима для формирования и развития региона. Наиболее частотными являются упоминания царя И.В. Грозного, атамана Ермака и министра Столыпина. Их деятельность, направленная развитие Сибири, репрезентирована глаголами *присоединить, завоевать, открыть, переселить* и др.: *А ведь* ***Грозный*** *вдвое*

расширил территорию России, ***присоединил*** *столько земель.* ***Сибирь, например*** (Комсомольская правда. 2013); *Кстати, само* ***завоевание Сибири Ермаком*** *– классический пример успешного государственно-частного партнерства* (Комсомольская правда. 2012); *Ах да, еще пишут, как* ***Ермак открыл Сибирь*** (Комсомольская правда. 2013); *И* ***Столыпин*** *сделал гениальную вещь.* ***Призвал крестьян ехать в Сибирь.*** *Создал банк, который давал переселенцам фактически беспроцентный кредит* (Комсомольская правда. 2011).

Фрейм 3. «ЭКОНОМИКА СИБИРИ». Достаточно противоречивыми являются стереотипы, связанные с экономикой Сибири.

Субфрейм 1. «Природные ресурсы». Сибирь традиционно считается крупнейшим в России сырьевым центром, в котором сконцентрированы богатые природные ресурсы и полезные ископаемые.

Слот 1.1. «Виды природных ресурсов». Репрезентируются представления о сибирских богатых ресурсах как с помощью родовых номинаций (природные богатства, полезные ископаемые, месторождения и др.), так и с помощью их видовых наименований (уголь, газ, нефть, золото, самоцветы и др.): *В те самые годы вся западная Сибирь стала ударной стройкой –* ***осваивались новые месторождения****, ставшие основой богатств нынешних олигархов* (Комсомольская правда. 2011); *Как утверждают инициаторы акции, сегодня Сибирь рассматривается государством преимущественно как* ***сырьевая колония*** (Новый регион 2. 2010).

Слот 1.2. «Сибирь как ресурсный центр России». Длительное время Сибирь воспринималась как сырьевой придаток страны, из которого все богатства перекачивались в столицу и распределялись по всей стране. Подобные стереотипные представления репрезентированы сочетаниями *сырьевой придаток, сырьевая колония* и др.: *…* ***Сибирь рассматривается государством преимущественно как сырьевая колония****, а существующие программы развития сибирских регионов конкретного ощутимого результат не дают* (Новый регион 2. 2010); *… Сибирь и дальний Восток, которые используются как экономическая колония, откуда получается большая часть доходов бюджета и которые индустриализируются и теряют жителей* (Комсомольская правда. 2013); *Сибирь же осталась территорией России, и* ***благополучие всей страны прирастало ее богатствами*** (Комсомольская правда. 2013).

Слот 1.3. «Контроль над природными ресурсами Сибири». Помимо экспликации традиционных представлений о сибирских богатствах, российские масс-медиа активно обсуждают достаточно новую проблему – проблему контроля над данными ресурсами и, как следствие, сохранение Сибири в составе России. Возникает обеспокоенность, не возникнет ли у жителей сибирского региона, достаточно обеспеченных в ресурсном отношении, стремления выделиться в самостоятельный экономический и политический субъект: *За горячими южными парнями потянутся* ***богатые природными ископаемыми*** *Якутия****, Сибирь****, «плюнут на материк» Дальний Восток и Колыма* (Комсомольская правда. 2011).

Освещается в масс-медиа и противоположная точка зрения, заключающаяся в том, что Россия может пожертвовать Сибирью для решения геополитических вопросов: *Как в свое время продали Аляску,* ***сейчас продадут Сибирь*** (Известия. 2013); *Думаю, что наши главные* ***сдадут Сибирь,*** *сдадут Курилы, сдадут Сахалин японцам* (Известия, 2013); *Сейчас идут какие-то странные предложения –* ***давайте отдадим*** *Дальний Восток, Кавказ,* ***Сибирь****, – возмущался Зюганов* (Комсомольская правда. 2013).

Кроме того, достаточно активно обсуждаются притязания на Сибирь иностранных государств, вытекающие из ресурсных богатств региона: ***Евросоюз требует*** *от России* ***допустить его к разработке природных ресурсов Сибири*** (Комсомольская правда. 2012); *Помните фразу госсекретаря США Мадлен Олбрайт о том, как несправедливо, что одна страна распоряжается таким богаством, как Сибирь?* (Комсомольская правда. 2012); ***Сибирь с ее природными ресурсами не должна находиться под контролем Москвы*** (Новый регион 2. 2010); *Да у всех мировых завоевателей идея закрепить свою победу путем расчленения России, чтобы она своими размерами не пугала других. И, конечно,* ***надо взять будет под внешний контроль природные ресурсы России, Сибирь, газ и нефть*** (Известия. 2014). В качестве претендентов на богатства Сибири регулярно называются Евросоюз, США, Китай и Япония.

Получившие широкое распространения предположения о возможной утрате богатств Сибири и самого региона вызывают беспокойство как у жителей Сибири, так и у большинства россиян, заин-

тересованных в сохранении стратегических ресурсов страны и ее территориальной целостности.

Субфрейм 2. «Состояние экономики Сибири». Экономическая ситуация в Сибири во многом определяется ее богатыми природными ресурсами, которые являются одновременно благом и «проклятием» региона.

Слот 2.1. «Стагнация экономики». Природно-ресурсный капитал является потенциально опасным фактором, так как привлекает интерес других государств, а также приводит к стагнации, поскольку доходы от экспорта сырья позволяют власти не заботиться о развитии экономики, превращают регион в сырьевую колонию (см. описанный выше слот 1.2), что приводит к понижению уровня жизни и, соответственно, к устойчивому восприятию региона как депрессивного. Подобные стереотипные представления репрезентируются в масс-медиа лексемами и сочетаниями *стагнация, депрессивный регион* и др.: *18* ***устойчиво депрессивных регионов*** *(Сибирь, Дальний Восток и Центральная Россия) должны разработать стратегии развития и подать заявки* (РБК Дейли, 2012); ***Стагнация*** *в* ***сибирской экономике*** *продолжается: за I квартал текущего года рост промышленного производства составил всего 0,6%, тогда как за аналогичный период прошлого года индустрия СФО выросла на 3,8%* (Сибпресс. 2005).

Слот 2.2. «Развитие экономики». В российских масс-медиа XXI века отмечается активное стремление сформировать представление о Сибири как о регионе, экономика которого входит в фазу активного развития, что должно привести к интенсивному развитию региона и повышению уровня жизни его жителей. Подобные идеи репрезентируются лексемами и сочетаниями *развитие, развивать, рост, экономические мощности, приоритетный регион* и др.: *Понятно, что* ***надо развивать Сибирь*** *и Дальний Восток* (РБК Дейли. 2013); ***Новыми точками роста российской экономики должны стать*** *Дальний Восток,* ***Сибирь****, Юг России и Калининградская область* (Комсомольская правда 2013); *Сергей Миронов убежден, что* ***Сибирь*** *и Дальний Восток способны* ***создать экономические мощности****, сопоставимые по масштабу с бурно развивающимися экономиками Китая и Юго-Восточной Азии* (РБК Дейли. 2013); *Владимир Путин поставил задачу за десять лет* ***сделать Сибирь ме-***

стом, по-настоящему пригодным для жизни и привлекательным для работы (Известия. 2010).

Проведенный анализ позволил установить, что стереотипный образ Сибири, представленный на страницах российских масс-медиа нового столетия, включает фреймы «Природа и география Сибири», «История Сибири», «Экономика Сибири», которые тесно взаимосвязаны между собой и формируют значительное количество стереотипных представлений о регионе. В то же время практически отсутствуют стереотипы о Сибири, связанные с фреймами «Культура», «Наука», «Спорт». Подобная организация стереотипного образа свидетельствует о том, что Сибирь воспринимается в первую очередь как регион, статус которого определяется объективно сложившимися обстоятельствами – его географическим положением, размером, климатом и природными богатствами, именно эти факторы определили его историю и современное состояние экономики и социальной среды. Обстоятельства, формируемые целенаправленно (достижения в культуре, науке и спорте), не стали пока характеристиками, формирующими узнаваемый образ региона в глазах россиян и мировой общественности, соответственно, для создания позитивного образа Сибири необходима серьезная работа в данном направлении.

Анализ также показал, что стереотипный образ Сибири динамичен. Масс-медиа отражают *традиционно существующие* в сознании значительного количества людей (жителей других регионов России и иностранцев) стереотипные представления о Сибири как о далеком, огромном регионе с суровыми климатическими условиями, богатом природными ресурсами сырьевом придатке России, являющемся к тому же местом ссылки и тяжелого труда вынужденных переселенцев. В то же время российские масс-медиа начинают формировать *новый стереотипный образ Сибири,* это образ региона, являющегося как залогом развития России, так и объектом притязаний недружественных стран.

Представленный в масс-медиа стереотипный образ Сибири амбивалентен, часть существующих стереотипов имеет ярко выраженный негативный характер (стереотипы ‘далеко’, ‘холодно’, ‘безлюдно’, ‘волки и медведи’, ‘лагеря и тюрьмы’) и вызывает чувство тревожности, часть стереотипов, преимущественно новых, позитивна (‘большая территория’, ‘природные богатства’, ‘перспективы разви-

тия’) и вызывает интерес к региону, в том числе, и у потенциальных инвесторов.

Таким образом, масс-медиа способны не только поддерживать и усиливать существующие стереотипы о регионе, но и создавать и транслировать новые, формируя объемный многоуровневый стереотипный медиаобраз Сибири, который является отправной точкой в дальнейшем для формирования бренда и имиджа сибирского региона.

Литература

1. *Андреева С.М., Ван Ци*. Понятие стереотипа в контексте современных исследований // V Научно-практическая Интернет-конференция «Альянс наук: ученый-ученому» (25–26 февраля 2010 года). URL: http://www.confcontact.com/2010alyans/fl4_andree.php

2. *Lippman W*. Public Opinion. New York: The Free Press, 1922. 422 p.

3. *Quasthoff U*. Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. Frankfurt: Athenäum, 1973. 312 p.

4. *Бартминьский Е.* Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М.: РГГУ, 2009. С. 11–21.

5. *Мельник Г.С.* Mass-media: психологические процессы и эффекты. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 160 с.

6. *Волошина С.В.* Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах томских крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38.

7. Имиджи Сибири / под. ред. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2008. 352 с.

8. *Литовкина А.М.* Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 204 с.

9. *Панарина Д.С.* Мифы и образы сибирского фронтира // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 39–52.

10. *Поплавская И.А.* Сибирь в рецепции лицеистов пушкинского выпуска // Имагология и компаративистика. 2017. № 8. С. 84–106.

11. *Родигина Н.Н.* Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 477 с.

12. *Сабаева Ю.С.* Коммуникативные тактики создания медиаобраза Сибири в региональном радиотексте // Огарёв-Online: Электронное периодическое издание для студентов и магистрантов. 2017. № 4 (93). URL: http://journal.mrsu.ru/arts/kommunikativnye-taktiki-sozdaniya-mediaobraza-sibiri-v-regionalnom-radiotekste

13. *Терских М.В., Малёнова Е.Д.* Медиаобраз сибирского региона (по материалам современных американских СМИ) // Человек в мире культуры. 2015. Т. 3. С. 19–30.

14. *Христенко Д.Н.* Образ Сибири в работах американских наблюдателей конца XIX – первой половины XX в. // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященный 85-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина, Л.В. Алексеевой. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2015. С. 94–96.

15. *Сушненкова И.А.* Лингвокогнитивное исследование регионального имиджа (на примере Омской области): дис. … канд. филол. наук. Омск, 2011. 272 с.

THE STEREOTYPICAL MEDIA IMAGE OF THE SIBERIAN REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN MEDIA OF THE 21ST CENTURY)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 222–236. DOI: 10.17223/24099554/12/11

Olga N. Kondratyeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Kondr25@rambler.ru

Keywords: imagology, image, region, media discourse, media image, stereotype, frame, Siberia.

This research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Kemerovo Oblast, Project No. 18-412-420003.

Linguistic studies of images of regions presented in different types of discourse become particularly relevant, which is determined by the fact that, first, images of regions have not been studied sufficiently and, second, cognitive mechanisms of the formation of images of regions (through direct personal experience or indirectly, e.g., from materials of the mass media, the Internet, eyewitnesses' stories, etc.) also require description. The basic source of the formation of a stereotypical image of a region is the mass media that determine the frequency of mentions of the region in the periodicals, select newsworthy events place accents when delivering information, choose language means of the strongest influence on the addressee, shape a certain emotional attitude to the region. The result of such mass media's activities is the formation of a stereotypical media image of the region that addressees (readers, spectators, listeners) perceive as a certain dogma, fix in their consciousness and relay in further business and everyday communication. One of the most interesting images in this respect is that of Siberia. A lot of stereotypes are connected with the image of Siberia, and the mass media played an important role in shaping them. This study aims to analyze ste-

reotypical ideas about Siberia occurring in Russian media discourse and to identify the language means the mass media use for the formation of the stereotypes. The material for the study is texts of the Russian mass media of the 21st century taken from the Russian National Corpus. During the study, the frame-and-slot structure of the stereotypical media image of Siberia was described. A conclusion is made that mass-media actively use frames "Nature and Geography of Siberia", "History of Siberia", "Social and Economic Sphere of Siberia". The analysis has shown that the mass media reflect ideas, existing in the consciousness of a significant number of people (residents of other regions of Russia and foreigners), about Siberia as about a distant and huge region with severe climatic conditions, a raw material adjunct of Russia which is also a place of exile and hard labor of forced migrants. At the same time the Russian mass media start to shape a new stereotypical image of Siberia. It is an image of a region rich with natural and human resources, actively developing, being both the guarantee of Russia's development and the object of claims of the unfriendly countries. Thus, the mass media are capable of both supporting and strengthening the existing stereotypes and creating new ones.

References

1. Andreeva, S.M. & Wan Qi. (2010) [The concept of a stereotype in the context of modern research]. *Al'yans nauk: uchenyy – uchenomu* [Alliance of Sciences: A Scholar to a Scholar]. Proceedings of the Fifth Internet Conference. 25–26 February 2010). [Online] Available from: http://www.confcontact.com/2010alyans/fl4_andree.php.

2. Lippman, W. (1922) *Public Opinion.* New York: The Free Press.

3. Quasthoff, U. (1973) *Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps.* Frankfurt: Athenäum.

4. Bartmin'skiy, E. (2009) Bazovye stereotipy i ikh profilirovanie [Basic stereotypes and their profiling]. In: Fedorova, L.L. (ed.) *Stereotipy v yazyke, kommunikatsii i kul'ture* [Stereotypes in language, communication and culture]. Moscow: RSUH. pp. 11–21.

5. Mel'nik, G.S. (1996) *Mass-media: psikhologicheskie protsessy i effekty* [Mass media: psychological processes and effects]. St. Peterburg: St. Petersburg State University.

6. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the concept "Siberia" in autobiographical stories of Tomsk peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/47/2

7. Suprun, V.I. (ed.) (2008) *Imidzhi Sibiri* [Images of Siberia]. Novosibirsk: FSPI "Trendy".

8. Litovkina, A.M. (2008) *Kontsept "Sibir'" i ego evolyutsiya v russkoy yazykovoy kartine mira: ot "Sibirskikh letopisey" do publitsistiki V.G. Rasputina* [The

concept of Siberia and its evolution in the Russian language picture of the world: from the Siberian Chronicles to V.G. Rasputin's journalism]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

9. Panarina, D.S. (2013) Myths and images of the Siberian frontier. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya – Cultural Geography & Geohumanities*. 2 (1). pp. 39–52. (In Russian).

10. Poplavskaya, I.A. (2017) Siberia as perceived by Tsarskoye Selo Lyceum graduates of the Pushkin's Era. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies.* 8. pp. 84–106. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/5

11. Rodigina, N.N. (2006) *Obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX v*. [The image of Siberia in the Russian magazines of the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Novosibirsk.

12. Sabaeva, Yu.S. (2017) Communicative tactics of creating the media image of Siberia in local radio text. *Ogarev-Online*. 4 (93). [Online] Available from: http://journal.mrsu.ru/arts/kommunikativnye-taktiki-sozdaniya-mediaobraza-sibiri-v-regionalnom-radiotekste. (In Russian).

13. Terskikh, M.V. & Malenova, E.D. (2015) Media-image of Siberian region (based on analysis of the modern American media). *Chelovek v mire kul'tury*. 3. pp. 19–30. (In Russian).

14. Khristenko, D.N. (2015) [The image of Siberia in the works of American observers of the late 19th – first half of the 20th centuries]. *Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokul'turnye aspekty proshlogo i nastoyashchego* [Ugra, Siberia, Russia: Political, economic, sociocultural aspects of the past and the present]. Proceedings of the International Conference Dedicated to the 85th Anniversary of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 94–96. (In Russian).

15. Sushnenkova, I.A. (2011) *Lingvokognitivnoe issledovanie regional'nogo imidzha (na primere Omskoy oblasti)* [A linguocognitive study of the regional image (on the example of Omsk Oblast)]. Philology Cand. Diss. Omsk.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.091+394.91
DOI: 10.17223/24099554/12/12

К.С. Шаров

ИМАГОЛОГИЯ В МАСШТАБАХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ‘МЫ’ И ‘ОНИ’ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

(Рецензия на книгу: W. Sassin, O. Donskikh, A. Gnes, S. Komissarov, Liu Depei. Evolutionary Environments. Homo Sapiens - an Endangered Species? Innsbruck: Studia Universitätsverlag, 2018, 362 p. ISBN 978-3-903030-60-2)

В статье производится обзор недавно вышедшей коллективной монографии «Evolutionary Environments. Homo Sapiens – an Endangered Species?» («Эволюционные среды. Homo sapiens – вид под угрозой?»), посвященной сопоставительной имагологии в масштабах цивилизационных блоков. В книге успешно исследуются культурные стереотипы Себя и Другого, а также концепт ‘инаковость’, присутствующие в художественной литературе, академическом дискурсе, политическом и медийном пространстве в рамках российской, китайской, индийской, мусульманской цивилизаций, а также европейско-американской и евразийской сверхцивилизаций.

Ключевые слова: *культура, цивилизация, инаковость, культурная идентификация, культурный стереотип, политический дискурс, медиапространство*.

В ситуации глобализирующегося мира особую значимость приобретают работы, посвященные культурной идентификации и отде-

лению понятия ‘мы’ от понятия ‘они’ в наднациональном масштабе, на уровне исторически сложившихся культурных (цивилизационных) блоков, или агрегаций. При этом сопоставительный анализ имагологических схем и устоявшихся антологий (словарей образов), проведенный в подобном цивилизационном масштабе, представляет собой не только важную веху в академических имагологических исследованиях, но и способен обладать практической ценностью. Такой анализ может выступать инструментом конфликтологии, психологии, медиации – инструментом, применяемым в политике, социальных программах, журналистике и в целом масс-медиа.

Книга «Evolutionary Environments. Homo Sapiens – an Endangered Species?» («Эволюционные среды. Homo sapiens – вид под угрозой?») [1] является знаковой работой подобного рода. Монография написана коллективом российских и зарубежных авторов и является плодом их совместной академической деятельности – международного семинара по сопоставительной имагологии «WE: The Dark Side of Evolution» («МЫ: Темная сторона эволюции»), регулярно проводимого в Германии в период 2012–2018 гг. под руководством Вольфганга Зассина, одного из соавторов монографии.

Данная книга – безусловно, не единственная работа по имагологии в наднациональном, цивилизационном масштабе, вышедшая в последнее время. В российском академическом сообществе в контексте укрепления евразийского сотрудничества эта тема вызывает все больший интерес, а количество публикаций в периодических изданиях, посвященных ей, неуклонно растет.

Из появившихся за последние три года работ упомянем несколько наиболее близких к теме рецензируемой книги. Так, в контексте подхода авторов монографии как теоретический, так и практический интерес представляют исследования Ю. Г. Атмановой, посвященные истории создания литературных и художественных образов Другого в Империи великих моголов, которые в наши дни легли в основу культурного разграничения индуистского и мусульманского миров в евразийском культурном пространстве [2–4]. Отдельным аспектам трансформации имагологических образов государств, этносов, идентичностей в евразийской сверхцивилизации в XXI в. – процесса, анализ которого составляет важную часть первой части книги – посвящены статьи В.В. Мароши [5], Л.И. Горбуновой [6], С.А. Смир-

нова [7], Т.Е. Третьяковой [8]. Тигран Симян уделил пристальное внимание изменению образа культурной и религиозной идентичности в европейской цивилизации и цивилизациях Ближнего и Дальнего Востока на примере армян при вхождении постсоветской Армении в евразийскую сверхцивилизацию [9–10]. Истории создания и поддержания образов России и Европы, а также русских и европейцев в русской и европейской литературе XVIII–XXI вв., а также кинематографе посвящено достаточное количество работ, в том числе Э. Монделло [11], Н.Х. Орловой, Д. Бержайте, Е.В. Кобзевой [12–13], А.С. Янушкевича [14]. Далее, как и авторы книги «Эволюционные среды» в главе 13.5, испанские исследователи А. М. Диас Ферреро и Э. Ф. Керо Хервилья показывают важную роль гендерной составляющей в создании авто- и гетеро-образов народа и стереотипов его поведения [15]. Наконец, В. Адамидис [16], В.В. Петров [17] и Д.А. Щеглов [18] на основе анализа античных источников находят истоки формирования современной европейской и евразийской имагологических картин еще в древности.

Несмотря на наличие большого количества исследовательских работ по проблеме трансформации имагологических антологий в рамках концептов ‘мы’ и ‘они’ в глобализирующемся мире, рецензируемая книга обладает несомненной новизной. Большим достижением авторов можно считать установление политических, социальных и культурных механизмов стирания национальных образов и потери национальной идентичности при вхождении того или иного этноса и/или культуры в европейско-американскую сверхцивилизацию и сохранения лица народа при интеграции в евразийское пространство [1. Part 2]. Авторами книги продемонстрирована роль художественной, академической, публицистической литературы, а также европейских масс-медиа, равно как политических идеологий неолиберализма и программ повышения социального равенства в ослаблении и даже устранении представлений о характерном национальном и религиозном облике в коллективном сознании [1.Ch. 13.7, 13.8, 14.1, 14.2].

Один из соавторов монографии, профессор О.А. Донских из Новосибирского государственного университета и Новосибирского государственного университета экономики и управления выдвигает концепцию когерентности имагологических антологий различных

цивилизаций в контексте своей теории связи культуры и цивилизации [1. Ch. 13.7; 19. P. 417–418; 20. C. 10 и сл.]. Другой соавтор рецензируемой монографии, профессор В. Зассин из Технического университета Вены посвящает несколько глав исследованию дрейфа имагологических концептов ‘мы’ и ‘они’ в Евросоюзе в ситуации глобальной неопределенности проекта объединенной Европы в 2010-е гг. [1. Ch. 6–8; 21]. Третий автор – Александр Гнесь из института археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске – в своем анализе показывает причины, по которым венгры сохранили до настоящего времени свою культурную идентичность и свое «лицо», даже находясь в центре ЕС, философия и практика построения которого вовлекает все европейские народы и культуры в воронку единой безликой идентичности «беспредельно толерантного повседневного гражданина». Исследователь предлагает на основе этого анализа некоторые схемы, используя которые, та или иная нация или культурная группа может не превратиться в безликую массу «повседневных людей»[1] в литературе, искусстве, медийном пространстве, политическом дискурсе глобального мира, а добиться успеха в воспроизводстве своей неповторимости в образах, закрепленных в литературе, искусстве и культуре глобальных цивилизаций и даже сверхцивилизаций [1. Ch. 13.4, 13.6]. Четвертый и пятый авторы монографии, профессор Сергей Комиссаров из Новосибирского государственного университета и генерал-майор, профессор Лю Депей, директор-контролер докторантуры Народно-освободительной Армии Китая исследуют феномен «китайскости», позволивший китайской цивилизации сохранять свое уникальное лицо в мировой культуре на протяжении по меньшей мере четырех тысячелетий в виде огромной совокупности хорошо узнаваемых образов [1. Ch. 13.2, 13.5].

Какими должны быть будущие образы страны, нации, культурной или религиозной идентичности, чтобы они не утонули в культурно- и лингвистически-однородном море глобализирующегося мира, а остались прочно зафиксированными в языке, литературе, символике, общественном сознании, идеологиях? Как изменятся об-

[1] Термин «повседневный человек», впервые предложенный Х. Клинтон, всесторонне осмысляется на страницах книги в контексте создания имагологических антологий. Авторы также вводят термин *homo billionis* – человек миллиардов.

разы, связанные с взаимным восприятием стран и народов? Что будут означать понятия «национальная черта» и «национальная литература» через десять, пятьдесят и сто лет? На эти и иные, не менее важные вопросы пытаются найти ответы авторы монографии «Эволюционные среды», которая, безусловно, займет важное место в развитии отечественной и мировой имагологической науки.

Литература

1. *Sassin W., Donskikh O., Gnes A., Komissarov S., Liu D.* Evolutionary Environments. Homo Sapiens - an Endangered Species? Innsbruck: Studia Universitätsverlag, 2018. 362 p.

2. *Атманова Ю.Г.* Династическая гордость великих моголов и формы её проявления // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1 (11). С. 48–65.

3. *Атманова Ю.Г.* Лучезарный лик великого могола: концепция Фарр-и изади и её визуальное воплощение // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. Вып. 2 (12). С. 9–29.

4. *Атманова Ю.Г.* Образ Йусуфа в могольской живописи: к вопросу прочтения изобразительного текста // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 195–204.

5. *Мароши В.В.* Монгольская империя в современных российских имперских проектах: фантастика, публицистика, фолк-хистори // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 181–196.

6. *Горбунова Л.И.* Перцептивная основа наивной категоризации предметного мира // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 48. С. 5–18.

7. *Смирнов С.А.* Визуальное путешествие как метод. Генезис // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1 (11). С. 9–26.

8. *Третьякова Т.Е.* Визуальное событие как образовательная инновация // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 1 (15). С. 134-156.

9. *Simyan T.S.* Armenian epos in social and collective consciousness of the Soviet and post-Soviet era (by example of kitsch goods of Yerevan vernissage) // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 2 (12). P. 92–108.

10. *Simyan T.S.* New year and its attributes in Soviet and post-Soviet textbooks (on the example of Armenia and Russia) // ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics. 2018. № 1 (15). P. 10–33.

11. *Монделло Э.* Россия в путевых записках Итало Кальвино и Альберто Моравиа // Имагология и компаративистика. 2018. № 10. С. 172–182.

12. *Орлова Н.Х., Бержайте Д.* Литовские семиотические штудии: из истории сценических «переводов» Достоевского в Литве // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 110–131.

13. *Орлова Н.Х., Кобзева Е.В.* Тематические акценты и семиотические контексты в современном итальянском кино // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 2 (12). С. 109–124.

14. *Янушкевич А.С.* Особенности имперского текста В.А. Жуковского: идеология и культуртрегерство // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 77–92.

15. *Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 42–58.

16. *Adamidis V.* The theory and practice of torture in Ancient Athenian courts // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2018. V. 12. No. 2. P. 336–348.

17. *Petrov V. V.* Appropriation of foreign learning in Ancient and Medieval Latin tradition // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2018. V. 12. No. 2. P. 569–581.

18. *Shcheglov D.A.* The Mediterranean coast of Africa in Ptolemy's geography and in the Stadiasmus of the Great Sea // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2018. V. 12. No. 2. P. 453–479.

19. *Donskikh O.A.* Splitting concepts: steps of reflection // ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 2018. V. 12. No. 2. P. 402–425.

20. *Донских О.А.* HORROR ZIVILIZATIONIS, или ужас субъективности // Культура и искусство. 2015. № 1. С.7–15.

21. *Зассин В.* Ищите и обрящете // Идеи и идеалы. 2013. № 3(17). Т. 1. С. 31–40.

IMAGOLOGY ON THE SCALE OF CIVILISATIONS, OR THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPTS 'WE' AND 'THEY' IN THE GLOBALISING WORLD (BOOK REVIEW: SASSIN, W. ET AL. (2018) *EVOLUTIONARY ENVIRONMENTS. HOMO SAPIENS – AN ENDANGERED SPECIES?* INNSBRUCK: STUDIA UNIVERSITÄTSVERLAG)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 237–244. DOI: 10.17223/24099554/12/12

Konstantin S. Sharov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). E-mail: const.sharov@mail.ru

Keywords: culture, civilisation, difference, cultural identification, cultural stereotype, political discourse, media space.

The article offers an overview of the recently published collective monograph *Evolutionary Environments. Homo Sapiens – an Endangered Species?* devoted to comparative imagology on the scale of civilisational blocks. The book successfully explores the cultural stereotypes of *Self* and *Other*, as well as the concept of 'otherness', present in fiction, academic discourse, political and media space within the Russian, Chinese, Indian and Muslim civilisations, as well as European-American and Eurasian super-civilisations.

References

1. Sassin, W. et al. (2018) *Evolutionary Environments. Homo Sapiens - an Endangered Species?* Innsbruck: Studia Universitätsverlag.

2. Atmanova, Yu.G. (2017) The dynastic pride of the Great Mughals and the forms of its manifestation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1 (11). pp. 48–65. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-1-48-65

3. Atmanova, Yu.G. (2017) The radiant face of the Great Mughal: The concept of Farr-i izadi and its visual representation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2 (12). pp. 9–29. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-2-9-29

4. Atmanova, Yu.G. (2018) The image of Yusuf in Mughal painting: On the issue of reading pictorial text. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2 (16). pp. 195–204. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-195-204

5. Maroshi, V.V. (2017) The Mongol Empire in modern Russian imperial projects: fantastic fiction, publicism, folk history. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 7. pp. 181–196. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/7/11

6. Gorbunova, L.I. (2017) The perceptual basis of the naive categorization of the objective world. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 5–18. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/1

7. Smirnov, S.A. (2017) Visual journey as a method. Genesis. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1 (11). pp. 9–26. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-1-9-26

8. Tret'yakova, T.E. (2018) Visual event as an educational innovation. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1 (15). pp. 134–156. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-134-156

9. Simyan, T.S. (2017) Armenian epos in social and collective consciousness of the Soviet and post-Soviet era (by example of kitsch goods of Yerevan vernissage). *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2 (12). pp. 92–108. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-2-92-108

10. Simyan, T.S. (2018) New Year and its attributes in Soviet and post-Soviet textbooks (on the example of Armenia and Russia). *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 1 (15). pp. 10–33. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-1-10-33

11. Mondello, E. (2018) Russia in Italo Calvino's and Alberto Moravia's travel notes. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 10. pp. 172–182. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/10/9

12. Orlova, N.Kh. & Berzhayte, D. (2018) Lithuanian semiotic studies: from the history of Dostoevsky's theatrical "translations" in Lithuania. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy*

vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. 2 (16). pp. 110–131. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-110-131

13. Orlova, N.Kh. & Kobzeva, E.V. (2017) Thematic accents and semiotic contexts in modern Italian cinema. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Problemy vizual'noy semiotiki – ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 2 (12). pp. 109–124. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2017-2-109-124

14. Yanushkevich, A.S. (2017) Features of V.A. Zhukovsky's imperial text: ideology and cultural enlightenment. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 7. pp. 77–92. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/7/5

15. Diaz Ferrero, A.M. & Quero Gervilla, E.F**.** (2018) Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 42–58. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/3

16. Adamidis, V. (2018) The theory and practice of torture in Ancient Athenian courts. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (2). pp. 336–348.

17. Petrov, V.V. (2018) Appropriation of foreign learning in Ancient and Medieval Latin tradition. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (2). pp. 569–581.

18. Shcheglov, D.A. (2018) The Mediterranean coast of Africa in Ptolemy's geography and in the Stadiasmus of the Great Sea. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition.* 12 (2). pp. 453–479.

19. Donskikh, O.A. (2018) Splitting concepts: steps of reflection. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12 (2). pp. 402–425.

20. Donskikh, O.A. (2015) HORROR ZIVILIZATIONIS, ili uzhas sub"ektivnosti [HORROR ZIVILIZATIONIS, or The horror of subjectivity]. *Kul'tura i iskusstvo.* 1. pp. 7–15. DOI: 10.7256/2222-1956.2015.1.13532

21. Sassin, W. (2013) Seek and you shall find. Translated from German. *Idei i idealy – Ideas and ideals*. 3 (17):1. pp. 31–40. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Березкина Светлана Вениаминовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Компаративистика и имагология» Томского государственного университета.
E-mail: s.berezkina@mail.ru

Ди Филиппо Марина – PhD, доцент кафедры литературы, языка и компаративистики Неаполитанского университета Л'Ориентале (Италия).
E-mail: mdifilippo@unior.it

Жилякова Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: emmaluk@yandex.ru

Ковальчук Юлия Андреевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры языков и литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко (Украина).
E-mail: yulaukr@bigmir.net

Кондратьева Ольга Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.
E-mail: Kondr25@rambler.ru

Королева Светлана Борисовна – д-р филол. наук, доцент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного Нижегородского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета.
E-mail: klimova1@hotmail.com

Никола Марина Ивановна – д-р филол. наук, заведующая кафедрой всемирной литературы Московского педагогического государственного университета.
E-mail: nikola7352@mail.ru

Никонова Наталья Егоровна – д-р филол. наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета.
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Новикова Елена Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: elennov@mail.ru

Пенская Елена Наумовна – д-р филол. наук, профессор, руководитель департамента общей и прикладной филологии Высшей школя экономики (Москва).
E-mail: e.penskaya@gmail.com

Сафронова Елена Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета.
E-mail: esafr@mail.ru

Хомук Николай Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.
E-mail: homuk1@yandex.ru

Шаров Константин Сергеевич – кандид. филос. наук, старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: const.sharov@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ИМАГОЛОГИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКА»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе Word. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

– инициалы и фамилия автора;

– название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);

– её краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;

– ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта - 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру. Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (http://journals.tsu.ru/imago/) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются: англоязычный блок; английский вариант инициалов и фамилии автора; перевод названия своей организации; перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812"); автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке; перевод ключевых слов на английский язык.

Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– учёная степень, учёное звание;

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

текст статьи с аннотацией на русском языке;

английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2500-3000 печатных знаков; включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например: Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Имагология и компаративистика», Хомуку Николаю Владимировичу[1].

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/imago/

[1] По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

Научно-практический журнал

ИМАГОЛОГИЯ
И КОМПАРАТИВИСТИКА

IMAGOLOGY AND COMPARATIVE STUDIES

2019. № 12

Редактор Н.А.
Компьютерная верстка А.И. Лелоюп
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 10.12.2019 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага для офисной техники.
Печ. л. ; усл. печ. л. . Тираж 50 экз. Заказ №
Цена свободная

Дата выхода в свет 2019 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru